

Александр Тестов Варяги

Варяги – 1

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>
«Варяги»: Ленинградское издательств; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0427-6

Аннотация

Их трое и они разные, не похожие друг на друга. У каждого свои причины вернуться домой, но они оказались очень далеко от него. Настолько далеко, что пути назад нет. Остается продолжать жить и надеяться. Надеяться на себя и на друга. Но жизнь в далеком прошлом сурова и безжалостна, и друзья не знают, что им предстоит потерять... или кого.

Александр Тестов Варяги

От автора

Автор просит читателей обратить внимание на тот факт, что данное произведение не является строго историческим. Данный литературный труд – это историческое фэнтези, хотя в книге и использованы некоторые исторические и географические названия. Автор убедительно просит читателей отнестись к этому произведению именно с этой позиции. Все персонажи вымышленные, а все совпадения в той или иной мере случайны.

Автор выражает признательность Анне Райхман за оказанную поддержку в начинании и огромное терпение.

Посвящается моему другу Павлу Юрьевичу Орлову, которому принадлежат некоторые крылатые слова и афоризмы, используемые в данной книге.

*Когда-то плавилась мозги
При виде замкнутых цепей,
Теперь мы перемалываем кости
Давно заброшенных идей!*

*Нам безразличны эти мысли,
И вам нас точно не понять,
На переправе мы меняем лошадей
И мчимся. Только б не стоять.*

Пролог

Иногда происходит даже то, что никогда не происходит.

В Южно-Африканской Республике неггибаемый борец за права чернокожего населения Нельсон Мандела дописывал шестнадцатую главу своей автобиографии, а в Российской Федерации заканчивался второй день Выборгского фестиваля.

Прошли бои и выступления музыкантов, туристы схлынули за стены замка, а участники, уютно разместившись вокруг костров, вечёрили. Солнце почти спряталось за горизонтом, становилось темно. Эта ночь в начале августа обещала быть теплой.

У спуска к воде Андрей, рыжеволосый парень двадцати пяти лет от роду – реконструктор с трехлетним стажем – созерцал догорающий закат с кружкой пива в руке. Он не причислял себя к романтикам, но именно сейчас ему захотелось побыть в одиночестве. В прошедшем турнире он дошел до полуфинала и проиграл. Проиграл до обидного быстро, и кому? Ролевику! Он не любил ролевиков, считая их несерьезными, поверхностными и не знающими истории. Их игры его раздражали, он считал это ребячеством, ведь ролевики не использовали настоящее оружие, а рубились на дюралевых и текстолитовых клинках, – какой позор! Да и доспехи их, хоть и были железными, не имели ничего общего с историческими аналогами. То ли дело реконструкция – это вам не игра, это дело серьезное. Необходимо иметь костюм и доспехи, четко соответствующие историческим аналогам реконструируемой эпохи, идеально – чтобы было археологическое или летописное подтверждение. Только так, а как иначе?! Одежду следует шить только из дотканной ткани. Швы – исключительно ручную, тесьма плетется непременно с историчными узорами и чтобы никакой «фэнтезятины». Именно таким и был Андрей – правильным и помешанным на истории. А этот невесть откуда взявшийся ролевик «сделал» его на сорок пятой секунде. И ведь не участвовали раньше ролевики в Выборгском фестивале, не их это праздник. А этот появился и победил – вот ведь незадача.

Андрей жадно отпил пива из глиняной кружки. Он еще раз вспомнил неприятную минуту своего поражения. Быстро... Все произошло слишком быстро! Андрей всегда считал, что ролевые игры – это что-то сугубо из мира эльфов, гномов и высокородных принцев «Десятого королевства» ну и всех иже с ними, чтоб им пусто было. А этот еще при регистрации на турнире объявил, что не реконструктор и ни в каком клубе не состоит, и что он вообще ролевик – вот нахал! И ведь появился, прошел регистрацию, и одет был правильно, то есть исторично, и мечом владел хорошо. Андрей мечтал наказать его за наглость, но не вышло – обидно! Осушив очередную кружку, закурил; из початой двухлитровой бутылки пива, стоявшей рядом у ног, он вновь наполнил свою тару. Назавтра был назначен общий бугурт, и Андрей твердо решил встать в строй напротив этого ролевика

и «угостить» его «по-взрослому».

Докурив, он с силой отбросил окурок в воду.

– Привет! – неожиданно донеслось из темноты.

Ошарашенный реконструктор так резко развернулся, что пиво выплеснулось из кружки.

– Чего подкрадываешься? – недобро спросил он незнакомца.

Тот приблизился почти вплотную, чтобы сидевший у воды смог его разглядеть. Подошедший был на голову выше реконструктора и шире в плечах.

– Не признал?

Андрей оглядел гостя: высокий, крепкий парень, с русыми не длинными волосами, одет в исторический костюм с наборным поясом, на котором висел двадцатисантиметровый нож в ножнах. Он был без шапки и держал под мышками две двухлитровых бутылки пива.

– Ты?! – не поверил реконструктор.

Ролевик протянул руку и представился:

– Вадим.

Руку пришлось пожать.

– Чего надо?

– Да вот, пивка хочу с тобой выпить.

Андрей еще раз посмотрел на принесенные гостем бутылки.

– Так у меня есть.

Вадим поставил пиво на землю и сел сам.

– Давай-ка вместе выпьем, – предложил он, открывая одну бутылку, – вот только я кружку забыл, придется из горла.

Реконструктор вылил в кружку остатки своего пива и отставил пустую бутылку в сторону.

– Ну, давай выпьем, – выдавил он из себя.

Они молча выпили. И потом еще долго сидели в наступивших сумерках.

– Трубку будешь? – предложил Вадим, первым нарушив затянувшееся молчание.

– Что, типа трубку мира?

– Ну, что-то типа того...

– Набивай.

Вадим набил трубку ароматным табачком и, раскурив, протянул реконструктору.

Андрей сделал несколько затяжек.

– Хороший табачок, – похвалил он, возвращая трубку.

– Что есть – то есть, – ответил ролевик. – Недавно «пересел» на трубку с сигарет, так курить бросаю.

– Все равно ведь куришь.

– Так тут пока трубку набьешь, почистишь... Вообще не быстро.

От ближайшего костра, где веселились члены какого-то клуба, донеслись звуки гитары и зычный бас затянул:

Как на поле Куликовом просвистели кулики,
И в порядке бестолковом вышли русские полки...

Через секунду десятки глоток подхватили бравую песню:

Как дыхнули перегаром, за версту от них разит,
Значит, выпито немало. Значит, будет враг разбит!

Недавние поединщики прислушивались к словам и с каждой новой строкой улыбались все шире.

Александр Святославич в ратном деле знает толк,
На засаду через речку он повел отборный полк...

Песню не пели – ее орали, да так, чтобы слышали все соседние команды. Грустить больше не хотелось, душа требовала продолжения, поскольку пиво и, что особенно обидно, табак закончились.

Перебрались через речку с криком, матом удалцы,
А назад дороги нету, в речку брошены концы.
Как дыхнули перегаром – за версту от них разит,
Значит, выпито немало. Значит, будет враг разбит!

На последних аккордах до них донесся крик.

– Вадя!!! Хлопин!!!

Вадим обернулся и в свете ближайшего костра заметил Павла. Тот кружил среди отдыхающих реконструкторов явно в поисках друга, озираясь по сторонам и вглядываясь в лица. Шумная среда любителей истории была ему в новинку, и он чувствовал себя не очень уютно. Вадим как-то забыл, что оставил друга ждать у палатки, пообещав скоро вернуться. Павел приехал на фестиваль как турист и посему не имел исторического костюма, а Вадим запретил ему шататься по замку в одиночку.

– Вот, блин, забыл – это, кажись, меня потеряли, – поднимаясь, сказал он Андрею.

Поднявшись, Вадя помахал рукой другу, забавно смотревшемуся в джинсовом костюме среди реконструкторов, и громко позвал:

– Пашка! Я здесь, иди сюда!

Реконструктор тоже обернулся и, увидев приближавшегося Павла, бодро произнес:

– А вот и пиво!

Пашка явился действительно не с пустыми руками. Он тащил приятно округлый жестяной бочонок пива, обхватив его одной рукой и прижимая к груди, как младенца. В другой руке он сжимал стопку больших одноразовых стаканов.

– Я тебя везде ищу, – укоризненно произнес вновь прибывший. – Ты чего тут на берегу маскируешься?

Пашка демонстративно поставил перед Вадимом бочонок и тут увидел Андрея, рядом с которым валялись пустые бутылки.

– Вот так, значит! – друг ролевика упер руки в боки. – Я тебя ищу, а ты уже готов!

– Паха, давай-ка не бузи, – шутливо оборвал его друг. – Лучше открывай, турист ты мой разлюбезный!

Через секунду вожаденный бочонок был вскрыт, и пиво, издавая приятный аромат, вспенилось в пластиковых стаканах.

– А курево есть? – с надеждой в голосе спросил Вадим. – А то трубку бить не охота.

– Есть, а как же, – весело ответил Пашка.

– Отлично, просто великолепно, – вставил реконструктор и протянул Пашке руку. – Меня зовут Андрей, можно просто – Сигурд.

– Павел, можно просто Паша, – пожав руку, гордо произнес тот.

– Вот и познакомились, – резюмировал ролевик. – А теперь, внимание, тост! За наше случайное знакомство!

Все трое расплылись в довольных улыбках, вспомнив слова из известного кинофильма. Три пластиковых емкости коснулись друг друга, всколыхнув не осевшую пену, и парни залпом влили в себя хмельной напиток.

* * *

Становилось душновато, в воздухе ощущалось приближение грозы. Темнота

опустилась кромешная, мрачные тучи закрыли и звезды, и луну. Участники фестиваля, приняв последнюю дозу горячительного, стали укладываться по палаткам и шатрам, лишь самые стойкие продолжали держать оборону у затухающих костров. Оборону держали крепко и задорно. Кто-то из украинских друзей огласил замковое пространство старинной озорной песенкой:

Ты казала в понедилок
Пидем разом по барвинок.
Я пришел, тебе нема
Пидманула, пидвела.
Ты ж мене пидманула, ты ж мене пидвела,
Ты ж мене, молодого, с ума-розума свела.

А так как ночное бдение не возможно без девушек, то и в ответ тут же раздалось:

Я ж тебе, я ж тебе пидманула,
Я ж тебе, я ж тебе пидвела,
Я ж тебе, я ж тебе, молодого, с ума-розуму свела.

Содержимое бочонка, принесенного Павлом, неизбежно заканчивалось, а гроза неизбежно надвигалась. Прошло не больше часа со времени их общего знакомства, а они уже успели порядком «набраться» и теперь совсем по-приятельски обсуждали предстоящий завтрашний бугурт.

Ты казала у ви второк поцелуешь разив сорок...

Однако предвкушения воинских забав не очень радовали туриста, его потянуло на приключения и именно сейчас:

– А полезли на башню, – предложил изрядно захмелевший Павел, указывая в сторону, туда, где неясно виднелись очертания выборгской башни святого Олафа.

– Ты чо? Нас же не пустят! – заплетающимся языком пробормотал реконструктор.

– Пустят! – почти твердо произнес Вадим, пытаясь ударить себя кулаком по коленке и промахиваясь. – А не пустят – возьмем штурмом.

– Точно, штурмом! Пошли, – скомандовал турист, поднимаясь первым.

Ты казала у ви второк поцелуешь разив сорок...

Сверкнула ослепительная молния, на секунду стало светло как днем. А через мгновение где-то совсем близко гроыхнуло.

– Вот, и ваш Один или как там его... тоже согласен! – указав пальцем на небо, произнес Пашка, хватаясь за друга, чтобы не упасть.

– Точно! – подтвердил друг.

– Железно, – кивнул Андрей.

Ты казала во середу пидем разом по череду...

На преодоление непреодолимого препятствия в виде тети Глаши, которая на просьбу пропустить их в башню отреагировала как истинная валькирия, ушло почти двадцать минут. Тетя Глаша, как истинный сторож, вооружившись метлой, пыталась преградить путь троим нагло рвавшимся внутрь бойцам.

– Не пуцу! – кричала она, отбиваясь от наседавшей на нее троицы.

В небе опять гроыхнуло, и сверкнула молния. Брать башню действительно пришлось

штурмом.

Ты сказала у читверг пидем разом на концерт...

В итоге Вадим и Андрей обошли ее с двух сторон, пока Павел атаковал «в лоб».

Дверь за спиной пожилой валькирии скрипнула, она обернулась, и друг ролевика юркнул под грозно занесенной метлой. Воссоединившись, троица проскочила вовнутрь башни, и дверь перед носом бабы Глаши закрылась.

– У-у-у, ироды окаянные....

Ты сказала у читверг пидем разом на концерт...

Для хмельного организма путь на самый верх был тяжел и труден – шутка ли такая куча метров вверх, да по крутой лестнице. Преодолевая пролет за пролетом, все трое наконец выбрались на крышу башни, вернее, на ее карниз шириной в метр. Пока они преодолевали этот сложный путь, гром раздался еще несколько раз.

Ты сказала у пятницу пидем разом у светлицу...

– Красотища, – первым воскликнул реконструктор, выйдя на смотровую площадку.

– Что есть – то есть, – подтвердил Вадим.

Павел промолчал. Небо очередной раз озарилось яркой вспышкой, и друга ролевика стошнило. Он перегнулся через перила и с высоты птичьего полета исторгнул из уст своих все содержимое желудка. И тут снова громынуло. Два недавних противника по турниру тут же схватили Павла за руки, чтобы тот не свалился вниз. С неба, за мелькнувшей молнией, упали первые крупные капли летнего дождя.

Ты сказала у субботу пидем разом на работу...

– Ну, ты как? – спросил друга Вадим. – Живой?

Павел откашлялся, сплюнул, но сказать ничего не смог.

– Эх угораздило же тебя, – не унимался друг, – небось, в лагере водки выпил?

Пашка обреченно кивнул. Вновь сверкнула молния.

Ты сказала у нидиле пидем разом на висилье...

– Это ты зря, – пожурил его реконструктор, – водка с пивом...

Последних его слов никто не расслышал, громынуло совсем рядом, да так, что заложило уши. Затем опять сверкнуло, больно резанув по глазам. Павел совсем ослаб и тяжело повис на руках друзей. Следующий громовой удар почти оглушил. А очередная молния электрической стрелой врезалась в карниз башни всего в двух шагах от парней. От удара металлический карниз задрожал, и все трое, не устояв на ногах, припали к ограждению. Решетка не выдержала напора трех крепких тел и прогнулась. Звуковая волна дрожью отозвалась во всем теле.

– Ложись! – крикнул Вадим реконструктору и стал заваливать на себя повисшее на руках тело Пашки. Дождь пошел чаще, яростно забарабанив по жестяной кровле башни, и мгновенно намочил весь карниз.

Молния вновь метнула свои стрелы, а очередной оглушающий удар, казалось, накрыл всю вселенную. Не выдержав испытания, карниз прогнулся, и по скользкой поверхности все трое скатились до перил. Только сейчас Вадим заметил, что держит Пашку один. Андрей, отпустив его, двумя руками вцепился в ограждение, пытаясь удержаться, чтобы не упасть вниз.

– Славно погуляли, – едва слышно произнес Вадим, и в следующую секунду перила ограждения со скрежетом оторвались от карниза.

Первым начал падать Андрей, а тело Пашки поползло, увлекая следом за собой и Вадима. Ролевик попытался ухватиться одной рукой за сам карниз, но рука предательски соскользнула.

Вадим слышал дикий крик летевшего камнем вниз реконструктора, и из его рта невольно вырвался не менее душераздирающий вопль отчаяния. В воздухе его развернуло, и теперь он летел лицом к земле, видя, как быстро приближается булыжная мостовая замка. «А ведь иногда люди выживали, падая и не с такой высоты», – обманчиво мелькнула спасительная мысль в унисон со вспышкой молнии. Он уже был готов встретиться с землей, успев подумать, что падает как-то неестественно медленно, но страх и следующий раскат грома заглушил все мысли и лишил сознания. Уже где-то далеко в холодном и бесчувственном космосе горланили румяные девки:

Я ж тебе, я ж тебе пидманула,
Я ж тебе, я ж тебе пидвила,
Я ж тебе, я ж тебе, молодого, с ума-розума свела.

Метеоритный дождь из ярких, стремительно мелькающих звездочек проносился мимо и затихал.

Я ж тебе, я ж тебе, я ж тебе, я ж тебе...

Часть первая Осознание себя

*Их дома вихорь разметал,
Их гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах,
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.*
В. Жуковский

Глава первая А кто здесь Кукша?

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.
Старинная поговорка

Первым пришел в себя Павел. Конечно, спать ему еще очень хотелось, но похмельная жажда и полный мочевого пузырь не задержали его в мире грез. Он лежал на спине, и оттого яркий солнечный свет резал разомкнутые с трудом глаза. Павел прикрыл их рукой и взглянул вверх. Над головой, в нежно-голубом небе медленно плыли дымчатые облака. Он лениво повел головой по сторонам, стараясь не встряхнуть похмельный мозг. Его окружала невысокая зеленая трава и какие-то голубенькие цветочки. Трава еще не совсем просохла от утренней росы, и Паша запустил в нее обе руки. Когда ладони достаточно увлажнились, он обтер ими лицо и свои иссиня-черные волосы. Стало немного легче – включился слух, и недавний фестиваль турист услышал веселый щебет десятков птиц и заливные трели кузнечиков. Он напряг слух, прислушался. Окружающая природа шевелила листвой и

травой, нашептывая что-то странное: «Я ж тебя, я ж тебя...»

Несмотря на всестороннее благолепие, на душе было тяжело. Он заставил себя сесть, а потом с трудом подняться. Оглядевшись еще раз с высоты своего роста, Паша с радостью для своего измученного жаждой тела увидел прямо перед собой великое скопление воды. Большое озеро манило и звало к себе. Даже не большое, а огромное, ибо другого берега Паша не наблюдал, как не шурился. Волны набегали на прибрежные камни, обильно орошая их. Волны приятно рокотали: «Я ж тебя, я ж тебя...»

Павел покачал головой, пытаясь отбросить охватившее его наваждение. Кажись, помогло. Первой его мыслью было кинуться к озеру и пить, пить, пить... Но тут, как назло, проснулся мочевого пузырь. Да так стремительно проснулся, что Пашка быстро завертел головой по сторонам в поисках подходящего кустика. Слева росли редкие березки, между которыми виднелись большие и малые камни, чуть в глубине он успел рассмотреть два огромных валуна.

«Карелия, блин» – подумал Пашка. Справа тянулись заросли кустарника, переходящего в камыш у самого берега озера. Взгляд его остановился на набегающих волнах, на поверхности которых играли и искрились солнечные лучи. Жажда стала нестерпимой – вода манила исходящей от озера прохладой. Словно загипнотизированный, Павел не мог оторвать глаз от воды. В его похмельном мозгу яростно боролись две мысли – попить и пописать. Наконец он сбросил оцепенение, ибо вторая мысль победила. Павел резко развернулся и кинулся к березкам.

Добежав до деревьев, Павел стеснительно, словно было кого стесняться, спрятался за ствол березы. Когда наступило долгожданное облегчение, он услышал чей-то приглушенный смех. Павел резко обернулся на звук. Озеро в этом месте вдавалось в берег нешироким рукавом, сплошь поросшим камышом. Он внимательно присмотрелся, но ничего подозрительного не узрел. Павел тряхнул головой, словно сбрасывая наваждение, застегнул ширинку и тут вновь услышал смешок. На этот раз, как ему показалось, он обернулся значительно быстрее. Едва различимый всплеск – и по воде побежали круги, всколыхнув заросли камыша.

«Что за черт?!» – подумал Павел, поправил штаны и, осторожно ступая, направился к кромке воды. Когда он дошел до ближайших камышей, справа вновь раздался чей-то смех, и Павел мог поклясться, что смех был девичий.

«Подглядывают!» – утвердился в мысли Павел и, решив проучить наглых девчонок, как разъяренный кабан ринулся на звук сквозь заросли камыша. Сначала он бежал посуху и разгоряченный погоней не заметил, как вошел в воду.

– Ух, я вас! – крикнул Павел невидимым проказницам.

Он бежал на звук то приближающегося, то удаляющегося смеха. Павел был уверен, что вот еще несколько метров – и он нагонит их, хотя бежать становилось все труднее. Вода уже доходила ему до щиколотки, но он продолжал погоню. Вот вода достигла колена... а затем камыши резко закончились! Он узрел бескрайние водные просторы, сделал еще два шага – и с головой ушел вниз. Успев хватануть ртом воздуха, он под водой инстинктивно открыл глаза. Чистая прозрачная вода позволяла видеть на несколько метров вперед. Сбоку мелькнула тень, и Павел заметил большой рыбий хвост. Существо сделало резкий поворот, быстро оплыло вокруг барахтающегося юноши и задело его хвостом. Панически подгребая руками, Павел пытался всплыть. Он никогда не жаловался на свои способности к плаванию, плавать он с детства умел и любил, но сейчас, именно сейчас его что-то держало, не давая подняться к спасительному кислороду. Он закрыл глаза, сжался и с силой раскрученной пружины оттолкнулся ногами. Подобного результата своих усилий он никак не ожидал. Словно снаряд из мощной катапульты, он вылетел из толщи воды и подлетел вверх метра на два. Жадно хватанул ртом воздух и больно плюхнулся животом о воду. На сей раз вынырнул быстро и безумно огляделся по сторонам. Его ног внизу что-то коснулось, а затем тысячи пузырьков окружили его, как в гидромассажной ванне.

Девушка всплыла за его спиной, и он сразу же почувствовал это. Медленно

развернулся в воде и увидел блестящие на солнце, мокрые золотистые волосы. Девушка смотрела на него ярко-голубыми глазами и улыбалась. Улыбалась как-то необычно – всем лицом, глазами, ртом, бровями.... Павел даже обомлел. Да, улыбалась она странно, но красиво, чертовски красиво. Длинные волосы картинно ниспадали на ее плечи и скрывались под водой. Девушка легко балансировала на воде, то немного опускаясь, то поднимаясь. И когда она в очередной раз немного приподнялась, Павел заметил полное отсутствие верхней части купальника. Грудь по всем правилам приличия показалась из воды аккуратно до сосков, но Павла это просто заворожило.

– Зззззззз, – зубы предательски стучали, не давая произнести ни слова. Он глубоко вздохнул, пытаясь прийти в себя.

– Ззздздравствуйте, – наконец с усилием изрек юноша, внаглую рассматривая ее красивую грудь.

Девушка красиво наклонила голову вбок, почти коснувшись щекой воды, и улыбнулась еще заманчивей. Блеск ее глаз пронзил Павла насквозь. Сердце бешено колотилось в груди, норовя рвануться из груди навстречу прекрасной незнакомке.

– З-здравствуйте, – бодрее повторил Павел. – Вы... ты кто?

Девушка выпрямила голову, улыбнулась, игриво приподнялась из воды так, что Павел успел разглядеть ее грудь полностью. Затем она засмеялась в голос и, почти вертикально, резко погрузилась в воду. Юноша почувствовал под водой ее легкое прикосновение. Он завертел головой в надежде, что она вынырнет, и он сможет продолжить это нечаянное знакомство. Хотя знакомства как такового и не произошло – незнакомка не проронила ни слова.

Павел подождал еще несколько минут и огорченный до крайности принялся выбираться на берег. Уцепившись руками за камыши, он вытянул свое тело на сушу. Весь мокрый, с последней и робкой надеждой он посмотрел на озеро – но нет, она больше не показалась. Павел гадал, кто эта прекрасная нимфа и откуда она взялась? Однако ход мыслей прервал новый приступ, охвативший мочевого пузыря. И почему-то ему захотелось сделать это подальше от воды – мало ли что! Бежать в мокрой одежде было крайне неприятно, и все же, преодолевая это неудобство, он рванул к березкам...

* * *

Андрей очнулся от завладевшей его телом сырости. Спросонья ему даже показалось, что он провел ночь в луже. Он порывисто поднялся, сел и огляделся. Луж поблизости не было, лишь мокрая от утренней росы трава впитывала в себя лучи восходящего солнца, осушая ночную влагу. В голове что-то неприятно тукнуло, и Андрей заставил себя встать. Трава и цветочки радовали глаз, равно как и растущие среди беспорядочно разбросанных камней березки. Юноша сделал несколько движений корпусом, разминая тело и разгоняя кровь.

– Что это мы вчера намешали? – спросил он себя, потирая отлежанный за ночь бок.

Осмотревшись внимательно, Андрей осознал, что находится на краю просторной поляны, а забравшись на ближайший камень, узрел огромное озеро. Берег вокруг обильно порос кустарником и камышом, а в том месте, где проснулся Андрей, он был еще изрядно заболочен. Стоя на камне, юноша глубоко вздохнул. Ветер сначала принес озерную прохладу, а затем, резко изменившись, подул справа, и Андрей явственно ощутил запахи болотного гниения. Он не мог себе объяснить, что именно подтолкнуло его вперед. Реконструктор прыгнул с камня и неторопливым шагом направился к кромке заболоченного берега. Андрей видел болота и раньше, но это выглядело как-то необычно. Болото было затянуто черно-зелеными растениями, тонкие нити которых сплошным ковром накрывали огромное пространство. И что больше всего поразило юношу, так это царившее на болоте безмолвие – абсолютное безмолвие! Он стоял и почти любовался этим безмолвием. Похмельный мозг расслабился и отдыхал, как вдруг, нарушая это умиротворение, откуда-то

из глубины, из самого чрева болота раздался до противного тонкий писк. Звук был негромким, едва различимым, но такой частоты, что у Андрея внезапно заболели уши, и нестерпимо захотелось заткнуть их руками. Он хотел было так и сделать, его руки уже поднялись, как писк внезапно прекратился, а болото изрыгнуло из себя огромные пузыри вместе с удушающими парами. Все вокруг мгновенно затянуло дымкой, стало трудно дышать. Андрей закашлялся и инстинктивно отступил на несколько шагов.

– Ну и вонь! – он плотно зажал нос рукой, чувствуя, что тлетворный запах болотного гниения одурманивает и спирает дыхание.

Крепкая, прошедшая не один турнир голова реконструктора закружилась, как от хорошего сотрясения, ноги сделались ватными, и он стал медленно оседать на землю. Перед глазами стоял удушливый туман, еще секунда – и все вокруг сдвинулось и поплыло....

Когда опасный туман рассеялся, и Андрей, откашлявшись, протер глаза, перед ним на трухлявом пне сидело нечто зеленое и лохматое. Мотнув головой и приглядевшись, юноша с любопытством уставился на незваного гостя, вернее гостью.

– Как звать-величать тебя, добрый молодец, – задорно спросила особа предпенсионного возраста, небрежно поправляя складки своего зеленого одеяния.

– Андрей, – не растерялся реконструктор, – а вы кто, бабушка?

– А-н-д-р-е-й, – нараспев повторила незнакомка, – ишь ты, какое имя себе выдумал, я такого еще не слыхала...

– Обычное имя, – ответил Андрей, – а вы-то кто?

– Цыц тебе! – бабка взмахнула руками, словно крыльями, до того длинные и висячие у нее были рукава. – Цыц, говорю!

– Да что вы цыцкаете, бабуля, – не удержался Андрей, – вы можете толком сказать...

– Сам ты бабуля, – перебила его незваная гостья с обидой в голосе. – Ты что же, не признал меня?

– Как же я вас, бабуля, признаю, – искренне удивился юноша, – если я вас сроду не видывал.

– Ага, – встрепелась бабка, – не видывал!

Она демонстративно почесалась.

– И то верно – не видывал. Да ты, милоч, не тутошний, посему видать, и говор у тебя не больно лепый.

– Да я...

Он не успел договорить. Она резко откинула свои длинные, темно-зеленые с проседью волосы и вперилась взглядом в его глаза. Андрей застыл как вкопанный, не в силах пошевелиться, а она все смотрела, и ему казалось, что блеск ее болотного цвета глаз пронзает его насквозь.

– Славы ищешь? – спросила она внезапно изменившимся голосом.

– Нет, – через силу ответил Андрей.

– Кровавая твоя слава, воин, вижу, ох, кровавая!

Он совладал с собой, сбросив оцепенение.

– Я что-то не пойму, куда вы клоните, бабуля?

Она пружинисто поднялась и, шурша своим странным одеянием, подошла ближе.

– Врешь, милоч, ох, врешь, жаждешь ты славы пуще всего!

Женщина, ступая мягко, словно кошка, обошла его по широкому кругу. От нее явственно пахло болотом и сыростью, и Андрей даже ощутил привкус морской капусты во рту.

– Тьфу, – он громко сплюнул, он не любил морскую капусту.

– Ой! – воскликнула бабка и отскочила от него как ошпаренная. – Ты чего плюешься?

– А что, нельзя?

Он неотрывно следил за ее движениями – многолетняя привычка не становиться к незнакомцу спиной делала свое дело. Так они кружили несколько секунд, изучая друг друга. Затем бабуля остановилась, сгорбилась и быстро взмахнула руками, на мгновение

закрывшись от собеседника. Когда Андрей вновь увидел ее лицо, то не поверил своим глазам.

– Хороша? – игриво спросила она, источая ароматы цветущего луга.

– Да-а-а-а, – с отвисшей челюстью отреагировал юноша, разглядывая красивое лицо молодой девушки, в особенности ее пухлые губки.

Она перешла в атаку. Молниеносно приблизилась и поцеловала его, долго и страстно. Андрей от восторга закрыл глаза и наслаждался, совершенно позабыв, что еще минуту назад это была морщинистая и неприглядная бабка.

Наконец она отстранилась от него.

– Изменчивость – это сущность людей, – философски изрекла девушка. – В этом залог успеха.

Она кокетливо улыбнулась и, протянув изящную ручку к его лицу, игриво ухватила за мочку уха.

– Ты не забудь, – прошептала она, – поцелуй кикиморы нельзя забывать.

Он стоял, все еще находясь под впечатлением поцелуя, а она вдруг запрокинула голову и рассмеялась. Смеялась она весело и звонко, пока ее смех не перешел в пронзительный и болезненный для его перепонки писк. Андрей хотел прокричать: «Хватит!!!», но она сама оборвала свое веселье. Тут ее лицо вновь покрылось старческими морщинами, реконструктора аж передернуло.

«Вот ведь, блин!» – выругался он про себя и, сложив пальцы в крепкий замок, хрустнул суставами.

Парню так надоела эта странная игра, что он не сдержался:

– Да пошла ты, старая, к...

Неожиданно для самого себя Андрей понял, что посыл был верным. Бабка сгорбилась, превратившись в зеленый комок. Ее лицо почернело, а по всему телу пошла заметная дрожь. Еще секунду она стояла на месте, а затем кинулась... покатила к болоту и с разбегу погрузилась в него. Два пузыря надулись над поверхностью болотной жижи и лопнули как и не бывало.

– Кикимора, вот ведь, – через силу ухмыльнулся реконструктор. – Да уж, пить надо меньше...

* * *

Пробегаючи мимо небольшого камня, Павел наткнулся на лежащего реконструктора, который только что открыл глаза. Не замедляя бега, друг Вадима бесцеремонно перепрыгнул через тело реконструктора, обдав его брызгами от мокрой одежды, и продолжил свой путь. Андрей тихонько охнул от неожиданного появления собутыльника, который, как заправский бегун с препятствиями, преодолевал последние метры до вожаемых березок.

– С ума сошел, через людей скакать! – крикнул ему вслед реконструктор, но бегун его уже не слышал. Облокотившись одной рукой на ствол, Павел блаженно прикрыл глаза. Эта картина так впечатлила Андрея, что он поднялся, но не стал тратить время на путь до березок, а облегчился прямо на камень. Затем он собрал свои длинные рыжие волосы и стал завязывать в хвост кожаным шнурком.

– Слышь, турист, а ты чего такой мокрый? Уже искупнуться успел? – спросил он возвращающегося Павла.

– Ух, – облегченно вздохнул вчерашний турист, – и не спрашивай, я тут такое видел...

– У меня тут тоже встреча была, – перебил его Андрей.

– Что?

– Да не что, а кто. А может, приснилось, – неуверенно ответил реконструктор. – Однако, где же Вадька, и вообще, где мы есть?

– Пойдем-ка, попьем, – предложил Павел, проигнорировав вопросы приятеля, – никуда он не денется. Вчера пили-то мы вместе?

– Вместе, – подтвердил реконструктор, все еще пытаясь справиться со спутанными волосами.

– Ну вот, если мы тут, то и он где-то здесь!

И страшно довольный своей безупречной логикой, Пашка уверенно направился к воде. Андрей, дрожащими руками завершив прическу, постоял несколько секунд, скребя себя по затылку и пытаясь вспомнить, куда это они вчера собирались погулять. И тут его осенило.

– Постой, турист!

Но Пашка и не подумал замедлить шаг. Его желудку срочно требовалась влага, много влаги.

– Да постой же ты!

Андрей нагнал его у самой воды. Павел уже начал скидывать с себя мокрую одежду.

– Ну и быстр же ты, турист!

Пашка уже почти скинул с себя одежду, аккуратно разложил на песочке для просушки, обернулся и недовольно произнес:

– Я не турист – я Павел Николаевич...

– Ладно, Павел Николаевич, – примирительно изрек реконструктор, – я вот чего вспомнил...

– Чего еще?

– Мы вчера в замке бухали, а потом пошли шляться по... – Андрей почесал в затылке.

– Ни фиги ты не помнишь! – отрезал Павел. – Вот и я тоже не помню!

С этими словами он разбежался и кинулся в воду. В трех метрах от берега было уже достаточно глубоко, чтобы нырнуть, что он и сделал. Вынырнув, он стал пить еще не нагретую солнцем и оттого блаженно прохладную воду. Купаясь, Павел с осторожностью поглядывал по сторонам, а вдруг она, незнакомка, покажется вновь. Может, и Андрей увидит ее, а то рассказать – ведь не поверят...

Андрей не стал купаться, а напился, спустившись к берегу, зачерпывая воду сложенными лодочкой ладонями.

– Хватит плескаться, Павел Николаевич, пойдем Вадьку поищем.

Пока турист выходил из воды, реконструктор, приставив ладонь ко лбу, оглядывал водную гладь.

– Слышь, Павел, а может, это не озеро? Откуда тут такое озеро?

– А что это по-твоему? Залив? – предположил турист.

– Вот и я думаю, что это залив, – Андрей оторвался от созерцания водного пространства и повертел головой.

– Ты с ума сошел? Какой залив? Ты же пил – вода-то пресная!

Реконструктор поморщил лоб.

– Не понял, – раздосадованно произнес он и, вновь сложив ладони лодочкой, зачерпнул воды. Внимательно посмотрел, понюхал, выпил.

– Точно, пресная! Значит, это озеро, – утвердительно кивнул он.

Павел тем временем, немного обсохнув, стал одеваться. Одевание давалось с трудом и пыhtением. От попавшей в организм воды алкоголь вновь заиграл в крови.

– Жарит что-то, – утирая пот, с грустью произнес турист.

– Пить надо меньше, Павел Николаевич, – пожурил его реконструктор.

– Щас бы пивка – полечиться.

– А может, тебе кефирчика? – Андрей продолжал смотреть по сторонам. – Нет, ну куда Вадим-то делся?

Павел, закончив одеваться, устало опустился на камень.

– А давай его здесь подождем, он ведь тоже, – турист кивнул в сторону озера, – к влаге потянется...

* * *

Вадим приоткрыл глаза, утреннее солнышко уже пригревало, и от земли исходил легкий пар. Юноша лениво потянулся, перевернулся на бок и машинально ощупал пространство вокруг себя. Еще влажная от утренней росы трава... щебетание птиц... Стоп! Вадим не помнил, как и где он уснул, и самое главное – где Паша? Он сел, огляделся, слева лес, справа большое поле. Чтобы лучше определить свое местонахождение, Вадим поднялся во весь рост.

– А где замок? – повертев головой, спросил сам себя ролевик. – Все, пьянству бой!

Юноша забрался на близлежащий камень, и перед ним открылась картина водного пространства. Он уже решил двинуться к воде, как его внимание привлек испуганный крик птицы в лесу. Он насторожился и прислушался. Треск ветки под ногой, вот еще... кто-то шел прямо к нему, не особо таясь, а, собственно, чего было таиться? Вадим спрыгнул с камня и пошел навстречу.

– Паша! – громко позвал ролевик. – Андрей!

Вадим ускорил шаг, отчетливо слыша чьи-то шаги. Но внезапно треск прекратился, шаги затихли.

– Паша! Андрей!

Юноша остановился, покрутил головой – никого.

– Вы что, решили в прятки играть?

Неожиданное эхо подхватило его слова и раскатисто разнесло по лесу: «Прятки... ятки... играть... рать...»

Вадим все же двинулся вперед и, пройдя несколько метров и преодолев низкорослый кустарник, вышел на маленькую прогалину. Дед небольшого росточка, в мешковатой одежонке и нелепо-большой грибоподобной шляпе, сидел на пеньке, оперевшись на палку.

– Чего же, мил-человек, блажишь, зверье лесное пугаешь? – спросил старик, глядя на Вадима из-под шляпы.

– Так я друзей ищу, – ответил юноша, приближаясь.

– Потерялись, значит?

– Ну, типа того....

Вадим хотел было подойти поближе, разглядеть странного незнакомца, но тот резко вскинул палку:

– Стой, где стоишь, мил-человек!

– А чего вы испугались, дедушка, – проигнорировав просьбу старика, Вадим сделал еще несколько шагов.

Сквозь листву пробился ослепительный солнечный лучик, ролевик лишь на миг прикрыл глаза, моргнул, но незнакомца и след простыл. Причем исчез дед вместе с пеньком.

– Вот тебе диво, – искренне удивился юноша.

Он шагнул в сторону, уходя в тень деревьев, но нет, зрение его не подвело – ни деда, ни пенька не было.

– Говорю, стой, где стоишь, мил-человек, – почти ласково раздалось за спиной.

Вадим быстро развернулся на пятках. Дед сидел на пеньке, оперевшись на палку.

– А как это вы делаете?

– Что?

– Вы же только что были вон там, – Вадим указал в противоположную сторону от того места, где сейчас размещался незнакомец.

– Да я-то на месте сижу, это ты, мил-человек, все крутишься да юлой скачешь, – ухмыльнулся дед.

– Не морочьте мне голову, – огрызнулся Вадим, – я прекрасно видел, сначала вы сидели вон там, а теперь тут.

Дед ничего не ответил, а лишь прицокнул языком. Вадима явно раздражало вранье незнакомца, но, из уважения к возрасту, он умерил свой пыл и уже более спокойно спросил:

– Так вы кто?

Старик наконец приподнял голову и пристально взглянул на юношу. Вадим не смог

разглядеть его лица, большие поля шляпы скрывали облик незнакомца. И вдруг дед застонал, да так, будто его режут. Он порывисто вскочил и, проявив не по годам лихую прыть, кинулся вглубь леса.

– Да вы что? – вскрикнул от неожиданности юноша и кинулся догонять безумного старика.

Дед несясь сквозь кусты, ловко раздвигая их своей палкой. Он бежал не разбирая дороги, часто петляя, словно путающий следы заяц. Вадим всегда был неплохим бегуном, а уж ускоряться на короткие дистанции он умел будь здоров! Но сейчас он никак не мог догнать прыткого деда.

Старик бежал впереди метрах в сорока и что-то голосил на ходу. Вадим не мог разобрать четко все слова, но иногда улавливал странные выражения «Смерть! Кровь!». Юноша приложил последние усилия, сделал рывок. Ему удалось догнать старика и даже ухватить за одежду.

– Да постойте же....

Старик резко вскинул палку и через плечо ударил Вадима по голове. Юноша разжал руку, выпустил деда и тот рванул еще быстрее.

Вадим, видя бессмысленность дальнейшей погони, остановился. От напряжения в ушах немного покалывало, сердце бешено колотилось. Он сделал глубокий вдох, пытаясь привести дыхание в норму. В ушах появился какой-то посторонний шум. Вадим огляделся – его окружали только деревья и кусты, но в голову настойчиво лезли слова: «Прячьтесь... бегите.... Он смерть! Кровь!»

Казалось, листва деревьев шепчет их как заклинание. Вадим прикрыл уши руками, дернул головой.

– Да хватит уже! – в сердцах топнул ногой юноша.

Звуки смолкли, в голове прояснилось, и Вадим решил двинуться назад, к озеру.

* * *

– Павел! Смотри, лодка! – вдруг воскликнул реконструктор, указывая куда-то в сторону, вправо, поверх головы Павла.

Деревянная лодка шла вдоль берега, покачиваясь из стороны в сторону из-за набегающих боковых волн. Через несколько минут друзья разглядели гребца, который усердно работал веслами.

Приближаясь к озеру, Вадим увидел своих вчерашних собутыльников, которые с любопытством разглядывали быстро приближающуюся лодку.

– Вот вы где!

Оба от неожиданности вздрогнули, обернулись и разинули рты.

– Чего? – первым пришел в себя реконструктор.

– Чего-чего? – передразнил его Вадим. – Я тут старика-чудака в лесу встретил, да пока за ним гонялся, трубку и табак потерял, вот что!

– Во! Я же говорил, что он тоже к водопою придет, – подал голос Павел.

– Какого старика? – не понял Андрей.

– Потом, – отмахнулся Вадим и, пройдя между ними, спустился к воде. Между тем лодка с неизвестным гребцом приближалась. Уже можно было хорошо разглядеть гребца.

– Кажись, кто-то из ваших, – предположил Павел.

– Да, вроде в прикиде! – подтвердил Андрей, разглядев светлую рубаху на гребце и его длинные волосы.

Вадим, утолив жажду, тоже стал рассматривать лодку и гребца.

– Ага, одет в дурацкое, как и мы, – он оглядел себя и реконструктора. – Может, тоже с «феста»?

– Значит, не одни мы вчера напились и шатались где ни попадя! – резюмировал турист.

Парень в лодке активно работал веслами, стремительно сокращая расстояние до берега.

– Однако хорошо идет – бойко! – заметил Вадим.

– Ага! – подтвердил Андрей. – Через пару минут будет тут.

Лодка приближалась. Гребец, часто оглядываясь через плечо, явно тоже заприметил троицу на берегу.

– Кажись, к нам гребет, – предположил Павел, – вишь, оскалился, своих признал. Сейчас пристанет и будет пива просить.

Незнакомец развернул лодку к берегу, намереваясь пристать именно к тому месту, где расположились приятели. Теперь можно было четко разглядеть, что гребец действительно одет в исторический костюм, а его белые длинные волосы перехвачены цветной тесьмой.

Наконец лодка уткнулась в берег всего в паре-тройке метров от них. Гребец стремительно выскочил из посуды и кинулся к друзьям, преодолев разделяющее их расстояние в несколько прыжков. Оказавшись рядом, незнакомец что-то быстро затараторил, активно жестикулируя и указывая в сторону, откуда приплыл. Ближе всего к прибывшему парню оказался Вадим. Он смерил его взглядом, подметив рваную на груди рубаху с вышивкой и пояс с небольшим ножом в ножнах.

– Ты чего скачешь? – спросил его Вадим, видя, что парню просто не стоит на месте. Он подпрыгивал, словно игрушечный зайчик, так и норовя выскочить из штанов. И тараторил так быстро, что и слов не разобрать, при этом размахивая руками, как ветряная мельница.

– Вот ведь набухался, – вставил Павел, пока белокурый переводил дух и нервно утирал выступивший пот. – Набухался, что и по-человечьи говорить не может.

Белокурый, услышав его, обернулся и недоверчиво оглядел Павла с головы до ног. Он тряхнул своими кудрями и состроил отвратительную гримасу.

– Видимо, ему твоя одежда не понравилась, – определил Вадим, не сводя глаз с гостя.

Несколько секунд паузы, и парень, переведя дыхание, продолжил свою никому не понятную тираду. Но теперь он стал подпрыгивать еще выше и уже обеими руками указывать в том направлении, откуда только что прибыл.

– Ребята, а там дым! – вдруг произнес молчавший до сих пор Андрей.

Белокурый взвыл, как раненый тюлень. Вадим взял его за плечи и встряхнул.

– Перестань выть и бубнить! Можешь толком сказать, что случилось?

Паренек резко умолк и выпучил на ролевика испуганные голубовато-водянистые глаза.

– Ну, – поторопил его Вадим, – в чем дело?

Белокурый что-то тихо произнес в ответ.

– Что он там лопочет? – не выдержал Андрей и шагнул из-за спины ролевика поближе к гостю.

Парень, заметив движение реконструктора, посмотрел на него и вдруг, вырвавшись из державших его за плечи рук Вадима, устремился к своей лодке.

– Я же говорю, совсем перепил ваш Кукша, – равнодушно произнес Павел, в то время как Андрей кинулся догонять белокурого.

– А там и правда что-то горит, – констатировал Вадим, разглядывая поднимающийся все выше столб дыма.

– Ты бы помог своему Сигурду, а то, смотри, парнишка как отбивается.

Вадим уже и сам видел, что белокурый схватил весло и размахивает им, стараясь отогнать реконструктора от лодки.

– Что же он так взбеленился? – задумчиво произнес Вадим, наблюдая игру Андрея-Сигурда с белокурым. – И вообще, что он болтал?

Через секунду реконструктору удалось увернуться от очередного взмаха и, ловко поднырнув под весло, повалить белокурого на прибрежный песок. Упав, парень продолжал отбиваться от навалившегося на него Андрея. Вадим уже хотел было поспешить на помощь, когда Павел схватил его за рукав.

– Слушай, а ведь кажись, не по-нашему он говорил, вроде по-фински.

– Это только сейчас до тебя дошло? – спросил Вадим, не отрывая взгляда от

барахтающихся в песке борцов.

– Ну, я не уверен, – пожал плечами Павел, – но очень похоже, какие-то юкси, йёкки, беня...

– Ладно, – махнул рукой Вадим, – пойдем, разберемся.

Втроем они быстро скрутили парня и, поставив на ноги, хорошенько встряхнули. Андрей и Вадим держали его за руки.

– Вот наш друг, – сказал Вадим, – различил в речи этого полоумного финские слова.

– А что, у нас на «фесте» финны были? – спросил реконструктор.

– Господин Сигурд, или как вас там, – официально начал Павел, – может, это и не финн, а карел или эстонец какой-нибудь...

– А вы не умничайте, Павел Николаевич, – подражая его тону, ответил Сигурд. – Ты что, финский знаешь?

– Не очень, вернее, совсем не знаю, так, несколько слов от бабушки, она у меня из вепсов.

– Бепся!

– О! Гляди, Кукша заговорил, – удивился Павел.

– Что еще за бепся? – озадаченно спросил реконструктор.

– Пухутеко суоми? – применив свои знания вепского, изрек Павел.

– Шпрехен зи дойч? – решил отличиться Вадим.

Паренек непонимающе посмотрел на всех троих по очереди и ответил:

– Пухун бепся?

– Ну, точно, карел! – подвел итог Павел.

Все трое переглянулись.

– Вот и налаживай контакт, – предложил Вадим, – спроси у него, чего он побежал?

– Тебе надо, ты и спрашивай, я же сказал, что не знаю финского.

– Так чего выделяешься, – обиделся за всех реконструктор.

– Я же говорю, только пару слов и знаю!

Белокурый спросил еще раз.

– Пухун бепся? – и добавил еще что-то совсем не понятное.

– Может, все же отпустим парня? – предложил Павел.

Почувствовав слабость рук, белокурый попытался дернуться, но не тут-то было – хватка усилилась.

– Ага, отпусти его, опять веслом махать начнет, – резонно заметил Андрей.

Парень резко вскинул голову, посмотрел на шею реконструктора и смачно плюнул ему в лицо.

– Нет, ну ты посмотри, какая сволота, – шарахнулся от него Андрей, утирая лицо.

Получив свободу правой руки, белокурый попытался дотянуться и ударить реконструктора – не прошло. Вадим, предупредив удар, резко заломил пареньку левую руку, поэтому правая рука белокурого, сжатая в кулак, бессильно опустилась. Разъярившись от нанесенной ему обиды, реконструктор подскочил к обидчику и отвесил ему увесистую затрещину.

– Вот ведь пакостник!

Павел, равнодушно наблюдавший за происходящим, вдруг произнес:

– А я вспомнил! Мы вчера гулять не собирались.

– Что?

– Чё?

– На башню мы вчера собирались – вот чё!

Отвесив белокурому вторую, менее болезненную оплеуху, Андрей спросил:

– На какую башню?

Павел демонстративно возвел очи к небу.

– Ну и кто тут вчера нажрался, так, что ни фи́га не помнит.

– Паша, – позвал его Вадим, – я тоже не помню, про какую ты башню?

Павел проигнорировал недоуменные вопросы друзей и шагнул к лодке.

– Может, у него тут есть что пожрать? Уже, блин, полдень, а мы не жрамши!

Он забрался в лодку и стал ее осматривать на предмет съестного.

– Да ты можешь толком сказать, что ты вспомнил, голодный ты наш, – спросил Вадим, пытаясь поднять белокурого.

– Нет, – рассеянно ответил Павел.

– Что «нет»? – не понял реконструктор.

– Пожрать нет тут ничего! – и вдруг воскликнул: – Опаньки! Ого!

И, нагнувшись, залез под кормовую скамейку на лодке.

– Смотрите-ка, что я нашел!

Он выпрямился и гордо продемонстрировал друзьям сверток, обмотанный какими-то тряпками.

– Что это? – хором спросили его Вадим и Андрей.

Павел откинул нависающий кусок ткани, осторожно взял сверток посередине и протянул друзьям.

– Вот!

Из свертка виднелось спящее лицо младенца. Белокурый что-то прорычал и опять попытался вырваться.

– Я понял, – произнес Вадим, пытаясь удержать белокурого, – он сказал «пойка»!

Павел осторожно положил младенца на скамейку лодки.

– Вот интересно, откуда этот Кукша взял ребенка?

– Слышал, Пашка, – крикнул Вадим, – он сказал «пойка» – мальчик.

– Да не мальчик, а сын! – Павел выпрямился и посмотрел в сторону валящего из-за леса дыма.

– А вот и еще ваши друзья-реконструкторы, – радостно воскликнул он, указывая на озеро.

Оттуда же, откуда только что прибыл непонятный карел, в их сторону шла большая ладья. С обоих бортов черного смоляного корпуса вздымались и опускались в такт длинные весла. Классический, в красную полоску парус безжизненно повис на мачтовой рее. Картинка была, как в школьном учебнике по истории – драккар викингов, бороздящий водные просторы в летний солнечный день...

– А это какой же у нас клуб ходит на драккаре на «фесты»? – удивленно спросил Андрей.

После секундной паузы ему ответил Вадим:

– Да никакой не ходит!

Белокурый, увидев приближающуюся «картинку из учебника», забился в истерике и норовил высвободиться из крепко держащих его рук.

– Может, у них на судне есть что пожрать? – с надеждой в голосе спросил Павел.

– Может, – тихо ответил ему реконструктор, продолжая как зачарованный разглядывать драккар.

Далеко за кормой судна все так же поднимался столб бело-серого дыма. На драккаре, который до этого шел в двухстах метрах от берега, явно заметили четверых людей на берегу и лодку. Ряд весел с одного борта замер в полете, в то время как весла с другого борта мощным взмахом развернули корпус к берегу. И тут с судна пустили стрелу. Описав в воздухе красивую дугу, она впилась в борт лодки и завибрировала, потрясая черным оперением.

– Вот вам и здрасьте, – констатировал Павел, разглядывая воткнувшуюся всего в паре сантиметров от него стрелу.

– Вы что, мать вашу, совсем охренели?! – не выдержал реконструктор. Он отпустил белокурого и, сложив руки в рупор, заорал что было сил: – Эй! На драккаре! Совсем озверели палить боевыми стрелами!

Ему ответила вторая стрела, которая зарылась в песок всего в метре от него.

– Что-то мне это начинает не нравиться, – протянул ролевик, инстинктивно перехватывая освободившуюся руку карела, который опять, почувствовав относительную свободу, начал дергаться и извиваться.

– Может, от греха подальше, – предложил Павел, – может, это не ваши, а какие-то дикие реконструкторы?

– Ага, шас, пусть только причалют, – Андрей погрозил драккару кулаком, – я с ними поговорю.

Поговорить не удалось. Третья стрела угодила в белокурого карела, аккуратно – в грудь. От удара он дернулся в держащих его руках, ойкнул и, склонив голову на грудь, стал оседать. Держащий его Вадим освободил хватку, и парень кулем свалился наземь. Мгновенно придя в себя, ролевик заорал:

– Пашка! Хватай ребенка – бежим!

Повторять не пришлось. Никому. Только Пашка нагнулся, чтобы взять сверток, как очередная стрела, пропев, пролетела над его головой. Драккар был совсем близко, можно было уже различить бородатого лучника на носу и стоящего рядом с ним не менее бородатого воина в кольчуге и шлеме.

Реконструктор тоже спохватился – помог Пашке спрыгнуть с ребенком с лодки, и вся троица во весь дух припустила к ближайшим кустам. Пока они бежали, еще одна стрела, обогнав их, прошуршала по кустам и затихла, сбив несколько веток. Друзья с разгону ворвались в заросли кустарника, слыша позади себя свист и боевые крики.

Глава вторая Ночь у костра

*Твой путь еще не пройден,
ты лишь в начале этого пути...*

Инстинкт самосохранения был настолько силён, что загнал их далеко в глубь леса. Почти час они бежали практически без остановок, не особо заботясь о выбранном направлении. Все еще спящего младенца несли по очереди. Бежали достаточно резво, благо сосновый лес был редким. Изредка останавливаясь, они прислушивались – как ни странно, погони не было. Во втором часу они перешли на шаг и, удостоверившись, что их жизням ничто и никто не угрожает, окончательно успокоились. Но тут добавились проблемы с ребенком – он проснулся и стал громко требовать титьку. Подходящей титьки поблизости не наблюдалось. К плачу младенца прибавились легкие постанывания Павла Николаевича, который заявил, что ужасно проголодался и тоже не прочь чего-нибудь съесть. Так они прошагали еще с полчаса, пока не узрели впереди небольшой ручеек и ровную полянку. Друзья, не сговариваясь, направились напрямиком туда. Голосающий сверток перекачывал из рук Андрея на мягкий мох. После утомительного маршрута журчание ручейка вызвало в пересохших глотках путешественников мучительный спазм. Напившись сами, друзья решили напоить и младенца.

– Надо бы «пойку» водичкой угостить, может, притихнет, – первым предложил Павел.

– А как? – спросил реконструктор. – Окунуть в воду, и пусть хлебает?

– Совсем ты одурел, что ли? – огрызнулся Вадим.

События последних часов явно его удручали, и ролевик пребывал не в лучшем расположении духа.

– Да я пошутил, – примирительно улыбнулся Андрей, – пошутил.

Вадим повернулся к Павлу.

– Паша, я знаю, у тебя должен быть чистый платок.

– Да вроде где-то был...

Павел ощупал нагрудные карманы джинсовой рубахи.

– Есть, вот – на, – он протянул другу аккуратно сложенный белоснежный носовой

платок.

– Так, хорошо, – Вадим взял платок. – Сигурд, носи сюда «пойку».

Пока реконструктор ходил за свертком, Вадим хорошенько намочил Пашкин платок. Андрей принес притихшего младенца – он уже не орал так истошно, как прежде, а только всхлипывал, пытаясь привлечь внимание дядь.

– Ну вот, титька готова, – произнес Вадим и отправил уголок платка «пойке» в рот.

Ребенок схватил импровизированную титьку и стал жадно сосать.

– Не молоко, конечно, но пока сойдет.

Вадиму пришлось несколько раз мочить платок, прежде чем ребенок напился.

– Ну вот, а теперь – качай! – приказал он реконструктору.

– Да вы что! – пытался возмутиться тот. – Я же не умею.

– Качай, качай, – поддержал друга Павел, – а мы пойдем что-нибудь нам пожрать раздобудем.

Под таким напором Андрею-Сигурду пришлось смириться с вынужденной ролью няньки.

– И то правда, – сказал Вадим, положив руку на плечо Павла, – пойдем по грибы.

– И ягоды! – добавил турист, и в животе у него громко заурчало.

После часа собирательства они вернулись на поляну с грибами и ягодами. Грибы они несли в снятой с Павла джинсовой рубаше, а ягоды – в большой поясной сумке Вадима. К всеобщей радости младенец уснул, а Андрей, разведя костер, закурил.

– Ты где взял сигареты? – удивленно спросил Вадим, которому еще с утра очень хотелось покурить.

– Нашел одну в сумке, – ответил реконструктор, хлопнув по висящей на поясе сумке.

– Оставишь?

Андрей сделал последнюю, самую сладкую затяжку и протянул остаток Вадиму.

Павел положил у костра свою, полную грибов, рубашу.

– Так, а чего вы молчали, курильщики? У меня со вчерашнего еще полпачки осталось, сам-то я ведь не курю.

Вадим и Андрей уставились на туриста, как на врага народа.

– Да чего вылупились? Я сам не знаю, как она у меня оказалась.

Павел понял, что ему не жить и стал лихорадочно доставать пачку из заднего кармана джинсов.

– Да нате, нате, курите на здоровье.

Утолив никотиновый голод, все вместе дружно принялись чистить грибы и насаживать их на веточки. Затем грибные шашлыки воткнули вокруг костра под наклоном и стали терпеливо ждать.

– Сигурд, возьми ягод, – предложил Вадим, – мы с Пашкой их в лесу наелись.

– Наелись – это ты, конечно, хватил, – вставил свое голодное слово турист, – так, чуть-чуть поклевали, вспомнили вкус черники.

Он хотел что-то еще добавить, но Вадим перебил его:

– Только оставь «пойке» немного. Думаю, скоро опять хай поднимет, надо будет натолочь да скормить ему.

Сигурд, зачерпнув горсть крупной черники, закинул в рот и, не дожидаясь, спросил:

– А ты где научился с малышами обращаться?

– Да так, был опыт, – отмахнулся Вадим, – с двоюродной сестрой возился.

– Им еще в универе Спока преподавали, – пошутил Павел.

– Ты-то откуда такие умные имена знаешь? – спросил Вадим, улыбнувшись. – И не Спока, а Сенеку.

– Да какая разница?

Вадим улынулся еще больше.

– Огромная, Павел Николаевич, огромная. Но Спока я тоже читал.

– Готовился, стало быть, – подвел итог Андрей.

– Ладно, хватит лясы точить, грибы готовы, – отрезал Вадим и первым потянулся за шашлыком.

Грибные веточки были вкусны как никогда. Всем досталось почти поровну – Вадиму и Андрею по три, а Павлу, как постоянно растущему двадцатитрехлетнему организму, целых четыре. Эх, пальчики оближешь, как хороши были эти сморщенные лесные дары с привкусом веточки. Ужин запили водой из ручья и только хотели закурить и обсудить прошедший день, как проснулся «пойка» и стал требовать «ням-ням». Вадим достал платок и разорвал его надвое.

– Так, Паша, будешь толочь чернику, – распорядился Вадим, протягивая другу половину платка, – а ты, Сигурд, намочи этот кусок.

Сам же Вадим извлек из ножен на поясе нож, нашел достаточно толстую ветку и стал ее ровнять. Обстрогав ветку с двух сторон, он придал ей форму весла – ложка для младенца была готова. Вначале кормление шло с трудом. «Пойка» не хотел или не любил чернику (или намеренно издевался), но настойчивость Вадима и жалобные просьбы Павла сделали свое дело. Младенец осознал, что ему не отвертеться, иначе дяди обещали весьма непедагогичное «ата-та» по попке, и стал-таки есть толченую ягоду. Трапеза закончилась сосанием мокрого платочка. Но, накушавшись, ребенок спать не захотел; начал настаивать на развлечениях, то есть возжелал поиграть. Друзья перепробовали множество детских игр – «Коза-дереза», «Ути-пути», «Елки-палки» и даже хит прошлого сезона «В репку», но «пойка» в силу своей национальной особенности не признавал современных русских игр и оказался ярым националистом, ибо отказался не только понимать, но и разговаривать. От начавшихся русских народных сказок «пойка» вначале морщился, строил рожицы, а потом еще и срыгнул. А после того, как ему утерли перепачканное лицо, и вовсе расплакался.

– Нет, ну вы посмотрите на этого «чухонца», – разобиделся Павел, уставший возиться с ребенком, – и это ему не то, и это ему не так!

– Наверное, он мокрый, – предположил Вадим.

– Так, я – пас, – отмазался Андрей и, немного подумав, добавил: – Пойду, в костер подброшу, а то потух что-то совсем.

– А мне срочно надо в туалет, – сказал Павел, вставая.

– Идите, предатели, бегите, жалкие трусы, – ответил Вадим, сделав вид, что обиделся. – Я и сам управлюсь.

Вадим распеленал ребенка, он действительно успел и пописать, и покакать, причем, похоже, неоднократно. Попу малышу, за неимением ничего лучшего, пришлось вытирать мхом – но получилось неплохо, даже очень неплохо. А главное – сухо! Положив младенца на снятую с себя рубаху, Вадим взял тряпки и пошел к ручью, его остановил Павел.

– А может, пока солнце не село, купнем парня?

Вадим задумался.

– На, – он протянул другу грязные пеленки, – надо прополоскать, а я его купну.

Вадим взял «пойку» и пошел его купать. Три раза окунув в ручье ребенка по пояс, он быстро перенес его к огню.

– Андрей, поддержи-ка «пойку», – попросил Вадим сидевшего у костра реконструктора, – я руки вымою.

Вернувшийся Павел воткнул у костра две палки и развесил пеленки, а реконструктор на вытянутых руках принялся просушивать младенца, который весело дергал ножками и мотал головой. Теперь ему было сухо, тепло и сыто, поэтому хныкать совсем не хотелось.

– Не поджарь его, – предостерег вернувшийся Вадим.

Он поднял свою рубаху.

– Давай-ка завернем его.

Через час пеленки полностью просохли, и Вадиму пришлось осторожно перепеленать уснувшего младенца. После этого он уложил малыша на мох недалеко от костра.

– Ну вот, теперь можно покурить и обсудить наше приключение, – устало изрек ролевик, присаживаясь к огню.

Вадим и Сигурд закурили.

– У кого какие соображения? – спросил Вадим.

Первым отреагировал реконструктор.

– Вот Павел Николаевич днем упоминал про какую-то башню...

– Мы вчера собирались идти на замковую башню, это я точно помню.

– Ну?

– Выпили хорошо и решили на нее забраться.

– А дальше? – спросил Вадим.

– А дальше... – Павел напрягся, припоминая, – а дальше я не помню.

– Ну ясно, – подытожил Вадим, – собирались на башню, а ушли в лес.

– К озеру, – уточнил реконструктор.

– Да какая разница, – отрезал Павел, – главное, мы тут. Голодные и с «пойкой» на руках.

– А еще эти уроды на драккаре, – вставил Андрей, – чуть нас не подстрелили.

– Они «Кукшу» убили, – добавил Павел.

– Вот-вот!

– Правда-неправда, а драккар-то был самый настоящий, и стрелы у них не гуманные!

Вадим молчал. Он докурил сигарету и задумчиво ворошил палкой в костре.

– Бред какой-то, – не унимался реконструктор, – зачем они вообще стреляли? Что, пока мы пьянствовали, война началась?

– Я же говорю – «дикие реконструкторы», – настаивал Павел, – совсем, блин, «дикие».

– Да что это за «реки» такие, что среди бела дня палят направо и налево.

– Ты забыл еще дым за лесом, не иначе – пожар, – вспомнил Павел.

– Думаешь, эти на драккаре что-то там запалили? Вадим, а ты чего молчишь? – Андрей слегка толкнул ролевика в плечо. – Уснул, что ли?

– Мужики, – Вадим, отбросив палку, резко встал. Он постоял секунду и добавил: – Мне кажется, что главное во всем этом, не *где* мы, а *когда* мы?

Повисла гнетущая тишина. Ребята усиленно соображали – к такому вопросу не сразу подберешь нужные слова.

– Что еще за новости на нашем канале? – спросил Павел, глядя на друга.

– Постой, постой, – медленно произнес Андрей, – ты считаешь, что мы...

– Именно, – многозначительно подтвердил Вадим.

– Господа, о чем это вы? – не понял турист, хотя уже смутно начинал догадываться, что дело принимает неожиданный оборот.

Вадим опустил на место.

– Да, мужики, мы не в нашем времени, и это – факт.

– Ты спятил?! С чего это ты взял? – теперь вскочил Павел. – Как такое вообще может быть!

– Тише, спокойно, ребенка разбудишь.

– Вадя, да как тише? Как тише? Меня в Питере девушка ждет, у меня через месяц свадьба!

– Вот как?! А ты мне ничего про свадьбу не говорил, – с обидой в голосе произнес Вадим.

– Сегодня хотел сказать, – попытался оправдаться Павел, – да какое это сейчас имеет значение?

– Да сядешь ты наконец?! – попросил Вадим. – Не мельтеши.

Павел послушался и сел.

– А можно доводы? – подал голос реконструктор.

Вадим протянул ему сигарету и закурил сам.

– Доводы, говоришь, – он сделал глубокую затяжку, – будут вам доводы. Во-первых, и это самое главное – драккар, вернее, те люди, что были на нем.

– А что с ними не так? – не удержался от вопроса Павел. – Чем не реконструкторы?

– Да в том-то и дело, что слишком уж правильные они реконструкторы, – ответил Вадим. – Драккар-то у них настоящий. Где вы видели у нас на «фестах» такие драккары?

– В Польше есть такие, на Волинском фестивале, – со знанием дела заметил Сигурд.

– Да, но мы-то не в Польше, – парировал Вадим, – а в России, и у нас таких точно нет. И потом, они, завидев нас, сразу стали стрелять.

– А может у этих «диких» реконструкторов так принято, – робко предположил Павел.

– Ага, до того принято, что человека завалили, – ответил Вадим. – Не смешите меня. А дым за лесом – это наверняка они деревню какую-то запалили, а парень на лодке точно из той деревни. И он смылся, спасая своего «пойку».

– Так, может, они его искали? А как нашли – убили? – предположил Андрей.

– Очень похоже на то, – согласился Вадим. – И еще одно...

– Что? – разом спросили друзья.

– Вы помните, карел этот ломанулся от нас?

– Да.

– Ну?

– Так вот, он увидел мьельнир¹ у Сигурда на шее и испугался, приняв того за настоящего викинга.

При этих словах, реконструктор машинально потрогал висевший у него на шее серебряный «молот Тора» – символ воина и любого реконструктора по эпохе викингов.

– Бред, – тяжело выдавил Павел.

– А чего же это он тебя не испугался? – спросил Андрей.

– Так у тебя костюм-то скандинавский, с тесьмой ручной, да еще мьельнир, а у меня рубаха со славянской вышивкой.

– Но ведь он не славянин, он – финн или карел.

– Вот именно, а финно-угорские племена тоже свою одежду расшивали, и вышивка была очень похожа на славянскую – взаимопроникновение, да и сходство языческих культур. Ну ты же должен знать.

– Да знаю, знаю, – обидчиво произнес Андрей, – просто не заметил. И потом, допустить, что мы вот так просто взяли и ни с того ни с сего оказались в другом времени – в голове не укладывается...

– Вот-вот, не заметил, а, между прочим, этот финн-карел был в вышитой рубахе, и вышивка у него была мужская. Значит, он уже взрослый – мог быть воином.

– Здорово, – подал голос Павел, – значит, они хотели нас убить или захватить и сделать «кукшами».

– Примерно так, – ответил Вадим, – и еще, этот карел говорил вроде слово «бепся», так вот, это очень похоже на «вепсы».

– Хорошо же мы вчера погуляли, – произнес вконец расстроенный Павел. – Викинги, вепсы... а у меня свадьба через месяц...

Повисло тягостное молчание. Уставившись на играющие огоньки в костре, каждый думал о своем.

– И еще, – вдруг загадочно произнес Вадим, – я тут поутру в лесу наткнулся на странного типа. С виду старичок-боровичок, да больно уж пряткий...

Вадим рассказал друзьям о своем приключении.

– Странно, – нараспев произнес реконструктор, – может, это леший был?

Вадим пожал плечами.

– Не знаю, может и так. А у вас ничего поутру такого не было?

¹ «Мьельнир» – амулет в виде молота Тора.

– У меня было, – признался Андрей, – я сомневался, рассказывать или нет. Думал, мираж с похмелья у меня... или что-то типа того... Но сейчас, услышав твою историю, Вадим, я понял, что это вовсе не мираж...

Тут Андрей искренне поведал друзьям о своей встрече с кикиморой, которая запросто меняет облик.

– Она так и сказала – кикимора? – переспросил Вадим.

– Представляешь, так и сказала: «Поцелуй кикиморы забывать нельзя!»

Истории действительно получились весьма загадочными и неправдоподобными. Они долго спорили, пытаясь найти рациональное объяснение всему происходившему с ними. Верилось с трудом, но, увы, все это не было сном.

Павел же долго молчал, не решаясь рассказать про свою встречу с купальщицей.

– Ты чего напрягся, Паша? – спросил Вадим, видя мучения друга.

– Да вот, у вас все истории какие-то...

– Какие?

– Да сказочные какие-то. Лешие, кикиморы – ерунда! А я вот девушку поутру встретил.

Красивая – жуть...

Мало-помалу друзья вытянули из товарища все сведения об его утреннем купании.

– Русалка! – коротко резюмировал Вадим, дослушав рассказ друга.

– Точно, русалка, к гадалке не ходи! – поддержал это мнение Андрей.

– Да ну вас, – отмахнулся Павел, – говорю вам, это обычная девушка. Вот только я не знаю, куда она так стремительно подевалась.

– Нырнула поглубже, – хихикнул реконструктор.

– Паша, ну точно это была русалка, – утвердил Вадим.

– Нет, ерунда! Они вообще существуют, эти русалки?

– В нашем положении уже нечему удивляться, – философски заметил Вадим.

– Вот и я говорю, – Павел вставил свое веское слово, – ерунда полная... хотя, надо признаться, русалочка была симпатичная....

* * *

– Ладно, допустим мы в прошлом, – предположил реконструктор, – тогда какой сейчас год и где мы вообще?

– А я откуда знаю? – ответил Вадим. – Если, конечно, судить, что тут есть вепсы и викинги, то мы, скорее всего, у Ладожского озера, а вот насчет года точно не скажу. Вот если крепость Ладога уже существует, то мы минимум во второй половине восьмого века.

– Ясно, а если Ладоги нет, тогда мы несколько раньше, – закончил за него Андрей.

– Абсолютно справедливо, – поддержал Вадим, – и надо еще подумать....

– Постой, – резко перебил его реконструктор.

Вадим умолк, сдвинув брови:

– Чего?

– Постой, постой, – продолжил Андрей, – а может ли такое быть, что Ладоги нет, а викинги уже есть?

– Сия тайна велика есть, – философски отвечив Вадим, – кто ж его знает. Мы же по учебникам историю учим, а не вживую... Хотя вот именно сейчас у нас и будет такая потрясающая возможность изучить все на месте.

– Ага, из первоисточника, если все это вообще не сказка и не страна чудес или Зазеркалье там какое-нибудь, – весомо и многозначительно вставил Павел.

– Так точно, Павел Николаевич, так точно! – улыбнувшись, заметил ролевик.

– Вот ведь, блин, всегда хотел попасть в прошлое, – мечтательно произнес реконструктор, – увидеть настоящих викингов, а вот увидел – и еле ноги унес.

– Да, дружище, – ответил ему Вадим, – это не игра, это – жизнь.

– Реконструкция – это не игра, – обиделся Андрей, задетый за живое.

Он искренне считал реконструкцию серьезным, основательным делом, а турниры и бугурты – испытанием для настоящих мужчин.

– Не обижайся, – примирительно произнес Вадим, – но реконструкция – это все же игра, а ты такой же ролевик, как и я. А сейчас мы попали в прошлое и вот это – действительно не игра. В этом мы уже убедились, и могу поспорить, скоро убедимся еще больше.

– Да хватит вам правду искать, – сказал Павел, – давайте думать, как нам вообще быть и как домой вернуться.

– Думаю, с возвращением у нас большие трудности, – заметил Вадим.

– Это еще почему? – не поверил Павел.

– А хотя бы потому, что для того, чтобы вернуться, надо знать, как мы сюда попали, то есть знать механизм.

– И мы его не знаем, – закончил за него Андрей.

– Именно.

– Так что, нам теперь вечно тут пропадать? А как же моя свадьба?

– Зачем же пропадать, – ответил Вадим, – думаю, завтра с утра надо навестить сгоревшую деревню нашего убиенного вепса, если, конечно, там вообще горела деревня. Может, там кто-нибудь остался, попробуем что-нибудь узнать и сориентироваться на местности, так сказать.

– Точно, пойдем в деревню, – поддержал его реконструктор, – узнаем, может, кто живой остался, тогда и «пойку» пристроим.

– Видишь, как у вас обоих глаза-то загорелись, попали, блин, в прошлое, – давно мечтали, бла-бла-бла... историки хреновы! А мне нельзя в прошлое! У меня работа, свадьба!

– Да что ты заладил: свадьба, свадьба, – укоризненно произнес реконструктор.

Вадим не дал Павлу ответить.

– А со свадьбой придется подождать, Пашка, до лучших времен.

Солнце скрылось, закат погас. В лесу стало совсем темно. Они еще посидели у гаснущего костра, покурили и стали устраиваться спать. Младенца положили между Вадимом и Павлом – авось не замерзнет. Усталость первого дня, проведенного в прошлом, дала о себе знать, и друзья быстро уснули.

Вадим во сне видел горящую деревню, напавших на мирных жителей викингов и парня, уплывающего на лодке с младенцем. Видел он метавшихся среди объятых пламенем домов баб и детей, и всюду дым... кровь... грязь... и убегающий старик!

Андрею снился скользящий по волнам черный драккар с полосатым парусом и грозной звериной фигурой на носу. Он сам стоял у рулевого весла и смотрел, как бородатые викинги, разгоняя корабль, в такт сгибаются и выпрямляются, уверенно работая веслами... И сладкий поцелуй кикиморы, который почему-то нельзя забыть. Но до чего же сладкий поцелуй!

А Павел Николаевич сначала грезил о русалке, о ее прелестях... но потом, словно устыдившись, мечтал о предстоящей свадьбе, о Насте в красивом белоснежном платье и еще о большом сочном куске жареного мяса. Уже под утро ему приснилась холодная, запотевшая бутылочка пива...

Маленький вепсский «пойка» всю ночь ворочал головкой, хлюпал и водил носом – ему снилась мамкина вкусная титька. Но, что удивительно, он ни разу не проснулся, не побеспокоил своих спасителей.

Глава третья Встреча

Радость от встречи может быть омрачена встречей не с теми, кого ты ждешь.

Народная мудрость

Ранним утром «пойка» проснулся первым и криком разбудил всю троицу. Друзья поднялись нехотя, давила вчерашняя усталость – хотелось еще поспать. Но малыш оказался настойчив, и потому пришлось вставать, поить его через платочек и кормить оставшейся черникой. Андрей и Вадим позавтракали последней сигаретой, а Павел водичкой из ручья. Стали собираться в дорогу.

– Да, вот что, – сказал Вадим, – Андрея Сигурдом не называть. Мы все – славяне, имена можно говорить свои, думаю – нормально. Вепсы должны к славянам относиться лучше, чем к викингам.

– А есть ли тут славяне? – спросил Павел.

– Должны быть, как не быть, – ответил Андрей.

Вадим взял «пойку» на руки, решив нести его первым.

– И еще, Андрюха, спрячь «молот Тора» под рубаху, а лучше вообще сними от греха.

Реконструктор хотел было возразить, но, передумав, не стал.

– А как пойдем? – спросил Павел.

Вадим махнул налево.

– Туда. За спиной у нас озеро, значит, деревня слева.

– Где-то так, – подтвердил Андрей, – судя по дыму, вчера до деревни было не больше трех-четырёх километров.

– Только мы вчера еще на пару километров забрали в лес, – уточнил Вадим и махнул рукой. – Ладно, пошли.

Троица пересекла ручей и двинулась в сторону предполагаемой вепсской деревни. Шли не спеша, часа три, по просторному сосновому бору. «Пойка» всю дорогу молчал, не выказывая беспокойства – есть не просил, но если бы даже и просил, то предложить ему было нечего. Вскоре они вышли на лесную дорогу. Решили идти по ней до деревни, предположив, что викингов вряд ли встретят. Маловероятно, что они решатся далеко уходить от озера и драккара.

– Кажись, дымком потянуло, – заметил шедший впереди Вадим.

Он остановился – прислушался, принял. Андрей и Павел последовали его примеру.

– Точно, дымом пахнет, – подтвердил Павел, держащий ребенка – была его очередь нести.

– Ну, значит, мы рядом, – заключил Андрей.

Оглядевшись и не заметив ничего тревожного, двинулись дальше. Дорога, шириной в одну телегу, делала резкий поворот, пройдя его, друзья оказались на окраине сгоревшей деревни. Судя по пепелищам, в деревне было не меньше двух десятков домов, и, наверное, какие-то хозяйственные постройки. Но сейчас об этом оставалось только догадываться. Деревня стояла на сухом ровном месте – озеро видно не было, но друзья предполагали, что оно совсем рядом. Из всех построек уцелел только небольшой сарай, стоящий вдалеке от домов, почти у самого леса – все остальное сгорело дотла. На месте бывших изб чернели груды угля и полукруглые вверх глиняные печи. Проходя по центральной улице сгоревшей деревни, друзья видели многочисленные осколки глиняной посуды – тарелок, крынок, кружек. Все говорило о тотальном уничтожении, но, как ни странно, трупов людей они не обнаружили, лишь дважды заметили обугленные останки дворовых собак.

– Ну, что будем делать? – спросил Павел, отдавая ребенка Андрею. – Кажется, тут никого нет.

В ответ на его вопрос раздалось заунывное мяуканье, и на улицу выскочили две рыжие кошки, они так обрадовались появлению людей, что кинулись к ближайшему к ним Вадиму и стали ласково тереться о его ноги. Ролевик не сопротивлялся.

– Куда же все подевались? – в раздумье спросил он.

– А может, их утопили? – предположил Павел.

Проснулся «пойка» и тут же принялся хныкать. Андрею, державшему ребенка, пришлось его качать, чтобы успокоить.

– Проснулся, оглоед, – констатировал Павел, – а кормить все равно нечем.

– Нет, не может быть, – уверенно произнес Вадим, – чтобы их всех утопили. Да и зачем? Ограбить – ограбили, но топить?

Реконструктор пожал плечами, а Павел, что-то заметив среди углей, пошел проверять.

– Ого! – воскликнул он. – Смотрите, что я нашел. – И он гордо продемонстрировал находку.

– Монета? – искренне удивился Андрей.

– А ну-ка дай посмотреть, – попросил Вадим.

Взяв монету в руки, он тщательно потер ее, очищая от копоти. Нумизматика была его вторым излюбленным хобби, которому он предавался не менее страстно, чем самой истории. Любовь к этой вспомогательной исторической дисциплине привил ему в университете профессор Кармин Александр Васильевич. И Вадим был ему за это весьма благодарен. Именно с лекций профессора и началась коллекция монет, которую он начал собирать с первого курса. И пусть его коллекция была не так велика, как у Александра Васильевича, но там было на что посмотреть.

– Арабский серебряный дирхем, – со знанием дела заявил Вадим.

– Откуда он в этой дыре, – не поверил Павел.

– Ничего удивительного, – почти равнодушно ответил ролевик, продолжая рассматривать арабскую вязь на монете, – Ладожское озеро – есть часть пути из варяг...

– В греки, и не только, – закончил за него реконструктор.

– Дирхем – это много? – не унимался обрадованный находке Павле.

– Не очень.

– А на еду хватит?

– Паша, – с улыбкой произнес Вадим, – на один хороший раз точно хватит, поэтому спрячь – пригодится.

Он протянул найденную монету другу, и тот бережно спрятал ее в карман джинсов:

– Что дальше будем делать?

– Будем ждать, рано или поздно кто-то из уцелевших обязательно вернется, – констатировал Вадим.

«Пойка», несмотря на все старания Андрея, продолжал плакать, и вскоре его голодный плач стал далеко разлетаться над округой. Солнце начало припекать. С голодным ребенком был особенно солидарен Павел, который принялся кружить вокруг сгоревших изб в поисках съестного.

Ждать им пришлось не долго. С дороги, которая привела их на пепелище, слышались голоса, конское ржание, скрип телег и звук бубна.

– Кажется, к нам гости, – предположил Вадим.

Голоса на дороге становились все отчетливее, уже можно было различить мужские голоса и женские стенания.

– Не иначе похоронная процессия, – предположил Вадим. – Пашка, – негромко позвал он, – давай, вспоминай все от бабушки, нам сейчас позарез понадобится переводчик.

– Так я же сотый раз вам говорю, все что знал – рассказал!

На споры времени не было, из-за поворота показались несколько мужчин, шедших во главе процессии. Один из них нес шест с небольшой перекладиной сверху. На перекладине друзья разглядели цветные лоскутки, трепыхающиеся на легком ветерке. Мужик, несший шест, был облачен в меховой не то жилет, не то накидку и заметно прихрамывал. Шедший рядом с ним, небольшого росточка в лохматой шапке мужичок, ударял в бубен при каждом шаге. Остальные были вооружены копьями, которые держали наизготове, кроме того, друзья разглядели длинные ножи на поясах копьеносцев.

– Так, мужики, только не дрейфить! – предупредил Вадим.

– Обижаешь, – первым ответил реконструктор.

– Нет, нет, ну что ты, как можно, – произнес Павел, делая шаг за спину Вадима.

Вепсы заметили незваных гостей и остановились. Бубен умолк. Вперед выступил

широкоплечий вепс с копьем в руке. Этот был на голову выше всех, с копной черных, седеющих волос. Он поднял правую руку – все разом умолкли, и наступила тишина.

Несколько секунд вепсы рассматривали троих незнакомцев со свертком на руках. Широкоплечий поправил кожаную шапку на голове, повернул голову к остальным и что-то сказал. От процессии отделились пять копьеносцев и, во главе с широкоплечим, двинулись вперед. Друзья заметили, что еще несколько воинов с копьями стали обходить их слева и справа, а двое лучников, заняв удобные позиции, приготовились в случае необходимости поддержать разговор.

Когда до приближающихся воинов оставалось не более десяти метров, Вадим сделал шаг вперед и поднял правую руку, раскрытой ладонью к ним. По его убеждению это был межнациональный знак мирных намерений.

– Вроде поняли, – едва слышно произнес Андрей. – Похоже, этот у них главный.

Вепсы остановились. Широкоплечий сделал шаг навстречу Вадиму и произнес:

– Мика синун нимэси он?²

Вадим опустил руку, чуть повернул голову к Павлу и сквозь зубы спросил:

– Что он сказал?

– Спрашивает, что мы тут делаем, – ответил Павел и добавил: – Наверное...

Вадим смекнул, что его друг ничего не понял, поэтому попытался улыбнуться и, приложив руку ладонью к груди, произнес:

– Вадим. А это мои друзья.

– Мина юмарян!³

– Это я знаю, – воскликнул Павел, – он говорит, что не понимает.

– Спасибо, – тихо поблагодарил Вадим, сам пытаясь вспомнить слышанные им когда-то финские слова.

– У нас, кажется, ваш «пойка», – произнес он после короткой паузы.

Главный вепс уловил знакомое слово, и Вадим, чтобы закрепить успех, отступил на шаг в сторону и протянул руку, указывая на реконструктора, держащего ребенка.

Малыш, словно почуяв, что разговор именно о нем, издал протяжный писк.

– Пойка? – недоверчиво спросил вепс.

– Пойка, пойка! – утвердительно закачал головой Андрей, протягивая голосащий сверток широкоплечему.

Карие глаза вепса вспыхнули, он сделал шаг вперед. Вдруг на дороге раздался протяжный бабий вой, и от застывшей в молчании процессии отделилась молодая женщина. Вепсы обернулись. Обхватив руками непокрытую голову, она с криками бросилась бежать к незнакомцам. Оказавшись рядом, что-то крикнула широкоплечему и протянула руки к свертку. Андрей осторожно передал ей ребенка. Женщина заглянула в лицо младенцу и нежно прижала его к груди. Из ее глаз катились слезы. Она щекой прильнула к головке «пойки» и сквозь слезы произнесла:

– Киитос... киитоксиа оикейн палёон!⁴

Трое друзей стояли в оцепенении, наблюдая, как мать, обнимая ребенка, направилась обратно к процессии.

– Киитос, – молчание нарушил широкоплечий вепс.

Он обвел рукой сгоревшую деревню и стал что-то объяснять незнакомцам. Он говорил все быстрее, глаза блестели злостью, а его морщинистое лицо выражало ярость.

– Паша, ты что-нибудь понимаешь? – нетерпеливо спросил Вадим.

² Кто вы такие? (фин.)

³ Я не понимаю!

⁴ Спасибо... большое спасибо!

– Я понял только, что тут есть какая-то река, – ответил Павел, – не то Альда, не то Аллода.

– При чем тут река? – недоуменно спросил реконструктор.

Тем временем главный вепс умолк, а затем вплотную приблизился к Вадиму и, положив ему руку на плечо, произнес:

– Тэ юстава канза бепся! Тэ юстава Конди.⁵

Вадим смекнул, что Конди может быть именем. Он указал рукой на себя и представился:

– Вадим!

Затем он указал на широкоплечего.

– Конди?

Вепс улыбнулся и утвердительно закачал головой.

– Кюля, Конди!

– Да, Конди, – подсказал Павел.

– Я уже понял, – ответил Вадим, – а это Андрей, – он указал на реконструктора.

Широкоплечий подошел к нему и, положив руку на плечо Андрея, произнес:

– Юстава.

Андрей шепнул Павлу:

– Что он говорит?

– Кажется, друг!

– Юстава, – ответил Андрей, улыбнувшись вепсу.

– Мина⁶ Павел, – представился вдруг осмелевший турист.

Вепс подошел к нему.

– Пвел?

– Нет... мм! – Павел опять растерялся. – Я не Пвел.

– Паша, – подсказал ему Вадим.

– Мина Паша.

– Юстава Паша, – улыбнулся вепс, положив руку ему на плечо.

Затем широкоплечий развернулся к своим людям и отдал короткий приказ. Воины с копьями замахали руками, и процессия двинулась вперед. Опять послышался женский плач, ржание лошадей и скрип телег.

– Может, у них еды спросить? – предложил Паша.

Его поддержал реконструктор:

– А что, неплохо бы подкрепиться.

Вадим позвал широкоплечего по имени, раскрыл рот и указал пальцем. Затем погладил себя по животу. Вепс кивнул – мол, понял. Он распорядился, и один из воинов повел всех троих с собой. Процессия, состоящая из шести телег в окружении десятка стенающих женщин с растрепанными волосами и еще около двух десятков мужчин, свернула в сторону. Они направились к краю леса, туда, где стоял единственный, чудом уцелевший сарай. Одна из телег остановилась недалеко от гостей, и сопровождающий их воин указал на нее – мол, садитесь. Они забрались на телегу. Через несколько минут два других воина принесли им хлеб, сушеную рыбу и какой-то напиток в глиняной кринке. У телеги остался только один вепс с копьем, остальные поспешили к сараю. Павел первым отхлебнул из кринки.

– Кефир.

– Ну-ка дай, – Андрей взял сосуд и приложился, – ну точно, простокваша.

– Паша, – позвал Вадим, – а как, говоришь, называется та река, про которую говорил Конди?

⁵ Ты друг вепсов! Ты друг Конди.

⁶ Я – Павел.

– Альда вроде.

– А йоки – это река?

– Ну да. Йоки – река, ярве – озеро.

Вадим откусил хлеба и вновь спросил:

– Значит по-вепски Альдайоки?

– Ну да, – ответил Павел, – он так и сказал Альдайоки.

– А что случилось? – вмешался Андрей.

Вадим прожевал и, запив простоквашей, ответил:

– Мы теперь можем примерно предположить, в каком мы времени.

– ???

– Как?

– Очень просто. Если река по-ихнему Альдайоки, то прибавив скандинавское окончание борг,⁷ получим Альдайокиборг, что очень похоже на Альдегьюборг.

– Альдегьюборг? – не поверил Андрей. – Ладога?

– Да, – ответил Вадим, – если викинги, как говорит Конди, пришли с реки Альда, а это по-нашему Волхов, то наверняка Ладога уже существует.

– Круто! – обрадовался реконструктор.

– Надо будет при случае спросить у Конди, не знает ли он о Рюрике, тогда все встанет на свои места.

– А нам этот Альдегьюборг вообще нужен? – спросил Павел.

– Конечно! Можно посмотреть на древний город викингов, – воскликнул Андрей.

Он сказал это так громко, что охранявший их вепс напрягся, услышав слово «викинг».

Вепс даже перехватил копье и стал озираться. Заметив это, Вадим поднял руку – мол, все хорошо. Воин, убедившись, что поблизости нет врагов, успокоился.

– Тише ты, не ори, – цыкнул Вадим на реконструктора, – мы уже с викингами познакомились, и, кажется, это знакомство никого из нас особо не вдохновило.

– Так Альдегьюборг – это ведь чертовски любопытно, – понизив голос, продолжил восхищаться реконструктор.

– Вот знаешь, почему ваш Один одноглазый? – неожиданно спросил его Павел.

– Ну, знамо дело... – начал было Андрей, но Павел перебил его, не дав закончить:

– Потому что тоже любопытный был, и совал свои зенки куда не попадая, вот ему глазик-то один и выставили, другим в науку, а вам, викингосам, все неймется. Любопытно тебе. А мне вот нисколько не интересен ваш этот Адельгуборг или как там его...

Павел выдал это быстро, почти скороговоркой, не дав реконструктору и слова вставить в защиту святых истин.

Вадим улыбнулся и посмотрел на разошедшегося друга.

– Павел Николаевич, ну вы жгете.....

– А я вам говорю, что если существует Альдегьюборг, то надо бы и глянуть, – не унимался реконструктор.

– Так, Вадя, и в каком мы времени, по-твоему? – явно игнорируя сказанное Андреем, нетерпеливо переспросил Павел.

– Если Ладога существует, значит, мы где-то во второй половине восьмого века.

Павел посмотрел на друга, зажмурился и резко покачал головой.

– Не-е-е, – жалобно протянул он, – мне это ни о чем не говорит, а впрочем, мне все равно.

– Не беда, разберемся, – буркнул Вадим.

– Да-а-а уж, – мечтательно протянул Андрей.

Утоляя жажду и голод, они с любопытством наблюдали за вепсами у сарая. Оказалось, за ним были сложены трупы погорельцев, и теперь их бережно грузили на телеги.

⁷ Борг – город.

Уложенные трупы, среди которых, как заметили друзья, были и мужчины, и женщины, и даже дети, вепсы накрывали серым полотном. Пока мужчины грузили трупы, женщины не переставали причитать. Некоторые падали на колени и рвали на себе волосы. Мужик с бубном кружил вокруг телег, ритмично постукивая по нему.

Пожевав немного хлеба и выпив всю простоквашу, друзья отложили еду. Печальная картина не способствовала аппетиту. Только Вадим, немного поразмыслив, принялся за рыбу. Андрей и Павел уставились на него – у них самих кусок больше не лез в горло.

– Чего вылупились? – спросил Вадим. – Ешьте, когда еще доведется.

Но друзья наотрез отказались.

– Вы что, трупов никогда не видели? – удивился Вадим.

– Столько нет! – за обоих ответил Андрей.

– А вот это, дружище, и есть реконструкция – именуемая жизнью.

– Ты опять за свое? – обиделся реконструктор.

– Я не за свое, я за твое. Ты это хотел реконструировать? – резко спросил Вадим, указывая на телеги с трупами.

– Ну елы-палы! Что вы опять завели свою пластинку, – вмешался Павел, – какая теперь разница.

Все трое умолкли. Павел и Андрей смотрели на работу вепсов, а Вадим доедал сушеную рыбину. На запах рыбы опять, неведь откуда появились две рыжие кошки. Вадим бросил им недоеденную рыбу и прыгнул с телеги. Кошки жадно накинудись не еду.

– Ладно, не сердись, – примирительно произнес Вадим, – нашло что-то...

– Проехали, – спокойно ответил Андрей, и через секунду добавил: – Смотрите, кажется, управились.

Действительно, вепсы, погрузив все тела, стали разворачивать телеги к деревне. К друзьям подошел Конди и жестами указал на телегу – мол, поехали. Они не возражали. Воин, охранявший их, тоже сел с ними и взялся за вожжи, но трогать не торопился. Они пропустили процессию вперед. Шествие, как и прежде, возглавляли хромой с шестом и мужик с бубном. Телега друзей тронулась, замыкая шествие. Конди шел рядом с телегой. Вадим, вытянув шею, пытался разглядеть в толпе мать «пойки». Все время, пока грузили трупы, он ее не видел. И только когда процессия миновала поворот, оставив сгоревшую деревню, он наконец увидел женщину. Та сидела у дороги на поваленном дереве, тихонько покачивая сына. Поравнявшись с ней, Конди позвал ее по имени:

– Улла!

Услышав свое имя, женщина подняла голову и, увидев телегу со спасителями своего сына, улыбнулась сквозь еще не просохшие слезы. Широкоплечий подошел к Улле и, взяв ее под локоть, поддержал, чтобы она смогла подняться. Телега с друзьями остановилась. Вадим прыгнул и помог Конди усадить женщину с ребенком. Сам же не стал садиться, а пошел рядом с вепсом.

Дорога часто петляла среди леса, то сужаясь, то немного расширяясь. Дважды вброд пересекали ручьи, трижды проезжали мимо небольших полей, на которых росли какие-то колосья, а на одном – лен. Двигались не быстро. Павел, несмотря на тряску, умудрился уснуть, завалившись поперек телеги, а Андрей сидел в задумчивости, лишь изредка поглядывая вперед на процессию. Вадим продолжал шествовать рядом с Конди, который за всю дорогу больше не пытался заговорить с ними. Лишь однажды он что-то сказал Улле, когда «пойка» проснулся и заплакал. Она сняла с малыша мокрые пеленки, бросила их на дно телеги и закутала его в понёву.⁸ А затем, удобно устроив ребенка на руке, достала грудь и, никого не стесняясь, стала кормить сына. Вадим, чтобы не смущать женщину и самому не смущаться, ускорил шаг. Конди, вероятно, разгадавший смысл его маневра, тоже прибавил шагу и нагнал Вадима. Находившийся же на телеге Андрей в удивлении выгнул брови,

⁸ Понёва – верхняя, как правило, цветная юбка.

бросил беглый взгляд на обнаженную женскую грудь и тут же благородно отвернулся.

Вывернув из-за очередного поворота, Вадим увидел впереди речку, мост через нее и за ним большую деревню. Поселение располагалось на просторном месте и было обнесено забором в виде частокола, высотой не больше человеческого роста.

– Мина ма, – сказал Конди, указывая на поселение, – мина кюла Каргийоки.

– Что, уже приехали? – проснувшись, спросил Паша.

– Да, – ответил Вадим, – Конди говорит, это Каргийоки.

– А-а-а-а, – протянул Павел, – карги – не знаю, а вот йоки это река.

– Это мы и без тебя знаем, – улынувшись, произнес Вадим, – мог бы бабушку и поподробнее расспросить, толмач ты наш.

Процессия, перейдя мост, свернула в сторону от ворот. Широкоплечий что-то приказал трем воинам, попрощался с гостями и удалился вслед за процессией. А телега с гостями и Уллой, в сопровождении трех вепсов, двинулась к поселению.

– Наверное, хоронить поехали, – догадался Андрей, кивая на удаляющиеся телеги.

– А нас куда? – спросил Павел.

– Вероятно, на постой, – предположил Вадим.

Двухстворчатые ворота открылись, и телега с гостями въехала внутрь поселения.

Глава четвертая Каргийоки

Дом, милый дом...

Для постоя им отвели небольшую избу. Справа от входа стояла печка, у противоположной стены стол и широкие лавки вдоль стен. Вепс, проводивший их, вышел. Друзья уселись на лавке за столом. Через минуту явилась девчушка лет двенадцати и принесла хлеб, мед и две крынки, расставила на столе и выбежала. Но вскоре опять вернулась с большим мешком. Поставив мешок на лавку, она извлекла из него три небольшие подушки и три одеяла, больше похожие на старые плащи. Затем девочка указала на дальний угол и что-то прошептала. В углу лежали узкие матрацы, с виду набитые не то соломой, не то сеном. Друзья поблагодарили – кивнули девчонке, мол, поняли. Она едва заметно улынулась и выскочила за дверь. Троица, немного отведав хлеба с медом и запив все простоквашей, принялась разбирать постельные принадлежности и устраиваться отдыхать на лавках. Они ждали, что к ним может прийти Конди или еще кто-нибудь из вепсов, но вскоре за единственным маленьким оконцем полностью стемнело, и в этот вечер к ним никто так и не пришел.

Вепсы хоронили убитых родственников, и иногда в избу долетали звуки женского плача, «войкада»,⁹ как объяснил им Павел, так назывались погребальные причитания.

– Бабушка рассказывала, – пояснил он.

С непривычки они долго ворочались на лавках, пытаясь устроиться поудобнее, и наконец, найдя правильное положение, уснули.

Андрею-Сигурду сразу начал сниться древний Альдегьюборг и меч, который он выторговал у местного кузнеца. Меч был хорош. Длинный, с широким долом и литым бронзовым навершием.¹⁰ Настоящий скандинавский меч – гроза врагов. К такому оружию полагались красивые ножны, и Сигурд купил их. Деревянные, обтянутые красной тисненой

⁹ ойкад – древний вепский обычай погребального причитания. Женщины всего рода при похоронах родственников должны были беспрерывно причитать и плакать, тем самым выражая глубокую скорбь всего рода.

¹⁰ Навершие или яблоко – окончание рукоятки меча.

кожей, с бронзовыми накладками. Красота, да и только! И вот уже он, Сигурд Великий – могучий северный воин, стоя впереди, у носовой фигуры, летел на своем драккаре покорять неведомые страны. А за его спиной верные воины пели веселую песню, дружно налегая на весла. В той песне пелось об одноглазом Одине – предводителе всех варяжских дружин. О славных походах, о богатой добыче и о прекрасной девушке, что ждала своего героя за морями, за горами, на холодном северном фьорде...

Павлу снилась его, теперь уже бесконечно далекая и от того недостижимая невеста. А дотянуться хотелось, чертовски хотелось. Хотя бы одним глазком взглянуть, как она примеряет свадебное платье, которое они вместе купили в салоне на Петроградке. Во сне Настя корила его за то, что он поддался на уговоры Вадима и поехал на этот дурацкий реконструкторский фестиваль. Потом он увидел, как она плачет, сидя у телефона, не зная, кому еще позвонить, у кого узнать, куда подевался ее суженый и где пропадает. Он хотел крикнуть ей: «Не плачь!» И крикнул во сне, но она не услышала...

Вадим видел телеги с трупами. Он явственно представил себе, как вепсы хоронят их, воздают погибшим хвалу и клянутся отомстить врагам за их смерть и поругание. Ему представлялся шаман с бубном, прыгающий вокруг поминального костра и бормочущий странные, ему одному понятные заклинания. И видел стоявших рядом Конди и Уллу с «пойкой» на руках...

Ночь завладела природой, а где-то на окраине поселка жалобно и протяжно выла собака...

* * *

На следующее утро их пришел будить молодой парнишка, босой, в подпоясанной веревкой длинной рубахе с плеча явно старшего брата или отца. Он что-то сказал и жестами пригласил во двор. Выйдя, они увидели бочку, полную воды, рядом стояло деревянное ведро. В избу проскочила вчерашняя девчушка с большой тарелкой вареных яиц, хлебом и крынкой. Раздевшись по пояс, друзья умылись, сетуя на отсутствие мыла. После утреннего моциона парнишка пригласил их обратно в избу.

Стол был уже накрыт. Друзья сели и не спеша принялись завтракать. Парнишка устроился на лавке и стал с любопытством разглядывать гостей. Дождавшись, когда они закончат трапезу, он встал и жестами опять позвал во двор. Во дворе друзья не задержались, парнишка повел их дальше.

Подойдя к большому дому, мальчик указал на дверь – мол, вам туда, заходите. Вадим первым толкнул дверь и переступил через низкий порог, успев сказать друзьям, чтобы не наступали на него.

– А чего? – не удержался от вопроса Павел.

– Нельзя наступать на порог, – шепнул ему на ухо Андрей, – примета плохая, да и хозяев обидеть этим можно...

Внутри их встретили двое. Молодой вепс в нарядной рубахе и второй, явно не вепской наружности, в короткой кольчуге, при мече и шлеме. Окольчуженный внимательно осмотрел гостей и отступил в сторону, а вепс провел друзей в просторную комнату, где их уже ждали. Конди, в длинной беленой рубахе с вышивкой крестообразным узором вокруг шеи, рукавов и низа рубахи, восседал на резном стуле с высокой спинкой во главе длинного стола. По правую руку от вепса сидел какой-то светло-русый мужик с окладистой, уже почти полностью поседевшей бородой. Одет он был в травянистого цвета рубаху с незатейливой вышивкой, а на коленях держал серый плащ. Друзья заметили, что этот незнакомец, в отличие от вепса, опоясан длинным мечом. На вид мужику было не более сорока – сорока пяти лет, во всяком случае, так показалось Вадиму.

– Хюваа хуомента,¹¹ – поздоровался Конди, не вставая с места.

¹¹ Доброе утро.

Друзья поздоровались в ответ. Русский мужик прищурил правый глаз и тоже изрек:

– Здраве буде!

Друзья переглянулись. Конди жестом указал им за стол. Они сели слева от вепса, напротив мужика.

– Елико сякие?¹² Откель грядеши?¹³ – спросил светло-русый.

Вадим взглянул на вепса, тот кивнул головой – мол, отвечай.

– А вы русск... Простите, словен?

– Словен! – подтвердил мужик.

Вадим невольно обрадовался и даже улыбнулся. Еще учась в университете на историческом факультете, он активно изучал древнерусский язык и заметно в этом преуспел, что не раз ему пригождалось и на фестивалях, и на ролевых играх.

– Идее ваше мисто? Порекло е?¹⁴ – вновь спросил словенин.

Однако Вадим понимал, одно дело на играх, а тут момент серьезный, исторический, так сказать. «Как бы не облажаться», – подумал Вадим и вслух произнес, представляясь:

– Аз Вадим, овый Паша, овый Андрей, – он указал на друзей.

Юноши, услышав свои имена, слегка кивнули. Вадим почувствовал, что уверенность в языке вернулась к нему полностью.

– Мы словене, – утвердил он.

Мужик недоверчиво глянул на реконструктора и, указав на него пальцем, строго спросил:

– Овый словен?

– Да, – искренне ответил Вадим.

– Блядь!¹⁵ – громко сказал мужик, хлопнув ладонью по столу.

– А что вы ругаетесь? – воскликнул Павел, не терпевший матерщинников.

Вадим посмотрел на Андрея:

– Не поверил, что ты словенин.

– Да я понял, – вздохнул реконструктор.

– Речи борзо! – поторопил мужик. – Елико сякий?

– Кажись, влипли, – тихо произнес Паша.

Реконструктор не выдержал пристального взгляда мужика, встал из-за стола и гордо произнес:

– Я... Эк варяг, эк хейтир Сигурд!¹⁶

– Варяг?! – Конди вскочил со своего места и выхватил висящий на поясе нож.

Мужик потянулся к мечу.

– Стойте!!! – крикнул Вадим, бегло перейдя на древнерусский. – Стойте! Это мой варяг и мы вам «пойку» спасли. Вы не можете его убить – законы очага святы, боги проклянут вас...

Он особенно не рассчитывал, что его поймут, но сработало. Вепс остановился, а словенин произнес:

– Сядь, Конди, сядь! Сейчас мы все выпытаем.

¹² Кто такие?

¹³ Откуда пришли?

¹⁴ Где ваш дом? Имя (прозвище) есть?

¹⁵ Блядь – по-старославянски врать, говорить неправду.

¹⁶ Я варяг, мое имя Сигурд!

Вепс немного успокоился, сел, но продолжал недобро коситься на реконструктора.

– Ну, давай свою сказку, – предложил мужик.

Вадим перевел дух и заговорил, на ходу придумывая, как доходчиво и более или менее правдиво объяснить им, откуда они взялись в здешних краях.

– Мы возвращались из дальней стороны, шли вдоль озера. Остановились искупаться и тут мы заметили лодку... и дым из-за леса. Лодка причалила к берегу... там был парень. Он попытался нам рассказать, что случилось. В лодке был ребенок. Потом приплыл черный драккар и те, что были на нем, стали стрелять. Парня убили, а мы схватили «пойку» и дали плеча,¹⁷ в лес. Так и ушли. Переночевали в лесу, а утром пошли в сгоревшую деревню, где и встретили Конди с его людьми. Остальное вы знаете.

– Добро, – произнес мужик, похлопывая ладонью по столу, – а где ты этого варяга взял?

– Я победил его в поединке... но оставил ему жизнь, теперь он служит мне.

Сигурд смутно, но все же понял о чем речь:

– Это ты хватил, – прошипел Андрей.

– Да молчи уж, пока голову не срубили, – едва слышно ответил Вадим.

– Добро! С варягом пусть будет, как говоришь, а этот чудин,¹⁸ – он кивнул на Павла, – откуда при тебе?

Вадим осмелев, уверенно спросил сам:

– Мы уже достаточно рассказали о себе и назвали тебе свои имена, а почему ты не хочешь?

Мужик пристально оглядел Вадима, оценивая его. Поняв, что если словенин скажет свое имя, контакт будет окончательно налажен, Вадим выпрямился, расправил свои не хрупкие плечи. Под льняной рубахой проступила мощная грудь – спасибо родному спортзалу.

– Я Боривой из Новограда, – наконец ответил мужик. – Так ты теперь скажешь, откуда у тебя этот чудин, который так плохо говорит на родном языке?

– У него отец чудин, а мать словенка, – ответил Вадим.

– Вадя, это вы про меня? – встрял Паша.

– Что за странный у вас говор, ничего не понять? – вновь спросил Боривой.

– Это древний язык москалей, – не растерялся Вадим, – мы жили у них долго, так долго, что Паша забыл родную речь.

– П-а-в-е-л, – неожиданно нараспев произнес до сих пор молчавший Конди, – что за странное имя? Я еще вчера приметил.

Вадим несколько удивился, что тот знает по-славянски.

– Это москальское имя, – уверенно соврал он. – Можно просто Паша. Он попал к москалям еще ребенком, его варяги продали. Я там с ним и познакомился, выкупил его, он очень хотел вернуться домой. Но дом его тоже сожгли варяги.

«Вот ведь наплел», – подумал Вадим.

– Ай-яй-яй, – покачивая головой, посочувствовал вепс и добавил еще что-то на своем языке.

– Я хотел просить тебя, – обратился Вадим к вепсу, – не найдется ли подходящей одежды для Паши, а то его москальская одежда очень уж некрасивая.

– Найдем, – ответил Конди, – конечно, найдем. – Я еще должен поблагодарить вас, – он покосился на Сигурда, – поблагодарить вас всех, что вы спасли моего внука.

Конди вдруг нахмурился, его кулаки сжались.

– Я потерял Митту, своего единственного сына, но вы уберегли мне внука, и я хочу

¹⁷ Дать плеча – убежать.

¹⁸ Словене называли вепсов чудь, чудин.

отблагодарить вас. Среди вас есть сын нашего племени – он станет сыном нашего рода, моим сыном.

Вепс встал. Друзья тоже невольно поднялись. «Вот так поворот событий», – подумал про себя Вадим, а вслух молвил:

– Это большая и заслуженная честь, тем более что именно Паша первым схватил твоего внука и вынес из-под стрел, а потом всю дорогу заботился о нем.

Павел открыл было рот, он хотел что-то сказать, но слов не находил. Конди подошел к нему и крепко обнял.

– Кровь не обманешь. Сегодня вечером перед всем своим родом я назову тебя своим сыном.

Паша едва не проронил слезу от переполнявших его чувств.

– Спасибо, – с трудом выдавил он из себя.

Вепс разомкнул объятия и обратился к Вадиму:

– Ты выкупил его у чужеземцев, и я готов уплатить тебе долг.

– Нет, что ты! Не надо, Конди, – запротестовал Вадим. – Паша стал мне другом, а я друзьями не торгую – он свободный человек.

– Тогда не отказывай мне и прими подарки.

Он громко крикнул что-то по-вепски, и в комнату тут же вошел воин. Пройдя вперед, воин положил на стол два меча. Один был длинный, в деревянных, обтянутых кожей ножнах, и украшенный бронзовыми накладками. Гарда¹⁹ и навершие тоже были бронзовыми, с красивым вытравленным узором. Вадиму меч напоминал настоящий «Каролинг»²⁰ эпохи викингов. Сигурд же при виде меча нервно сглотнул слюну – вот она, реконструкция, история лежала прямо перед глазами, только руку протяни. Почти такой же он видел сегодня во сне, только тогда это был его меч.

– Это мой подарок тебе, Вадим, – сказал Конди, протягивая меч гостю.

Вадим бережно принял подарок двумя руками и, поклонившись, поблагодарил за поистине княжеский дар.

Второй меч был короче сантиметров на двадцать и скорее походил на скрамосакс.²¹ Он тоже был в ножнах целиком из коричневой кожи. Скрамосакс не был ничем украшен, кроме чеканной бронзовой накладки на рукояти. Конди взял короткий меч и протянул Андрею-Сигурду.

– Это тебе, варяг, – в его голосе прозвучала нотка раздражения. Но вепс справился с секундным приступом и добавил: – Спасибо за помощь.

Сигурд взял подарок, слегка наклонил голову и, чтобы до конца доиграть начавшуюся пьесу, произнес по-скандинавски:

– Так ферир!²²

Его все приняли за варяга-викинга, и он был рад этому удавшемуся фарсу. Андрей так стремился к этому все три года своей реконструкторской жизни. Да, иногда сбываются даже самые фантастические мечты...

Трогательный обмен любезностями прервал Боривой, который до этого молча сидел и наблюдал:

– Конди, мы с тобой уже обо всем договорились, – он встал. – Буду ждать твоих людей

¹⁹ Гарда – перекрестие меча.

²⁰ Каролинг – тип меча, получивший большое распространение в раннем средневековье.

²¹ Скрамосакс – короткий меч саксов, получил широкое распространение у многих народов, использовался и викингами.

²² Большое спасибо!

в назначенное время в известном тебе месте.

– Я буду! – твердо произнес вепс.

– Тогда мне пора, – сказал новгородец, накидывая плащ, – я думаю, ты не будешь возражать, если я заберу твоих гостей с собой.

Вепс удивленно вскинул брови.

– Конечно, кроме твоего нового сына, – поспешил заверить Боривой.

– У тебя им будет веселей, – улыбнулся Конди.

– Постойте! А нас, что, спрашивать не будете? Хотим мы или нет? – спросил за всех Вадим.

– А вы, что, разве привыкли сидеть у печки? – вопросом на вопрос ответил Боривой. – По вашим глазам вижу, как вы принимали подарки Конди. Вы не огнищане,²³ вы воины, а разве место воина не в дружине?

– Так куда мы? – спросил Вадим, прикрепляя подаренный меч к поясу.

Новгородец застегнул фибулу²⁴ и сдвинул плащ так, чтобы правая рука была свободна.

– Ратиться! – ответил он и хитро подмигнул друзьям.

– С кем? – не удержался Сигурд.

– С врагами, – ответил Боривой и направился к двери. – Ну, что замерли? Пошли!

Когда они вышли, им подвели коней – небольших, лохматых, но широких в крупе лошадок. Друзья впали в ступор – седел не было, вместо них какие-то устройства из кожаных накидок и овечьей шкуры. Хорошо хоть были стремяна. Но ездить верхом они не умели, пробовать, конечно, пробовали пару раз – и то шагом и в удобном седле.

Боривой углядел их смущение:

– Не робейте, справитесь, тут не далеко, – и первым запрыгнул на лошадь.

Друзьям ничего не оставалось, и они последовали его примеру – забрались почти сразу. Их провожали Конди с Павлом и еще несколько вепсских воинов.

– Вы уж меня не забывайте, приезжайте, – попросил Паша, растерянный от неожиданного расставания.

– Ну что ты, Паша, конечно, мы обязательно вернемся, – ответил Сигурд.

Боривой тронул своего коня, за ним последовал окольчуженный воин, которого друзья видели при входе в дом.

– Давай молодцом, дружище, – улыбнулся Вадим, – теперь ты – сын вождя, наследник. Видишь, как оно обернулось.

– Удачи вам, парни!

Друзья тронули своих лошадок.

– Ну и бестолковый у вас язык этот москальский, – по-вепски сокрушался Конди, махая отъезжавшим рукой.

Паша и сам удивился, что понял его и ответил тоже по-вепски:

– Уж какой есть.

Когда всадники свернули на соседнюю улицу, вепс положил руку на плечо Павла.

– Пойдем к богам, надо готовиться.

Паша бросил прощальный взгляд туда, где скрылись за домами его друзья и ответил:

– Уж пойдем.

– Я вот тебя спросить хотел, а что ты ужа поминаешь? Эта змея – твой родовой предок?

Павел посмотрел на названного отца и ответил по-москальски:

– Тебе лучше не знать!

Глава пятая

²³ Огнищанин – пахарь, крестьянин.

²⁴ Фибула – застежка.

В дружине Боровоя

Если тот берег – не политый нашей кровью.

Гораций

Как и обещал Боровой, ехали они недолго. Всего в двух верстах от Каргийоки их встретил конный разъезд. Воины, видимо, сразу узнали Боровоя и приветствовали его, подняв правую руку. Поравнявшись с ними, Боровой отдал какой-то приказ, и конники умчались вперед по дороге. Через несколько минут они выехали на большую поляну, где строилась славянская дружина. Воины образовывали походную колонну, становясь по четыре в ряд.

Вадим и Сигурд во все глаза рассматривали бойцов. На первый взгляд их было не более трех сотен – примерно столько же собиралось на Выборгском фестивале. Большинство воинов были пешей ратью. Друзья заметили только около полусотни всадников, которые выделялись на фоне пеших своим вооружением. Почти все конники имели шлемы, кольчуги, небольшие миндалевидные щиты²⁵ и длинные копья. Пехота практически не имела кольчуг, вместо этого одни воины носили кожаные рубахи, у некоторых на них были приклепаны металлические пластины, другие – использовали безрукавные накидки из коровьих шкур. В отличие от конников, металлические шлемы были не у всех пехотинцев – у многих имелись кожаные или войлочные, напомнившие друзьям банные колпаки. Пехота была вооружена топорами, мечами, копьями и сулицами.²⁶ Почти у всех были круглые или овальные щиты. Не более трех десятков воинов были вооружены луками.

«Не иначе будет дело», – подумал Вадим, глядя на словенское войско и вспомнив про свои недавние с друзьями догадки, решился спросить Боровоя.

– Скажи, Боровой, – поинтересовался Вадим, подъехав ближе, – а ты не слышал про Рюрика?

Словенин обернулся в седле.

– Рюрик? Кто такой?

Вадим не растерялся:

– В Альдегьюборге князем разве не Рюрик?

Боровой усмехнулся:

– Чудной ты, Вадим! В ихнем граде сидит нынче Гутрум, – он придержал своего коня, – запомни... Гутрум – первый враг нашего Новгорода.

Боровой направил коня в голову строящейся колонны. Там он спешился и к нему тут же подбежали двое отроков, неся кольчугу, шлем и щит, украшенный изображением огненного колеса. И тут друзья услышали, как отроки обращаются к Боровою – княже! Вадим и Андрей слезли с коней, стали разминать ноги. Новгородец быстро облачился в доспех. Его кольчуга оказалась длиннее, чем у всех видимых друзьями у прочих воинов. Мелкие кольца были отдраены до блеска, видимо, заботливыми отроками-оруженосцами, и теперь весь доспех отблесками играл на солнце. Конический, невысокий шлем, который надел Боровой, имел наносник и по окружности был отделан волнистыми медными накладками. Первым не выдержал Вадим, его так и распирало любопытство:

– Боровой, так ты что же – князь?

Новгородец развернулся к ним.

– А ты, я вижу, не рад этому?

Вадим не нашелся, что ответить, у него сейчас в голове роилась тьма вопросов:

²⁵ Их еще называют щиты-капли, формой они напоминают каплю, использовались изначально только всадниками, впоследствии появились и у пехоты – строевые капли.

²⁶ Сулица – короткое метательное копье, как правило, длиной в 1–1,2 метра.

– Новгородский князь?

– Что-то смел твой новый знакомец, княже!

Друзья обернулись, рядом стоял здоровяк, чуть ниже их ростом, в кольчуге и со шлемом в руке. Его длинные волосы были с изрядной проседью, как и его огромная борода.

– Вот посмотри, ипат,²⁷ – сказал князь, указывая на друзей, – привел нам двух воев.²⁸

Воевода пристально оглядел обоих.

– Спытать бы надо, княже.

– Я уже спытал, Радей!

Воевода приблизился к друзьям.

– Ну-у-у, кто такие?

Они представились грозному Радею.

– Вадим.

– Сигурд.

– Варяг? – не поверил ипат.

– Это мой варяг, – поспешил заверить Вадим.

– Не заедай их, Радей, – осадил князь.

Боривой сел на подведенного отроком гнедого жеребца с длинным хвостом и не менее длинной гривой.

– Определи их в десяток к Палею, пусть обживаются. И не забудь гонца снарядить к Гостомыслу.

– Сделаю, княже, – ответил Радей.

Князь тронул коня и в окружении окольчуженных всадников двинулся вперед. Колонна пехотинцев дрогнула, сдвинулась с места – пошла. К воеводе тоже подвели коня, он обернулся и недоверчиво глянул на друзей.

– Десяток Палея идет в самом конце дружины, – сказал Радей, залезая на коня. – Скажите ему, что князь приказал, – вы теперь в его десятке.

– А как мы его узнаем? – спросил Вадим.

– Палей – щербатый! – воевода развернул коня и пустился догонять князя.

– Ну и что теперь? – спросил Сигурд. – Я так и буду твоим варягом?

– А какие варианты?! Ты хотел, чтобы тебе голову срубили за твое варяжское реконструкторство?

«Опять начал», – раздраженно подумал Андрей. Память вновь вернула его к недавно проигранному им турниру. Обида на миг вернулась, и он, закусив губу, отвернулся от Вадима.

– Ладно, не обижайся, – миролюбиво начал Вадим, подметив замешательство товарища, – просто видишь, как у них тут викингосов не любят.

Андрей вспомнил, как при слове варяг Конди схватился за нож.

– А что ты там с Боривоем про Рюрика говорил? – спросил Андрей, чтобы сменить тему. – Я не расслышал.

– А то и спросил... и узнал, что Рюрика еще нет!

– Ага-а, – в раздумье протянул реконструктор, – значит, мы где-то в начале девятого века...

– Или ближе к середине девятого, – уточнил Вадим, – Рюрик появился около 860-го года.

– В 862 году, – поправил его Андрей.

– Да не суть, – отмахнулся ролевик, – в общем, мы теперь точно знаем, что мы попали раньше 860-х годов.

²⁷ Ипат – здесь воевода.

²⁸ Вой – воин.

– Точно. Вот еще бы знать насколько раньше.

Оба замолчали, переваривая сделанные выводы. И тот и другой подумали об оставленном в Каргийоки Павле, и оба пришли примерно к одинаковому выводу – что Павлу от знания примерной даты попадания в историю ни горячо, ни холодно.

– Ты в армии служил? – вдруг спросил Вадим.

– Нет.

– Вот и я нет. Зато теперь послужим.

Они ждали на обочине дороги, пока пройдет колонна, чтобы вступить в десяток Палея. Но ряды новгородцев шли не спеша, и они смогли в подробностях разглядеть все воинство и лица ратников. По большей части это были зрелые бородатые мужики, но были и безусые парни. Шагали твердо и уверенно, видать, привычные к пешим переходам.

– Вот ведь, – сокрушался реконструктор, – я так мечтал увидеть Альдегьюборг, и чего это нас к славянам занесло?

– Родину защищать! – не то серьезно, не то шутя произнес Вадим.

– Понятно... – многозначительно протянул реконструктор, – и все же интересно, что это Боровой нас, почти незнакомых ему людей, так лихо в дружину завербовал?

– Даю сто процентов, – ответил Вадим, – что он хочет поближе с нами познакомиться.

– Ага, чтобы мы, значит, у него на глазах были?

– Ну типа того...

Колонна почти прошла, и тут Вадим заметил среди последнего идущего десятка щербатого воина в кожаном шлеме.

– Палей! – громко позвал Вадим.

Щербатый воин повернул голову. Неглубокие мелкие оспины покрывали почти все его лицо, отчего он казался угрюмым. На нем была накидка из коровьей шкуры, накинута поверх коричневой кожаной рубахи. Одевание перехватывал тонкий ремень, за который была заткнута увесистая секира. В руках Палей держал круглый щит.

– Пошли, – сказал Вадим реконструктору, – вон наш десяток.

Получив приказ князя, Палей поставил их в последний ряд, где они зашагали, замыкая колонну всей дружины.

Прошагав примерно час, Андрей заметил, что Вадим напряженно о чем-то думает; хмурит брови, прищуривает глаза.

– Ты чего такой грустный? – спросил реконструктор.

– Да ты знаешь, все пытаюсь вспомнить, где я уже слышал это имя...

– Что за имя?

– Боровой. Видишь ли, мне кажется, что-то очень знакомое...

– Знаешь, а вот мне показалось другое имя знакомым.

– Ну и?

– Князь просил воеводу отправить гонца к Гостомыслу...

– Гостомысл, Гостомысл, – в раздумьях произнес Вадим.

– Хм, Боровой, хм-м-м... Боровой, – что-то вспоминая, бубнил Андрей.

Шли без остановки часа три или четыре, пока не уперлись в большую реку. Был объявлен короткий привал. Воины разместились по десяткам, по обе стороны от дороги и принялись утолять голод и жажду из имеющейся у каждого походной заплечной сумки. У друзей тоже была снедь, заботливо дарованная вепсами – два отменных копченых сига, хлеб и вареные яйца. Ели молча, не спеша.

– Точно, – вдруг, хлопнув по коленке, изрек Андрей, – точно, я вспомнил! Гостомысл – это новгородский князь и отец Ульфиллы.

– А Ульфилла, кажется, мать Рюрика, – неожиданно для самого себя припомнил Вадим.

– Ну точно тебе говорю, в новгородских изводах²⁹ есть упоминание о Гостомысле, – с

²⁹ Извод – летопись.

азартом продолжил Андрей, – он выдал свою дочь за какого-то финского князя и у них родился Рюрик.

– Все это бабушкины сказки, – спокойно ответил Вадим, стряхивая с колен хлебные крошки, – которые идут вразрез с фундаментальной наукой. Легенда, не более того.

– Ну не скажи. Гостомысл точно есть, и ты это слышал.

– И что? Мало ли Андреев ходит по земле, не все же Боголюбские.

– Да ну тебя, – огрызнулся реконструктор.

– Ну хорошо, а при чем тут Боровой? Ах, ну да, конечно, – Вадим щелкнул пальцами, – Боровой – легендарный новгородский князь и отец Гостомысла.

– Вот именно, – подтвердил Андрей, – и это тоже, кажется, есть в летописях.

– Ты вот сам типа варяг, а теперь что? Рюрик не варяг, а сын какого-то финского князя и славянки.

– Я сказал финского князя, в смысле сидевшего на финских землях, а так отец Рюрика викинг, варяг...

– Ага, вот оно что, значит, все-таки призвание варягов было.

– А чего ты огрызаешься? – Андрей посмотрел Вадиму прямо в глаза. – Рюрик – внук Гостомысла, кого же было новгородцам звать на княжеский стол, как не прямого потомка новгородских князей...

– Ладно-ладно, – примирительно произнес Вадим, – допустим, что так оно было. Из всего этого меня сейчас волнует определенность по годам. Наши, так сказать, временные координаты.

– А что не так?

– Если предположить, что Рюрик еще в проекте, то сейчас идет борьба за новгородскую самостоятельность от викингосов, ибо сказано, что перед тем как призвать Рюрика, словене новгородские совместно с финно-угорскими племенами выгнали врагов со своих земель и стали сами собой владеть...

– Так точно, – по-военному отчеканил Андрей, – только вот я припоминаю, что в летописях писано, что борьбу эту возглавил Гостомысл, а у нас дружину ведет князь Боровой.

– Да не суть, – махнул рукой Вадим, – кто бы не начал эту борьбу, главное – что она идет, а Рюрика еще и в проекте нет, следовательно, у нас на дворе примерно 820-е года.

– Или 830-е года...

– Ха, звучит, конечно, несколько неопределенно...

– Ну и что с того?

– Согласен. Пусть по времени будет небольшой плюс-минус. Вот только почему мы знаем, что Новгород якобы основал Рюрик, ибо, как говорится, все началось с Рюрикового городища, а у нас по факту Новгород уже существует, а Рюрика еще нет.

– Ну-у-у, – загадочно протянул реконструктор, – все возможно...

– М-да, – не менее загадочно вздохнул Вадим, – значит, мы сейчас в самом разгаре, как говаривал старик Гумилев, русского пассионарного толчка... слияние этносов, образование суперэтносов и прочая, и прочая...

– А тебя что-то не устраивает?

– Да все меня устраивает, кроме наличия четкого плана – что делать?

– Ладно, как-нибудь разберемся.

– Конечно, разберемся, но с планом все же как-то понятнее. Особенно совершенно не ясно, как нам домой возвращаться.

Они почти одновременно заметили спешившего к своему подразделению десятника Палея. Еще в самом начале привала он куда-то запропастился и вот теперь со всей мочи поспешал назад.

– Вот Пашка огорчится, когда узнает, как далеко во времени нас занесло, – философски заметил Вадим, всматриваясь в жестикуляцию десятника.

– Да, а чего ему, – ответил Андрей, – лучше нашего устроился, а вот у нас тут что-то

затеваается, – он кивнул в сторону Палея.

Тем временем Палей принялся поднимать людей, на ходу сообщая всем, что мост через реку сожжен и что всем приказано валить деревья и вязать плоты.

* * *

Закончив обед, почти все десятки разошлись по лесу, и вскоре со всех сторон слышались удары топоров. Деревья валили и стаскивали к берегу, где из них при помощи крепких веревок связывали большие плоты.

Через два часа было готово несколько вместительных плотов, и переправа началась. Первыми переправились два десятка конников, которые, выскочив на берег, тут же унеслись вперед разведывать дорогу. Переправа остановилась на время и возобновилась только тогда, когда вернувшиеся из разведки всадники подали сигнал – мол, все в порядке.

Плоты сделали еще несколько рейсов, перевезя на противоположный берег четыре десятка конников. Князь с высоты седла наблюдал за переправой. Казалось, он был доволен – все шло по намеченному плану. Наконец пришла очередь переправляться пехоте. Десяток Палея находился ближе всего к плотам и потому одним из первых погрузился на него и благополучно переправился. Когда второй рейс с пехотинцами отчалил от берега, с двух сторон, из-за поворотов реки выскочили ладьи викингов. С одной стороны приближалось два драккара, с другой – шло три. Их заметили на обоих берегах. Воины на плотам быстро заработали шестами, пытаясь вернуться и пристать к берегу. Вадим видел, как на противоположном берегу Боровой отдает приказы. Воины строились в шеренги на песчаном пляже, прикрываясь щитами, готовые отразить десант. Вперед выступили лучники, тоже приготовились встречать незваных гостей.

– Викинги! – с трепетом в голосе, воскликнул Сигурд, глядя на стремительно приближающиеся драккары.

Вадим обернулся – на этом берегу было не более пяти десятков пехоты и семь десятков конных. Полетели первые стрелы. Лучники новгородцев начали перестрелку с противником. Не все плоты успели повернуть к спасительному берегу – несколько из них снесло течением прямо под форштевни драккаров. Ладьи викингов с разгону налетели на плоты, и словене, не удержавшись на ногах, посыпались в воду, как спелые фрукты с деревьев. Упавшие в воду новгородцы тонули, а тех, кто пытался выплыть, добивали стрелами и сулицами. Дружина Боровая разом потеряла два десятка бойцов.

Палей и другие десятичники выстраивали своих людей на берегу, ожидая десанта врагов. Вадима и Сигурда, как не имевших щитов, поставили в третий ряд. Драккары развернулись и устремились к берегу. Глубина позволяла и четыре ладьи подошли вплотную. Пятая ладья встала перпендикулярно, прикрывая своим бортом десант от стрел с противоположного берега. Форштевни уткнулись в песок, и викинги стали быстро выпрыгивать через борт.

– Вот сейчас будет нам бугурт! – с трепетом в голосе произнес Сигурд.

– Придется убивать, – констатировал Вадим, – или мы, или нас.

Реконструктор нервно сглотнул, а Вадим, нахмутив брови, потянулся к мечу на поясе:

– Ну, сейчас начнут, только подавай!

Четыре драккара почти полностью опустели – викинги были уже на берегу. Немногочисленным словенским лучникам, бывшим на этой стороне, удалось поразить нескольких врагов-северян. Но тут раздалась зычная команда.

– Скьяльборг!³⁰

Высадившаяся толпа викингов мгновенно вскинула щиты, образовав сплошную стену, и ошетилилась копьями. Они успели вовремя, так как по дороге неслась словенская конница.

³⁰ Скьяльборг – стена щитов; тактическое построение, когда строй со всех сторон, в том числе и сверху, прикрывается щитами.

Пехота расступилась, пропуская конную лавину.

На другом берегу князь увидел, как его конница с разгону ударилась о стену щитов. Викинги дрогнули, подались под напором на два шага назад, но устояли. Копья северян приняли на себя тела лошадей и всадников. Со второго ряда, через головы своих товарищей дружно ударили секиры на длинных древках.

– Это хускарлы, – с завистью произнес Сигурд, – лучшие воины хирда.³¹

– Да-а уж, – протянул Вадим, видя, как из третьего и четвертого ряда в конников полетели сулицы, – явно дядьки, по всему видно, сурьезные...

Сердце Андрея сжалось. Перед ним шел настоящий бой, и если дело пойдет и дальше так, то ему самому придется убивать. Но убивать не хотелось – это было странное чувство, смесь опасности и страха в предвкушении крови.

Лучники пехотинцев тем временем вели перестрелку с лучниками врага, которые остались на ладьях. Одна стрела, пущенная с драккара, жадно впилась в дерево рядом с Вадимом. Он невольно поежился – смерть была рядом. «Вот она – настоящая реконструкция. Одна стрела – и будь здоров!» – невольно подумал Вадим, глядя, как лучники северян вновь прилаживают стрелы на тетиву. Но он одновременно с осознанием возможной близости смерти ощутил какой-то прилив сил. Ладонь правой руки нестерпимо зачесалась. Он сжал кулак и стал карябать пальцами ладонь, пытаясь унять, успокоить эту внезапно нахлынувшую чесотку...

Бой продолжался уже несколько минут, и вершники словен не выдержали, они повернули коней назад. Боровой, видя бегство своей конницы, приказал немедленно грузиться воинам на плоты. Он прекрасно понимал, что на том берегу слишком мало его людей, чтобы сдержать натиск врагов. Под прикрытием щитов и своих лучников, дружина стала спускаться к плотам. Заметив этот маневр, викинги с драккара охранения усилили обстрел.

Тем временем отступившая конница словен промчалась по дороге, уступая поле боя своей пехоте.

Палей и другие десятники громко заорали, приказывая построиться. Вадим и Сигурд заняли свои прежние места в третьем ряду. Пехота новгородцев перекрыла узкую дорогу. Северяне тоже вытянули свой фронт на ширину дороги и, переступив через тела лошадей, словен и своих павших товарищей, двинулись вперед. Вадим услышал какую-то команду, раздавшуюся среди викингов, но слов не разобрал, да и не знал он скандинавского, так, несколько слов. По этой команде нападавшие метнули короткие копья. Прямо под ноги друзьям упал воин со второго ряда, в его груди торчало короткое копье.

– Ну вот! Теперь держись! – громко сказал Вадим.

Рука по-прежнему продолжала чесаться. Вадим быстрым движением выхватил меч из ножен. Приятная теплота рукояти мгновенно успокоила ладонь. Внутри него словно медленно разворачивалась мощно закрученная пружина. Мышцы всего тела напряглись в ожидании смертельной схватки. Как ни странно, но он был готов убивать. Да! Готов, и это даже радовало его сердце. Он и сам не мог себе это объяснить, но ему страстно хотелось испытать себя в настоящем бою, когда не на жизнь, а на смерть, и никаких тебе хитов.³²

Викинги перешли на бег и две массы столкнулись. За счет разбега северянам удалось сразу же сбить с ног нескольких новгородцев из первого ряда. Из второго ряда атакующих тут же вылетели секиры, проламывая щиты, шлемы и кости. Через секунду первый ряд новгородцев погиб полностью. Прозвучала новая команда, и викинги навалились. Первая шеренга пригнула головы, выставив вперед щиты. Они уперлись в них шлемами и рванули.

³¹ Хирд – семья, дружина.

³² Хит – ролевое и турнирное понятие, ограничивающее количество попаданий по бойцу, после которых он считается выведенным из боя – «убит».

Задние ряды тоже налегли. Теперь северяне старались не столько убивать врагов, сколько теснить их по дороге. Под таким напором многие из новгородцев спотыкались и падали, надвигающиеся враги тут же приканчивали их мечами и секирами. Перед друзьями упал еще один воин, и щиты викингов уперлись им в грудь – их теснили.

Вадим и Андрей пятились под напором противника. Викинги теснили новгородцев, теснили и убивали. Шаг за шагом друзья отступали все дальше от берега. В любую секунду давление может ослабнуть, и викинги, резко отдернув щиты назад, дружно заработают мечами и секирами, а тогда – хана! Мысли мелькали с быстротой молнии, Вадим понимал, что надо срочно что-то предпринять. Остановиться, упереться рогом и ударить.

– Стоять! – заорал он, что было сил. – Стоять, мать вашу!

Андрей плечом уперся в давивший его щит викинга и бросил взгляд на друга. Он понял замысел Вадима и тоже прокричал:

– Стоять! Стоять!

– Новгородцы! Упрись! Навались! – Вадим особенно и не рассчитывал, что словене поймут его команды, но с каждым новым его окриком, он спиной чувствовал, что задние шеренги начали давление вперед. Продвижение викингов замедлилось и вскоре остановилось совершенно. Две массы вооруженных людей стояли на месте не в силах сдвинуть друг друга с места.

– Один! – подбадривали себя северяне.

– Новгород! – выкрикивали дружинники Боривоя, продолжая сдерживать врага.

Друзья слышали за своими спинами, как словене, сжавшись в плотному строю, поминали своих богов, призывая их на помощь, при этом не забывая отпускать в адрес врагов крепкие словечки. Впрочем, викинги не оставались в долгу. Их низкие гортанные ругательства вылетали из их рядов, словно короткие выстрелы.

Тем временем подмога, посланная князем Боривоем, достигла середины реки, а драккар охранения, уже развернувшись, летел на них. Неповоротливый плот не мог увернуться от удара. Ладья викингов ударила форштевнем в плот – люди оказались в воде, тех, кто еще оставался на плоту, поразили стрелами. Поняв, что единственное спасение это взять драккар на бордаж, словене направили плоты к нему. Но ладья резко меняла направление движения, гребцы пересаживались и тут же гребли обратно. Драккар викингов был великолепно приспособлен к движению как вперед, так и назад, он с легкостью избегал бордажа.

* * *

Вадим посмотрел на Андрея.

– Давай оттолкнем их.

– Ага, – мотнул головой Андрей, – понял...

Вадим повернул голову налево. Бородатый словенский дружинник, перехватив двуручный топор обеими руками, упирался им в щит викинга.

– Оттолкнешь – и сразу руби! – сказал ему Вадим.

– Угу, – пробурчал воин.

– Давай! – выкрикнул Вадим, мощным толчком отбросил от себя щит викинга и тут же ударил мечом. Ударил зло, остервенело – раз, второй, третий...

Краем глаза он заметил, как бородатый дружинник слева отбросил от себя щит противника, замахнулся и влупил по щиту так, что крайняя доска расщепилась и отлетела в сторону. Второй удар бородача пришелся аккурат в шею викинга. Лезвие двуручного топора проломило толстую кожаную рубаху северянина, легко сломало кости, играючи порвало мышцы и прошло до середины груди. «Ого! Мама дорогая», – промелькнуло в голове Вадима, и собственная шея болезненно заныла, как будто это ему нанесли смертельный удар. Но думать о прекрасно-разрушительном воздействии двуручных топоров на брненное человеческое тело было некогда. Он еще раз ударил по щиту противника, но расщепить щит мечом не получалось.

– Коли его, Сигурд! – крикнул он, видя, как его друг также безрезультатно бил по щиту своим скрамосаксом.

Крикнув, он сам изловчился и ткнул викинга куда-то под щит. Раздался сдавленный крик, и щит перед Вадимом опустился. На него смотрели яростные глаза врага. Увидев это, Сигурд с силой ткнул викинга в грудь, пробив его кожаную рубаху. В образовавшейся бреши лишь на миг Вадим увидел локоть соседнего викинга, не раздумывая, он ударил. Рука северянина надломилась и выпустила меч, но левой со щитом он попытался ударить Вадима, сделав взмах. На миг он открылся, и откуда-то из-за Вадима в бок викинга ударило копье – враг выронил щит и упал. Северяне из второго ряда тут же заменили павших товарищей, и на друзей обрушились удары щитов. Вадиму удар пришелся умбоном в грудь, он пошатнулся, но устоял. А Сигурду другой щит угодил торцом в лицо, от мощного удара парень упал. Вадим, сжав меч двумя руками, яростно ударил сигурдова обидчика в шлем. Удар получился такой силы, что шлем северянина не выдержал и прогнулся. В следующее мгновение Вадим вновь получил умбоном, но уже в лицо. Мир в глазах завертелся, а затем потух. Они упали почти одновременно с тем викингом, которому Вадим пробил шлем...

* * *

Вадим очнулся, когда бой еще продолжался. Тяжело открыв глаза, он слышал шум битвы и стоны раненых – ужасно болела голова, дышать было трудно. Приподнявшись, он увидел, как строй викингов скрывается за поворотом, тесня остатки новгородцев. Дорога, по которой наступали северяне, была усеяна изуродованными трупами и обломками оружия. Вадим сел, инстинктивно обтер лицо рукой, и его пронзила адская боль. Нос оказался сломан, все лицо было залито кровью – голова закружилась. Сидя, он покачнулся и, чтобы не упасть, оперся рукой о чей-то труп. «Андрей!» – мелькнула тревожная мысль в его гудящей от боли голове. Он покрутил ею и в метре от себя увидел лежащего лицом вниз друга.

– Сигурд! – громко позвал он.

Не получив ответа, Вадим встал на четвереньки и пополз к товарищу. Он посмотрел на стоящие у берега драккары и увидел с десятков лучников, которые спрыгивали с борта.

– Сигурд! Андрей! – вновь позвал он и стал тормозить его. Сигурд молчал. Лучники северян медленно приближались, всматриваясь в тела погибших. Заметив своих павших дружинников, они начинали сносить их на драккары.

– Сигурд, ты жив? – громко спросил Вадим. С трудом ему удалось перевернуть друга. Сигурд не открыл глаз, его лицо было разбито и перепачкано кровью, из-под рубахи выглядывал серебряный «мьельнир». И тут его заметил один из вражеских лучников. Его лук, мешавший переносить раненых, был закинут за спину, и лучник, выхватив из-за пояса топор, ринулся вперед с четким намерением добить раненого новгородца. Вадим уловил движение викинга и, не отрывая взгляда от приближающегося противника, стал шарить по земле правой рукой. Он нащупал свой меч, оброненный после падения, в самый последний момент. Викинг уже занес топор для последнего удара, когда рукоять меча оказалась в ладони Вадима. Он уперся левой рукой в землю, подтянул под себя ноги и с зубным скрежетом выбросил меч снизу вверх. Топор с перерубленного топорща отлетел в сторону, оставив в руках обескураженного викинга лишь жалкий обломок. Но опомниться Вадим ему не дал. Из почти лежачего положения он ударил его по коленям одновременно двумя ногами. Викинг чуть согнулся, а Вадим, резко вскочив, приложил его кулаком с зажатой в нем рукояткой меча. Удар пришелся аккурат в челюсть. От мощной атаки северянин покачнулся и открылся полностью. Благо на нем не было шлема, чем Вадим не преминул воспользоваться.

– Кха! – коротко выдохнул новоиспеченный дружинник Боривоя, и клинок меча, прорубив череп, плотно застрял у переносицы викинга. Удар был настолько мощным, что оба глаза убитого противника лопнули. Вадим выдернул оружие из черепа и, встав вполоборота к драккарам, принял боевую стойку. Его глаза хищно прищурились, а во рту он

ощущал сладковатый привкус крови. Он уже забыл про свой разбитый нос, про головокружение от мощного удара щитом, он вновь был готов к бою и сейчас его глаза искали нового противника. Но викинги впереди как будто не замечали одиноко стоящего среди трупов воина. Они по-прежнему продолжали сносить своих раненых на корабли. Но враг появился вовсе не оттуда, откуда его ожидал Вадим. Спинным мозгом он ощутил движение сзади. Он развернулся на пятках, как учили на занятиях рукопашного боя – быстро и не теряя равновесия. Викинг в короткой меховой накидке, в добротном шлеме, со щитом и мечом в руке остановился всего в двух метрах от Вадима. Юноша не стал дожидаться атаки и сам перешел в наступление. Он резко прыгнул вперед, на втором шаге изменил направление и оказался слева от викинга, со стороны его щита. Северянин сделал взмах и разрубил пустоту. Вадим ухватился свободной рукой за щит, с силой надавил, выкручивая руку противника, и, когда тот развернулся вполоборота, рубанул мечом сбоку по шее. Прикрывавший затылок викинга толстый кожаный подшлемник несколько смягчил удар, но клинок все же достал до плоти. Боец что-то прорычал и постарался оттолкнуть соперника щитом, одновременно занося свой меч для удара. Но Вадим был уже сзади. Он обхватил левой рукой викинга за шею и всем своим весом увлек на себя, заваливая его назад. Несмотря на ранение в шею, северянин продолжил сопротивление, однако это длилось не более двух секунд. Вадим, не прекращая заваливать его на себя, рубанул противника по ногам и сразу же почувствовал, что тот начал падать. Юноша ослабил хватку, убрал руку, перепачканную в крови врага, и отступил на шаг. Его сердце было абсолютно спокойно, а рука тверда – он добил своего поединщика хлестким ударом в ключицу.

И тут его заметил лучник, стоящий на борту драккара. Он резко вскинул лук и выстрелил почти не целясь. Стрела больно ударила в левое плечо. Вадим дернулся, но устоял. Он сразу же заметил стрелявшего, но вряд ли ему дали бы добежать до драккара и прикончить обидчика – приди ему эта мысль в голову и он не сделал бы этого шага. Вадим не видел никого вокруг, только того, кто, стоя на борту корабля, уже вытаскивал вторую стрелу. На краю дороги лежало тело убитого новгородца с торчащей в груди сулицей. Вадим в два прыжка оказался рядом, вырвал копье из тела.

Лучник спустил тетиву в тот самый миг, когда Вадим замахнулся для броска. Стрела и сулица разминулись в полете, уносясь каждая к своей цели. Брошенное Вадимом копье пролетело рекордное количество метров и, вонзившись в тело викинга, отбросило его на дно драккара.

Боли от второй стрелы, впившейся в его плоть, Вадим не ощутил. Он просто как будто налетел на невидимую стену, которая не давала ступить и шагу. Он силился идти, но не мог. Опустив голову, он увидел торчащую из груди стрелу. Она вошла неглубоко, и все же...

Вадим медленно, почти картинно, завалился на бок и, скатившись в придорожную канаву, затих. Мир вновь потух в его глазах – «Черт побери, как же все просто!» – это была его последняя мысль, после чего наступила умиротворяющая тишина...

* * *

Сознание вернулось к нему не сразу. Он открыл глаза и прислушался, по дороге кто-то ходил, кого-то звал. Говорили и ругались по-славянски, видимо искали живых. Умирать в придорожной канаве определенно не хотелось, и вчерашний ролевик, собрав оставшиеся силы, как можно громче позвал:

– Палей!

С третьего раза его слышали. В канаву спустились два бородача.

– Ты глянь-ка, Валуй, – сказал один из них, – ентот живой!

Тот, которого называли Валуем, приблизился, недоверчиво оглядел Вадима.

– Две стрелы, – хмыкнул Валуй, – надо же...

Он присел рядом.

– Живой, што ли? – спросил бородач, явно не веря своим глазам.

– Угу, – нашел в себе силы ответить Вадим.

Валуй осторожно дотронулся до торчащей из груди раненого стрелы. Вадим сжал зубы, прикусив язык, но не проронил ни звука.

– Совсем не глубоко, – прокомментировал первый из воинов, – уткнулась во что-то, погляди, Валуй.

Новгородец, одной рукой придерживая стрелу, второй отогнул рубаху на Вадиме.

– И прям уткнулась...

Валуй уперся в грудь раненому, и резко выдернул стрелу – на месте раны проступило темное пятно, но крови было совсем не много.

– Что там, Валуй? – в нетерпении спросил воин.

– Эва! – ответил бородач, отогнув рубаху Вадима еще больше и извлекая пробитый нагрудный крест.

– Положь, – прохрипел Вадим.

– Чудной у тебя оберег, но живот³³ тебе спас – не сомневайся!

– Положь, – повторил Вадим, – отцовый оберег.

Оба новгородца переглянулись и закивали головами, – мол, понятно, раз отцовый, то что надо оберег, мол, всем оберегам оберег!

Валуй спрятал обратно под рубаху продырявленный серебряный крестик, и воины, больше не задавая лишних вопросов, осторожно подняли Вадима на руки. Его перенесли через дорогу и уложили на траву.

– Лежи покуда, – сказал один из спасителей, и они ушли.

Вадим думал о Сигурде – жив или нет? Он осмотрел свое раненое плечо – стрела, пробив мясо и кость, прошла навывлет. Наконечник торчал с обратной стороны, а оперенье обломилось, оставив небольшой осколок древка. Рядом с ним на травку стали сносить и укладывать других раненых. Он вглядывался в одежду принесенных, но Сигурда не было. Вадим посмотрел на реку. Уткнувшись в противоположный берег, догорала одна из ладей викингов. «Другие, вероятно, ушли», – подумал Вадим. Через реку, на плотках к их берегу спешили новгородцы. На переднем плоту он заметил князя с десятком его личных телохранителей. Боривой был мрачен, судя по всему, нападение застало его врасплох – потери оказались велики. Вступив на берег, князь стал обходить поле брани.

Подошедший Палей заслониł обзор.

– Жив? – спросил он.

– Вроде да, – ответил Вадим.

Десятник осмотрел плечо.

– Жить будешь, ерунда, шас достанем.

Он подозревал кого-то из воев. Подошедшим оказался один из тех бородачей, что достал Вадима из канавы.

– Держи его! – приказал Палей, а сам стал прилаживаться к стреле. Он ножом, аккуратно надрезал древко около наконечника и обломил его. Затем резко дернул оставшееся древко из руки вверх – пошла кровь.

– Валуй, перевяжи его, – попросил десятник бородача. – А ты, паря, молодец, двоих свалил – я видел, уж расскажу про тебя ипату – отметит, он дюже воецов³⁴ любит!

«Двоих?! – мелькнуло в голове. – Ну да, двоих! А тех троих он и не видел».

Вадим ухмыльнулся про себя, но он еще и сам до конца не верил в свое воинское везение, или, быть может, это счастье в первом же бою завалить пятерых?!

– Палей, – позвал Вадим, – варяга моего не видал?

Десятник, собиравшийся было уйти, обернулся и отрезал:

³³ Жизнь.

³⁴ Боевых.

– Нет!

Валуй намазал рану какой-то вонючей мазью и стал перевязывать плечо.

– Много наших-то полегло? – спросил Вадим.

– Да почитай все, кто был на этом берегу, – ответил бородач, – вершники дали плеча,³⁵ а мы с Палеем в лес отошли.

– И что же было дальше?

– Они за нами в лес не пошли, вершники опамятавали³⁶ и пытались вдарить еще раз, но не вышло...

Валуй затянул узел так крепко, что Вадим сжал зубы.

– А потом рог протрубил и они стали к ладьям отходить, – не обращая внимания на гримасы раненого продолжал бородач, – по дороге почти всех своих собрали – и айда по реке вниз.

– Так и ушли? – не поверил Вадим, скосив взгляд в сторону противоположного берега, где догорал один из драккаров.

– Не-е-е, – протянул Валуй, – наши подпалили одну ладью, и всех, кто там был, перебили. Готово! – закончив перевязку, он осмотрел нос Вадима.

– Ничего, щас поправлю, – сказал бородач.

Вадим не успел вскрикнуть от боли, но слезы сами брызнули из глаз, когда бородач, двумя руками устроил скосившийся нос раненого на место.

– Ну вот, теперь хорошо, скоро заживет, – невозмутимо изрек Валуй.

Он отошел и стал осматривать другого раненого, что лежал рядом с Вадимом и ругался – у парня была сломана правая рука и почти срезано ухо, которое кровоточило и свисало на щеку.

– Знатно повоевали, – вздохнул Вадим, гадая, куда же мог подеваться Андрей.

* * *

Лагерь устроили за поворотом дороги, в пятистах метрах от переправы, на небольшой поляне. Новгородцы поставили шалаши из жердей и веток, которые напоминали Вадиму невысокие индейские вигвамы. В шалашах разместили раненых, их набралось десятка три. Остальные воины устроились прямо у костров – варили кашу. Валуй оказался хорошо сведущ в лечении – плечо ролевика почти не болело. Поздно, когда лагерь уже засыпал, Валуй принес раненым каши и воды. Обождая, пока те, кто мог, поели, принялся менять повязки.

– А куда нас теперь, Валуй? – спросил Вадим.

– Дык завтра придут телеги от чудинов, заберут вас.

– В Каргийоки?

– А куда еще, туда и повезут. Князь уже распорядился, – ответил бородач, – ну, почивайте покуда.

Валуй ушел. Вадим остался лежать в шалаше еще с двумя ранеными новгородцами, с молодым и старым – он так их для себя определил. Старый почти сразу же уснул, а молодой ворочался и охал – у него была повреждена нога, и он никак не мог устроить ее поудобнее. Вадиму не спалось, и он выполз наружу под звездное небо. Невдалеке догорал костер. Взошла полная луна, осветив лагерь. Ему подумалось об убитом Сигурде. «Мы прожили всего двое суток в прошлом, и один из нас уже убит, а я едва уцелел! – размышлял Вадим, глядя на ворочавшихся у костра воинов. – Вот интересно, а долго ли протянем мы с Павлом?» Верить в смерть товарища не хотелось. Еще вчера они были вместе, ели, пили,

³⁵ Конники убежали.

³⁶ Спихватились.

разговаривали, немного ссорились, и вот теперь его нет. Чертовски хотелось курить, и в голове отчего-то закрутилась песня Высоцкого:

– Друг, оставь покурить! – а в ответ – тишина:
Он вчера не вернулся из боя...

Потом мысли съехали в сторону, и Вадим вспомнил глаза убитых им викингов. Он где-то слышал раньше, что нельзя смотреть в глаза – потом всю жизнь будут преследовать лица убитых и мучить кошмары. Он прислонился к жерди, что служила каркасом шалашу, и сам не заметил, как уснул. Но зато он тут же увидел сон, в котором реконструкторы на фестивале бились стенка на стенку, ломая друг другу шлемы, пальцы, шеи. Вадим хотел крикнуть им: «Зачем?» Но не смог, его словно кто-то держал за горло...

«Кровавые мальчики» ему так и не приснились.

* * *

На следующий день он проснулся поздно – его никто не тревожил, не будил. Протерев глаза и оглядевшись, Вадим понял, что в шалаше только он и старый. Он выполз наружу, встал, размялся. Вправленный бородачом-Валуем нос, не болел. Рядом сидел молодой. Лагерь был почти пуст – остались только раненые и еще два десятка конников у дороги, казалось, они кого-то ждут.

– А где все? – спросил Вадим парня с раненой ногой.

– Ушли; еще на заре, – ответил тот, повернув голову.

Из-за соседнего шалаша вышел Валуи, неся два котелка, наполненных водой.

– А вот и наша мамка пришла, молочка принесла, – обрадованно пошутил парень.

Из соседних шалашей раздался сдержанный смех. Валуи поставил котелки рядом с Вадимом, подошел к молодому бойцу и вкатил ему увесистую оплеуху.

– Мамка, поди, такого олуха давно уже ждать перестала!

Смех раздался громче.

– На кой он ей, такой квёлый?! – услышал Вадим из соседнего шалаша.

– Идите, хлебайте, соколики! – громко скомандовал Валуи.

Раненые, кто мог ходить, вылезли из шалашей и потянулись к котелкам с водой.

– А тебя поутру сам князь спрашивал, – тихо произнес бородач, – приходил с ипатом. Но я им доложил, что ты спишь.

– Больше ничего не сказали? – поинтересовался Вадим.

– Ну-у, – протянул Валуи, – спросили про твою рану, но я их успокоил, сказал, что все у тебя хорошо. До свадьбы заживет.

– Спасибо, – поблагодарил Вадим.

– Щас подводы придут и поедом.

– И ты?

– И я. Князь наказал при вас оставаться, – он обвел рукой раненых, – приглядывать.

Как и обещал Валуи, вскоре пришли подводы в сопровождении трех десятков вооруженных вепсов. Встретив их, новгородские конники ускакали по дороге догонять ушедшую дружину.

Погрузились не все – нескольких умерших ночью раненых пришлось закопать тут же на поляне, в том числе и старого, с которым ночевал Вадим. Мысль о том, что он всю ночь провел с мертвяком, Вадим отогнал за ненужностью. Один день, один бой, зеленые мухи в лужицах крови, сердце сжалось, но лишь на миг. Внутри что-то затвердело, или это такая адаптация к истории?

Тронулись. Подъезжая к реке, Вадим оглядывался по сторонам, не лежит ли где Сигурд. Может, забыли, не нашли? Но нет. Все трупы были еще вчера собраны и приданы земле. Заметив, что он крутит головой, бородач указал в сторону леса.

– Вон там всех и схоронили.

Посмотрев в указанном направлении, Вадим заметил свежий холмик и водруженный по центру камень – братскую могилу. Вадиму захотелось перекреститься, но он сдержался – еще не поймут, или поймут, но так, как у язычников принято – потом не объяснишь. «Упокой, Господи, душу раба твоего Андрея, – едва шевеля губами, пробормотал Вадим и тяжело вздохнул. – Поиграли, мать ети, в реконструкцию!»

Обоз с ранеными переправился на плотках и вышел на лесную дорогу. Однако Вадим помнил, что им удалось не так далеко уйти от Каргийоки. По дороге юного бойца одолевали странные философские мысли, что за ним раньше наблюдалось не часто. Думалось об Андрее, о его гибели, о жизни, смерти и почему-то о листве, которая нашептывала что-то у дороги под легкими дуновениями ветерка. Вспомнились слышанные некогда, наверное, еще в институте стихи:

Умрет листва, умрут цветы,
И одинокий лист увидит голые просторы.
И будет радостно – всем нам!
Ему, тебе и мне...
Вот только мысли о судьбе,
Все точно так же, как и прежде,
О жизни, смерти, о листве...

Вот бы еще знать к чему бы все это...

* * *

Через три часа или что-то около того их уже встречали в Каргийоки. Вадим увидел Конди и одетого в историческое платье Павла, а также заметил, что другу весьма шел этот вепсский наряд. Паша тоже заметил друга и кинулся к нему.

– Сильно задело? – с тревогой спросил он, указывая на перевязанные плечо и руку.

– Не очень.

– А что с носом?

– Сломали немного, но тут есть один бородатый лекарь – вмиг вставил на место, – попытавшись улыбнуться, ответил Вадим.

– Будешь жить у меня, – решил Павел.

Вадима поселили в большом доме, который он про себя назвал «главным» в поселении вепсов, собственно, так же его называл и Павел. В этом доме жил Конди – глава рода вместе с семьей, членом которой накануне стал Павел. Он рассказал другу о том, что вчера ночью Конди на общем собрании рода назвал его сыном.

Вадиму отвели просторную комнату с удобной кроватью, там не было ничего лишнего – стол, две скамейки и два небольших оконца, затянутых бычьим пузырем, сквозь который едва проходил дневной свет. После дороги его тут же перевязали, намазав раненую руку душистой травяной мазью, и заставили выпить какую-то горькую настойку. После этой процедуры Павел повел Вадима в большой зал, туда, где недавно они впервые встретились с Боровоем. За столом, уже поджидая их, сидел Конди. Из кулинарных изысков Вадиму пришлось по вкусу «калитки» с начинкой из ячменной каши. Конди показал им, как следует правильно заворачивать в них куски вареного мяса – оказалось на удивление вкусно. Медовуху Вадим пробовал и раньше – постоянно варили на фестивалях и играх, – но такую, как подали тут, он раньше никогда не пил. Душистая, слегка терпкая медовуха бодрила, почти не пьяня. Только после того, как раненый гость насытился, Конди позволил себе задать несколько вопросов. Вадим осушил сладкий напиток до последней капли и начал свой рассказ. Про их короткий поход, про переправу, про нападение викингов и про то, как погиб

Сигурд. Павел, услышав о смерти реконструктора, наотрез отказался верить в такой факт и только после того, как Вадим сказал, что лично видел убитого Андрея, загрустил и притих. Вепс, облокотившись спиной на высокую спинку стула, впал в задумчивость. Друзья прекрасно понимали, о чем задумался глава рода – викинги могли явиться и сюда, в Каргийоки. В любой момент можно было ожидать нападения, вот-вот, со дня на день.

– Будем созывать соседей, – решительно, по-словенски произнес Конди, – и готовиться к обороне, надеюсь, у нас есть в запасе еще несколько дней.

Он встал и подошел к Вадиму.

– Хорошо бы тебе успеть подлечиться, – сказал вепс, положив руку на его плечо.

Глава рода попрощался с друзьями и вышел.

Павел проводил друга в его комнату, где кто-то уже заботливо зажег жировой светильник, пожелал спокойной ночи и вышел. Вадим лежал на постели с открытыми глазами – ему не спалось. Светильник тихонько потрескивал, становилось душно. Как назло заныло раненое плечо.

– Видно, дождь будет, – вслух произнес Вадим.

За окнами, где-то далеко, гроыхнуло. Ему показалось, что это с ним когда-то уже было, когда-то давно, в другой жизни. С усиливающимся чувством дежавю он уснул.

* * *

Три дня за Вадимом ухаживали две пожилые женщины, ухаживали, как за лучшим другом сына главы рода. Его хорошо кормили, часто меняли повязки и постоянно смазывали нос, плечо и руку разными составами. Часто заходили Валуй и Павел проверить, как идет выздоровление, но долго не засиживались. Вадим знал, что в Каргийоки идут активные приготовления для отражения возможного нападения викингов. Однако, иногда выходя во двор, чтобы размяться, Вадим не наблюдал особой суеты. Лишь изредка по улицам поселения проходили вепсские воины, переносящие куда-то охапками копья и стрелы.

Плечо и нос на удивление быстро заживали. Вонючая мазь вепсов делала свое дело не хуже антибиотиков. К вечеру третьего дня Вадим даже попробовал поднять меч, для раненого левого плеча меч оказался еще тяжеловат.

Наутро четвертого дня Вадим еще не успел позавтракать, как за ним пришел Павел и повел в большой дом к Конди. Глава рода встретил их на своем месте, удобно расположившись на стуле с высокой резной спинкой. Взгляд его был тяжелым и озабоченным. Увидев вошедших, он предложил им сесть и тут же начал:

– Ночью прибыл гонец от Боривоя, – сказал он по-словенски, чтобы Вадим понял, – князь назначил тебя десятником. Ты теперь распоряжаешься всеми оставшимися новгородцами.

– Это честь для меня, – ответил Вадим.

Павел внимательно прислушивался, но понимал не все.

– Наша родня отказались прислать нам своих воинов, – продолжил Конди, – они опасаются прихода северян, хотя их весь³⁷ находится далеко от озера. Так что нам придется управляться самим.

– А у тебя есть какие-то сведения о варягах? – спросил Вадим.

– Нет, – ответил Конди, – но я чувствую, они скоро придут. – Коди говорит, что они придут через три дня.

– Коди?

– Коди – это местная шаманка, – ответил Павел, – вредная старушенция, меня водили к ней перед обрядом.

– Ага, понятно, – сказал Вадим, – и что ты хочешь от меня?

³⁷ Весь – небольшое поселение.

Вепс, склонившись, облокотился на стол и заговорщицки произнес:

– Коди говорит, что ты поможешь нам!

– Чем? – не поверил Вадим. – Даже если меня сделали десятником, то все словенские воины ранены и не встанут в строй так скоро. Чем же я могу помочь, кроме своего меча?

Конди встал.

– Пойдем со мной!

Они вышли на улицу. Перед домом, выстроившись в два ряда, стояли новгородцы без доспехов, но при оружии. Вадим заметил бородача Валуя, стоявшего крайним справа.

– Вот! – торжественно произнес Конди. – Двадцать воев уже совсем здоровы и могут держать оружие.

Павел склонился и прошептал другу на ухо:

– Это старуха Коди постаралась.

– Твои вои готовы к сече, – констатировал вепс, – им уже сказали, что ты их десятник.

– Интересно, чем это вы их напоили? – спросил новый десятник.

– Тем же, что и тебя, – сдержанно улыбнувшись, ответил глава рода.

Вадим вспомнил, как вчера пробовал меч в левой руке и она еще болела. Сейчас, он невольно ощущал раненое плечо – неприятных ощущений не было. Вытащил из ножен меч и переложил его в левую руку – порядок, тяжести в плечо не почувствовал. Вадим попробовал взмахнуть мечом – нормально. Сделал выпад – хорошо.

– М-да, дела, – протянул он, пряча меч в ножны.

– Вот и хвала богам, – сказал вепс.

– А хворые еще остались? – спросил Вадим.

– Пятеро, – ответил Конди, – с ними труднее.

Вадим еще раз оглядел новгородцев. Они стояли бодрые, картинно втянув животы и выпятив грудь, – орлы! Воины с интересом и уважением разглядывали своего нового начальника.

– Валуи! – позвал он.

Бородач подошел.

– Слушайте все! – громко обратился Вадим к воинам. – Первый ряд – это мой личный десяток, второй ряд, – он указал на Валуя, – вот ваш десятник. Общее руководство всеми оставляю за собой. Все! Разойдись!

– Ну ты КОМАНДИР! – улыбаясь, похвалил его Павел.

– Да, это получше будет, чем руководить историческим клубом, – тоже улыбаясь, ответил новоиспеченный десятник.

Новгородцы не спешили расходиться и о чем-то заговорили.

– Валуи! – позвал Вадим, входя во вкус должности. – Нечего им тут торчать, давай по казармам, – и, спохватившись, добавил: – По избам!

Втроем они вернулись в большой дом. Уселись по своим местам. Первым заговорил Конди:

– Я приказал кузнецам делать сулицы и стрелы, много стрел.

– А сколько у тебя воев? – напрямик спросил Вадим.

– Мой род самый большой в округе, – похвалился вепс, – можем выставить дюжину десятков.

– И моих соколов еще два десятка, итого почти полторы сотни воинов, – подсчитал Вадим, – очень неплохо.

– Я отозвал всех охотников с лесных стоянок, вернул всех бортников и рыбаков, – добавил Конди.

– Хорошо, надо бы еще у сгоревшей деревни дозор поставить, – предложил Вадим, – ведь там самое удобное место для высадки?

– Там, – подтвердил Конди.

– А по реке им не пройти, – вставил Павел, – я проверял. Там, где она впадает в озеро, пороги каменистые и мелко – драккары не пройдут.

– А высадиться могут?

– Кругом болото! Топкий берег.

– Коди хотела, чтобы ты вечером зашел к ней, – попросил вепс, – не отказывай.

– Хорошо, – согласился Вадим, – если надо.

– Паша проводит тебя.

Друзья вышли, оставив Конди в комнате.

– Есть хочешь? – спросил Павел.

– Да уж пора бы.

– Пойдем, что ли, к моей невесте, – с грустью в голосе предложил Павел, – подкрепимся.

– К кому? К невесте? – не поверил Вадим.

– Да, к невесте, к Улле, – огрызнулся Паша.

– Это та, мать «пойки»?!

– Угу. Конди же назвал меня сыном, и теперь, видите ли, я должен жениться на Улле, такие у них тут законы, – с грустью в голосе ответил Павел.

Они шли по улочке, и встречные вепсы приветствовали сына главы рода кивком головы.

– Да, дружище, быстро тебя захомутали, – посочувствовал Вадим другу.

Павел обреченно выдохнул:

– Вот чту я скажу Насте, когда мы вернемся? Что меня силой склоняли к сожителству с вепкой?!

– Ну ты хватил, дружище! Твоя Настя теперь за сотни лет от тебя, – произнес Вадим, пытаясь поддержать друга, – да и не узнает она никогда.

Слово «никогда» получилось у него как-то особенно горько, и Паша тяжело вздохнул.

– Свадьба-то когда? – спросил друг.

– Конди сказал, как пройдет траур и потише в округе станет, так сразу и...

– Значит, когда отобьемся от викингосов, – подвел итог Вадим.

Павел еще раз вздохнул.

– Вот и пришли, – сказал он, когда они поравнялись с домом, крыша которого была покрыта камышом, в отличие от других изб, крытых соломой.

Они вошли в дом. Улла встретила их в серой некрашеной рубахе без вышивки и в темном платке. Поверх длинной рубахи была надета серая понева с темно-синей каймой. Она низко поклонилась.

– Видишь, какая тебе уважуха, дружище, – заметил Вадим, – цени!

Стол был уже накрыт, словно она ждала их. «Пойка» спал в подвешенной к потолку люльке. Вадим заметил, что Улла смотрит на Павла как-то иначе, по-особенному – печально-нежно, а жених наоборот прятал глаза, не смея взглянуть на невесту.

– Ты чего глаза-то отводишь, – тихо спросил Вадим, когда они, сев за стол, принялись за вареную курицу с ячменной кашей.

– Да не хочу я жениться, – так же тихо ответил жених. – Я это... Настю люблю... Зачем мне это все...

Улла поставила на стол две кружки и крынку – разлила по кружкам напиток и села напротив гостей, сложа руки на коленях.

– Так ты же хотел жениться? – ехидно спросил Вадим, пробуя напиток. – Ух ты, пиво!

– Кончай подкалывать, – обиделся Павел и продолжил упорствовать, – я хотел на Насте жениться. – И тоже отпил пива. – А пиво здесь, и правда, хорошее, я его еще после обряда оценил.

Во время еды Вадим украдкой посмотрел на Уллу. Она была печально-красива. Белолицая, чистая, с прозрачно-голубыми глазами. Она тихо сидела – ждала, когда мужчины насытятся. «Да, – подумал Вадим, – ничего, может, Пашке и повезло, будет в тепле, в уюте, и главное – всегда сыт».

Тем временем жених опустошил свою миску и кружку и уже потянулся к крынке с

пивом за добавкой.

– Спасибо, хозяйка. – Вадим, отложив ложку, встал из-за стола.

Улла поднялась следом.

– Что, уже? – спросил друг.

– Пойдем, нам пора. Еще раз спасибо, – Вадим слегка поклонился, благодаря за угощение.

– Пюудан, – ответила вепка, тоже слегка склонив голову.

– Ну, пора так пора, – жених нехотя поднялся, схватил крынку и быстро сделал большой глоток.

– Пошли-ка давай! – поторопил его друг.

– Улла, спасибо, – сказал Павел, поставив сосуд на стол, – киитос.

Он последовал примеру Вадима и поклонился. Улла ответила ему более глубоким поклоном. Друзья вышли.

– Эх, покурить бы, – мечтательно произнес Вадим, – ладно, – он махнул рукой, – я вот что тебе хотел еще сказать...

– Что?

– Если тебе в принципе интересно, в каком времени мы очутились, то теперь могу практически точно пояснить.

– Ну и в каком мы времени? – больше для порядка, чем из искреннего интереса спросил Павел.

– Мы тут с Андреем, – Вадим на секунду осекся, – царствие ему небесное, прикидывали. Во-первых, наиглавнейшего в отечественной истории династического основателя князя Рюрика еще нет, а во-вторых, гумилевский пассионарный толчок в самом разгаре и...

– Вадя, а можно без этих твоих наукоемких оборотов? Скажи просто на языке родных осин.

– Мы в первой половине девятого века.

– Хорошо.

Вадим, окончательно разглядев в глазах друга полное безразличие к временным рамкам, предложил:

– Ладно, пойдем, что ли, оглядим ваши владения.

– Пойдем, покажу, – согласился Павел, – а то мне тебя потом еще к Коди вести.

Поселение оказалось довольно большим, дворов сорок, а то и больше. Вадим шагами измерил периметр частокола – получилось около ста пятидесяти на триста метров. Ворота были одни и выводили на реку, ни калиток, ни тайных ходов обнаружить не удалось. Смущало Вадима только одно – высота частокола не более двух метров, а местами чуть меньше. Ров, понятное дело, отсутствовал, равно как и вал. «Да, невелика крепостишка», – подумал Вадим и стал тут же лихорадочно вспоминать все исторические осады, которые в этом мире еще не наступили, но в их с Пашей двадцать первом веке уже были описаны в учебниках.

Глава шестая

Тайны старой Коди

Имеющий уши, да услышит.

Матф., гл. 11, ст. 15; гл. 25, ст. 30

Друзья прогуляли до темноты. Паша, в раздумьях о своей предстоящей свадьбе, уже и забыл про то, что должен отвести друга к шаманке. Вспомнил об этом сам Вадим, который, честно признаться, был заинтригован ее словами – что именно он должен помочь вепсам в обороне Каргийоки. «Что я маршал Жуков, что ли?» – недоумевал Вадим, но сходить к шаманке все же решил твердо.

Старуха, по словам Павла, была очень странная, постоянно лепетала что-то о духах, богах, била в бубен, то успокаиваясь, то пускаясь в пляс. Вадиму вспомнилась сцена из фильма «И на камнях растут деревья», там тоже была какая-то старуха-колдунья.

– И знаешь, – заговорщицки изрек Павел, – в прошлый раз она на меня так пристально смотрела, что я думал, она на мне дырку прожжет... или две дырки.

– Ладно, не страшай, – мирно произнес Вадим, – пойдем, посмотрим на вашу шаманку.

Вепсская шаманка жила в лесу, в стороне от поселка. Выходя за ворота, они взяли по факелу и обещали воротным охранникам, что скоро вернуться. Те молча кивнули: мол, ладно, предупредили.

Идти по темнеющему лесу пришлось не меньше получаса. Чаща становилась все мрачнее, света факелов хватало лишь на то, чтобы светить под ноги. Зажужжали какие-то ночные сверчки, и где-то совсем рядом негромко ухнула сова. Паша вздрогнул и, чертыхаясь, перелез через поваленное дерево.

– Мы, часом, не заблудись? – спросил Вадим.

– Да нет, – ответил Павел, – мы же типа по тропе идем, где-то здесь ее шалаш.

Тут они заметили мелькнувшую в отблеске факела тень и сразу услышали скрипучий старческий голос.

– Идите сюда, я вас давно уже жду, – сказал голос «по-москальски», то есть на чистейшем русском языке.

Друзья остановились, переглянулись.

– Что за шутки? – шепотом спросил Павел у друга.

– Не знаю, – пожав плечами, ответил Вадим.

Они подняли факелы выше, пытаясь осветить пространство и увидеть, кто говорит. Справа в кустах кто-то зашевелился, опять метнулась тень, и друзья услышали хруст веток под ногами.

– Идите сюда, – повторил голос все так же по-русски, – и не надо пугать моих посетителей.

Друзья двинулись вперед, на голос, продолжая высоко держать факелы. Пройдя немного вперед, в ночном мраке леса они разглядели старуху и ее шалаш, сложенный из жердей и елового лапника. Запахло сушеными травами, в особенности мятой.

– Ну, здравствуйте, соколики, – приветствовала их шаманка, – как давно у меня не было столь долгожданных гостей.

Вадим и Павел подошли ближе. Свет факелов осветил старуху, которая стояла, опираясь о резную клюку. Она была седа, как лунь, годы согнули ее спину. Вадим посмотрел ей в лицо: все говорило о преклонном возрасте – глубокие морщины, складки, вот только глаза... зеленые, с молодым блеском... Они на мгновение вспыхнули озорным огоньком в отблеске факелов – и тут же погасли.

– Здравствуйте, – первым поздоровался Вадим.

Павел не смог ничего сказать, он только слегка наклонил голову.

– Пойдемте-ка вовнутрь, – жестом пригласила шаманка и первой скрылась в шалаше, отодвинув полог из тяжелой медвежьей шкуры.

Друзья переглянулись.

– А ты говорил, что она ненормальная, – тихо произнес Вадим, – вроде тихая старушка, да еще по-русски знает.

– Да, уж, – протянул Павел, – чудны твои дела, Господи.

Но делать нечего. Пригласили – надо входить.

– Факелы потушите, – услышали они изнутри, – у меня тут светло.

Они покрутились, подыскивая, обо что притушить огонь, но тут заметили ведро с мутной жидкостью и, не раздумывая, сунули туда факелы.

В жилище шаманки действительно было достаточно светло. По центру, ярко и бездымно горел очаг, в дальних углах, тихонько потрескивая, горели светильники. Шаманка сидела на невысоком табурете возле очага. Она предложила гостям сесть, указав на низкую

скамью напротив очага, а сама сложила руки на клюке и положила на них подбородок.

– Ну-у, рассказывайте, соколики, – попросила она, когда гости уселись.

– А может, сначала вы расскажете, откуда знаете наш язык? – спросил Вадим.

– Да, откуда? – поддержал его Павел.

Они не рассчитывали, что ведьма согласится так быстро.

– Оттуда же, откуда и вы... из школы, – ответила шаманка.

– Так вы тоже попали сюда из двадцать первого века? – спросил Вадим.

– А что уже и двадцать первый наступил?

– Да! И давно, восемь лет как уже!

– А вы знаете... знаете, как вернуться? – с огромной надеждой в голосе спросил Павел.

– Эх, соколики, – вздохнула шаманка, – если бы знала, если бы...

Она прикрыла глаза и задумалась:

– Так какой нынче там год?

– Две тысячи восьмой, – ответил Вадим.

– Долго... очень долго, – протянула старуха и, прочитав в глазах гостей новые вопросы, продолжила: – Я ждала вас... ну не конкретно вас, а кого-то из того времени. Раз я смогла попасть сюда, значит, смог бы и еще кто-то...

– Но мы не хотели, – возразил Паша.

– И я не хотела, – улыбнулась шаманка.

– А Коди, это же ваше не настоящее имя? – спросил Вадим.

– Конечно, нет! Коди это всего лишь по-вепски – шалаш. Прозвище, или как говорят местные словене – порекло. А крестили меня Еленой.

– Простите, а как вас по отчеству? – не удержался Павел.

– Константиновна, – ответила шаманка. – Елена Константиновна...

Она умолкла, прикрыла глаза, казалось, она что-то мучительно вспоминала. Друзья не торопили ее.

– Вижу, вам не терпится узнать историю моего чудесного появления в здешнем мире? – после паузы спросила она.

– Да уж... – протянул Павел.

– Действительно, сделайте милость, – поддержал друга Вадим, – а то мы не особо в курсе этих переплетений времен и народов.

– И не особо в восторге, – с грустью вставил Паша, вдруг вновь вспомнив о Насе, своей невесте, оставленной в двадцать первом веке.

– Ничего, – мягко ответила Елена Константиновна, открывая глаза, – привыкнете....

– Нет уж, спасибо, – огрызнулся Павел, ерзая на скамейке, – не надо нам такого счастья.

Глаза шаманки впились в Павла, он смутился и отвел взгляд. Она тихонько вздохнула и перевела взор на Вадима. Он выдержал пристальный взгляд ее зеленых глаз.

– Летом 1952 года, – наконец продолжила она, – я, в составе археологической экспедиции профессора Чистякова, отправилась на раскопки в район реки Сяси. Профессор давно заметил там несколько небольших курганов. Он говорил, что еще летом сорок первого хотел отправиться на раскопки, но война помешала ему. В этой экспедиции мы предполагали обнаружить на берегах Сяси древнее поселение вепсов...

Она вдруг прервала свой рассказ и неожиданно спросила:

– А Сталин уже умер?

– Умер, – утвердил Вадим, – зимой 1953 года.

Сказать больше он не решился, хотя его так и подмывало сообщить, что и Советского Союза больше нет. Однако в последний момент он не захотел травмировать старушку, она и так тут, наверное, натерпелась за пятьдесят шесть лет пребывания вне современной истории. Да она и не спрашивала.

Переварив скорбное известие о кончине великого вождя, шаманка продолжила:

– Мы раскопали один из небольших курганов и нашли женское захоронение, в котором лично я обнаружила странный амулет... в виде математического знака бесконечности.

– Такой же я видел у Конди, – вставил Павел.

– Да, да, – подтвердила Елена Константиновна, – а до этого амулет принадлежал его отцу Баару, а до него его деду Ёлле – это их родовая реликвия.

Она посмотрела на огонь в очаге.

– Подкинь-ка, Вадим, полешко, – попросила она.

Вадим, еще когда входил, заметил сбоку от очага несколько крупных поленьев. Он взял одно и сунул в огонь.

– Ночью разразилась страшная гроза, – продолжала шаманка, – поднялся такой ветер, что снесло несколько палаток. Молния сверкала так, что я боялась ослепнуть, а гром гремел с такой силой, что можно было оглохнуть.

На гостей внезапно нахлынули знакомые ощущения.

– Гроза... молния... гром... – медленно перечислял Вадим, – что-то похожее...

Свежее полено, до этого только тлевшее, вдруг ярко вспыхнуло и занялось огнем.

– Я вспомнил! – вдруг вскрикнул Павел и от возбуждения даже вскочил. – Молния и гром! Это и у нас было... там, на башне...

Вадим смотрел на друга, широко раскрыв глаза.

– Башня... хм... Точно! Тогда тоже была гроза, – вспомнил Вадим.

– Вы о чем это, соколики? – спросила Елена Константиновна.

– Перед тем как попасть сюда, – пылко ответил Павел, – тоже была гроза, гром и молнии.

– Вы помните, как попали сюда?

– Кажется, мы упали с Выборгской башни... – неуверенно произнес Вадим, припоминая. – Кажется... Да нет – чушь! Не может быть...

– Мы были на башне – это точно, – уверенно вставил Павел.

Все умолкли, на секунду в шалаше наступила тишина, нарушаемая только потрескиванием огня в очаге.

– В ту ночь, – продолжила шаманка, – мою палатку тоже снесло, я выскочила, успев схватить только найденный при раскопках золотой амулет. Я попыталась поймать палатку, – тут она ухмыльнулась, наверное, это воспоминание казалось ей забавным, – но оступилась и упала. Последнее, что я помню, это край речного обрыва... – Она сделала паузу. – Так я попала сюда.

Она вздохнула и умолкла, пристально глядя на гостей. А затем нащупала на шее кожаный шнурок и, потянув за него, извлекла из-под меховой жилетки золотой амулет – тонкий изящный круг, в котором был помещен знак бесконечности. Гости склонились, чтобы лучше его разглядеть. Отблески огня отразились на хорошо отполированной поверхности амулета. Павел даже прикрыл глаза, представив, как старческие сморщенные руки шаманки натирают до блеска золотую бесконечность в надежде на чудо. «Моя прелесть», – промелькнула в мозгу Павла крылатая фраза из знаменитого кинофильма. И на миг он увидел не лицо Елены Константиновны, а безобразную морду Горлума. Павел тряхнул головой, избавляясь от наваждения. «Моя... моя прелесть», – затихая вдали, тихо шептал чужой голос.

– Если я правильно все понял, – начал Вадим, – то в вашем случае причиной или проводником мог послужить именно амулет бесконечности.

Старуха покрутила амулет в руках, а затем спрятала изящную вещицу под меховую жилетку.

– Их два, – ответила она, – один у меня, второй у Конди. Если в моем перемещении действительно виноват амулет, то обратной дороги нет.

– Это точно? – нервно спросил Павел. – Вы уверены?

– Оба амулета тут, и чтобы вернуться, один из них должен быть там, – она махнула рукой, словно отгоняя назойливую муху, – в нашем времени.

– Пойдите! – возразил Вадим. – В нашем случае не было никакого амулета бесконечности.

– Да! Не было, – подхватил Паша, – и как же тогда, по-вашему, мы сюда залетели?

– Не знаю, – честно призналась шаманка, пожав плечами.

– Дело ясное, что дело темное, – сделал вывод Вадим.

Он хотел еще что-то добавить, но старуха перебила его:

– Вам надо было спросить у вашего третьего друга. Он больше вашего хотел попасть сюда.

– Так он же погиб, – робко сказал Паша, – разве нет, Вадя?

– Да, я видел его тело.

– И его закопали? – спросила шаманка.

Вадим провел рукой по щетинистой щеке.

– Сам я не видел, но всех убитых зарыли прямо на месте боя.

Елена Константиновна лукаво посмотрела на гостей:

– Иногда живые выглядят как мертвые, а мертвецы как живые...

– Не понял... – честно признался Павел.

– Нет, нет, – запротестовал Вадим, – это все бабушкины сказки, ой, извините, – он осекся.

– Ничего, – едва заметно махнула рукой женщина, – ничего.

– Я видел его лежащим... Жаль, конечно, но он не дышал, – продолжил Вадим, – он погиб, это точно.

Шаманка мягко улыбнулась им:

– Неисповедимы пути....

– Вы лучше скажите, – попросил Вадим после секундной паузы, – зачем вы нас позвали, разве только для того, чтобы посмотреть на нас и поболтать?

Лукавая улыбка не сходила с ее лица.

– И для этого тоже.

– А что насчет того, что мы якобы можем помочь вепсам в защите от викингов?

– Можете, – подтвердила Елена Константиновна.

Оперевшись на клюку, она встала, отошла в дальний угол, наклонилась и стала рыться в маленьком сундучке, стоявшем под светильником. Через минуту она вернулась на место, сжимая в руках какой-то пузырек.

– Скажи мне, Вадим, ты боишься крови? – спросила она, усаживаясь на табурет.

Вадим искренне удивился и вопросу и тону, каким он был задан.

– Ну не то чтобы боюсь, – не понимая, к чему клонит шаманка, ответил он, – просто, когда я вижу человеческую кровь, со мной что-то происходит...

– Что происходит? Можешь мне рассказать?

Вадим скривил губы, раздумывая и подбирая слова.

– Я толком и не знаю... Ну, дурею я, что ли, становлюсь агрессивным, одним словом.

– И как часто? – поинтересовалась шаманка.

– Бывало, но не часто... может, пару раз, в драке. Но я никого не убивал, если вы об этом.

– А здесь, в бою на переправе?

– Ну, вы хватили, Елена Константиновна, на переправе был настоящий бой, там выбирать не приходилось, и потом...

Она не дала ему закончить и вновь спросила:

– Значит, кровь тебя возбуждает только в бою?

– Не знаю, – пожал плечами Вадим, – может быть... что-то типа того.

– Хорошо.

– Что ж тут хорошего? Каждый раз, попадая в драку, я боялся, что у меня замкнет в голове.

– То, что плохо там, – она указала пальцем вверх, – хорошо здесь и имеет большое

значение.

И после короткой паузы констатировала:

– В тебе есть дух Мэнку, или, как говорят викинги, дух воина-берсеркера. Я вижу... я чувствую эту силу в тебе.

– Так берсеркеры мухоморы жрут, – вставил Павел, – это даже я знаю.

Она укоризненно посмотрела на Пашу.

– Дурманят себя только слабые. Берсеркера дурманит кровь, своя и чужая. Воин бросается на врагов в слепом бешенстве и убивает многих, не замечая собственных ран.

– Не-е-е, я так не могу, – ответил Вадим.

– Можешь, – твердо произнесла шаманка, – в твоем веке ты был скован и законами, и моралью – убивать нельзя! Здесь все по-другому. Милиция не защитит тебя. Только ты сам – и никто больше. Здесь убить врага – высшая благодетель, наилучшая награда храброму воину. Ты – заблудшая душа, попавшая через врата времени в свою стихию. Нужно только указать правильный путь твоей душе, помочь открыть дверь.

– Вы что же, думаете, что из меня можно сделать берсеркера? – горько улыбнувшись, спросил Вадим.

– Ничего из тебя делать не надо! – твердо ответила Елена Константиновна. – Мать-природа уже сделала все, что надо. Вон как от тебя наш лесовичок улепетывал, на всю округу шума было!

– Какой лесовичок?

– А кого ты увидел и напугал в лесу при первом своем появлении?

– А-а-а, – протянул Вадим, – дед-лесовичок.

– Именно. Он мне про тебя и рассказал.

– А что же во мне такого страшного?

– Об этом после, – спокойно изрекла женщина.

Она открыла пузырек и смочила большой палец правой руки.

– Что это? – спросил Вадим. – И зачем?

– Не бойся – подставь лоб! И никакой лемби³⁸ тебе будет не страшен, да и наши духи перестанут тебя чураться.

Вадим понял, что секрет зелья ему не откроют.

– Была ни была!

– Вот и хорошо, – Елена Константиновна приложила палец ко лбу Вадима и что-то тихо зашептала.

Когда она отняла палец, на лбу юноши четко отпечатался темно-красный след.

– О! Красный кружок, прямо как у индусов! – глянув на точку,отреагировал Павел.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросила шаманка у Вадима после короткой паузы.

– Да вроде нет... ничего особенного... Так, жжет немного...

– Это нормально, скоро пройдет, – с этими словами она наклонилась вперед и дунула на лицо юноши.

Легкий ветерок всколыхнул его волосы и мгновенно остудил лоб, а Павел, широко раскрыв глаза, следил, как темное пятнышко мгновенно исчезло с кожи друга.

– Ого, – восторженно произнес он, – прямо соловей-разбойник свистнул.

– Не жжет? – спросила Коди, спрятав опустевший пузырек.

– Нет, – ответил Вадим, – спасибо, так намного лучше.

* * *

– Простите, Елена Константиновна, но вы обещали рассказать об этом дед-лесовичке, – напомнил Вадим.

³⁸ Лемби – черт, здесь – враг.

– Ах, это, – отмахнулась шаманка, – тут все просто. Это был лесной сторож...

– Леший, что ли? – вставил свою догадку Павел.

– Ну, можно и так сказать... Леший или лешак, именно под этими именами он и вошел в русские сказки.

– Вот-вот, сказки все это! – не поверил Павел. – Что мы, дети, чтобы нас сказками пугать?!

– А твоя русалка тоже сказка? – вопросом на вопрос ответила Коди.

– С чего вы взяли, что это русалка? – обиженно заметил Павел. – Вот и эти мне тоже все твердили про русалку, – он кивнул в сторону друга, – только я не верю! Девушка это была, обычная девушка. Что, по-вашему, девушка не могла в озере купаться?

– Вижу, понравилась тебе русалка, – остановила его тираду шаманка, – ох понравилась.

– Понравилась. Только это не русалка!

– А откуда вам, собственно говоря, известно про наши, так сказать, сказочные встречи? – спросил Вадим.

– Ну, соколки мои, это совсем не сложно. Я долго живу в этих краях, или, если хотите, в этом времени и кое-чему научилась, да и со многими обитателями леса я дружу, – загадочно улыбнулась Елена Константиновна.

– Поня-я-ятно, – протянул Вадим, – понятно, что мифы оживают.

– Они не оживают, они живы, только видят их не все. А если бы их никто и никогда не видел, то откуда бы взялись эти мифы?

– Из больного воображения, – пробурчал Павел.

– Совершенно напрасно, юноша, вы не верите или не хотите верить в очевидные факты.

– Ага, очевидное и невероятное, так, что ли, по-вашему?

– Паша, уймись, – одернул Вадим друга.

– Молчу-молчу...

– И все же, Елена Константиновна, что все это значит? Ну, эти наши встречи? – повторил свой первоначальный вопрос Вадим.

Коди отложила клюку, о которую опиралась, сложила ладони лодочкой, а затем поднесла руки к лицу и быстро провела ладонями сверху вниз.

– У каждого из вас свой путь, – на выдохе произнесла она. – Этот, с позволения сказать, исторический мир встретил вас пророчеством. Ты, Вадим, – она посмотрела ему прямо в глаза, – испугал лесного сторожа призраком убитых тобою врагов. Лесовик увидел кровь, много крови, а наши лесные духи очень боятся крови. Я еще не до конца могу все объяснить тебе. Но думаю, пройдет время, и ты сам все поймешь.

– М-да, – задумчиво изрек Вадим, – пророчество, значит...

– Да, – кивнула шаманка, – и еще. Ты способен не только измениться сам, но и что-то изменить вокруг себя.

– Может, и вещие сны мне сниться станут?

– Может, и станут, Вадим. Может, и станут...

– Хорошо-хорошо, – вдруг примирительно вмешался Павел, – допустим, я поверю в эти сказки, тогда что с моей... как ее – русалкой?

– А с тобой, Фома неверующий, совсем все просто, – улыбнулась Елена Константиновна, – тебя оторвали от любви, но к любви лежит твоя дорога.

– Вот те раз, – эмоционально отреагировал Павел, – какая же любовь, коли Настя у меня там, а я здесь.

– Ты сам все прекрасно знаешь, – спокойно продолжила шаманка. – Теперь возвращайтесь. Сегодня ночью ты, Вадим, возможно, увидишь во сне все, что тебе нужно, для защиты Каргийоки.

Поняв, что аудиенция окончена, друзья встали и направились к выходу.

– А ты, сын Конди, – бросила она им в спину, – не противься воле Юмала.

Павел обернулся.

– Что?

– Делай, что должен, найди в себе любовь, – ответила шаманка, – утка снова должна стать кукушкой.

– Что? Какая кукушка?

Елена Константиновна загадочно улыбнулась, но больше не произнесла ни слова. Вадим взял друга за руку и потянул за собой.

– Пойдем!

– Нет, ну ты слышал? – спросил Павел, когда медвежий полог заслонил их от жилища шаманки. – Какие кукушки, какие к черту утки? Ну что такое, Вадя?

– Слышал, слышал, – Вадим был озадачен не меньше друга. И не только по поводу уток и кукушек, но и по поводу всего остального. Он чувствовал, что разгадка где-то близко, но он не мог найти, за что зацепиться, чтобы правильно сформулировать ответ.

– Пойдем, потом разберемся, – сказал Вадим.

Они были так впечатлены этой встречей, что брели по лесной тропинке лишь при свете звезд и полной луны, просветлевшей на небе, совершенно позабыв взять и зажечь факелы.

Наконец они добрались до поселка, и стража, узнав их, пропустила друзей вовнутрь, открыв створку ворот.

Друзья расстались, пожелав друг другу спокойной ночи. Каждый пошел к себе, решив, что все обсуждения могут подождать до утра.

Вадим почувствовал себя чертовски уставшим, и, едва добравшись до постели, рухнул и тут же заснул. Шаманка обещала, что он увидит вещий сон. Но ему решительно ничего не снилось. Абсолютно.

И только под утро он на миг увидел длинный загон, в котором металась серая свинья. Животина бегала по загону, ища выход, тыкалась рылом в сплошное ограждение, отчаянно визжала и хрюкала. Затем сновидение резко оборвалось, улетучилось, растворившись в утреннем тумане.

Глава седьмая

Испытание на прочность

Храбрецы умирают, но не сдаются.
Латинская поговорка

Поутру у соседей проорал петух. Проорал громко и истерично. Ему ответил другой, потом еще один. А еще через минуту все петухи Каргийоки рвали глотки, соревнуясь друг с другом в мастерстве. Каждый из петухов считал себя лучшим и оттого петушиный хор надрывался и усердствовал, пока хозяева не встали и не захлопали двери изб.

Из соседнего дома вышел сонный Юски и засветил в своего петуха поднятым с земли камушком.

– Надоел, зараза!

Ловко пущенный камушек, угодил петуху прямо «в кукареку». Он пошатнулся и плюхнулся вниз с забора, а потом дернулся пару раз и затих. Юски был зол, он только два часа назад пришел со смены у ворот Каргийоки и только лег, а тут эти горлопаны.

Следом вышла его жена и, увидев поверженного султана курятника, громко запричитала:

– Ай-яй-яй... что натворил?! Юски, старый мухомор, ты же убил его! Как есть убил!

Вепс сладко потянулся и спокойно ответил:

– Сваришь его сегодня, похлебки охота.

– Чтоб тебя комары покусали, – не унималась жена, – кто курей теперь топтать будет? Ты, что ли, старый хрен?

Юски обиделся, не был он старым, не насчитал он еще и сорока зим.

– Молчи, дура, – заходя в дом, огрызнулся Юски, – у нас молодой петушок подрастает, вот пусть он и топчет.

Жена, продолжая причитать, взяла убиенного петуха за ноги, посмотрела – нет, не дышит – и пошла вслед за мужем.

Вадим потянулся, он отчетливо слышал их ругань, но понял не все, а то, что понял, его не касалось. Начинался новый день, и Вадим еще не знал, что этот день станет последним не только для этого петуха...

* * *

Окончательно проснувшись, Вадим быстро привел себя в порядок и, выпив вчерашней простокваши, пошел в большой хозяйский дом. Мысль о метавшейся во сне свинье в загоне не давала ему покоя. Он еще полностью не осознал, к чему этот сон, но смутная разгадка была где-то рядом, это он чувствовал точно.

Последние метры до дома главы рода он уже не прошел, а пробежал. Вывернув из-за дома, он увидел бодрого Конди, плескавшегося у бочки с водой, и сонного друга. Павел стоял, прислонившись к дверному косяку, и, ожидая своей очереди к умыванию, дремал.

– Конди, Паша, – доброе утро, – Вадим быстро поздоровался. – Кажется, у меня есть идея. Собирайтесь, пошли.

Павел вздрогнул, выходя из дремоты и забыв про умывание, спросил:

– Ты что-то придумал?

Но друг, не слушая, быстро вошел в дом. Конди, на ходу вытирая руки о рушник, последовал за ним, последним в дом прошествовал зевающий Павел.

Когда они прошли к столу, Вадим стал быстро излагать вепсу свой план, который только что созрел в его голове. Объяснить Паше оказалось труднее, его еще не проснувшийся мозг отказывался воспринимать хитроумные идеи друга. Мозгу мешал голодный желудок.

Пашу пришлось оставить дома – завтракать и умываться, а Вадим увлек Конди к воротам поселения. Подойдя к ним, Вадим долго бегал взад и вперед, махал руками, показывал и объяснял, настаивал и даже требовал. Наконец Конди улыбнулся и кивнул – мол, понял, согласен. Пока Вадим суетился у ворот, собралась большая толпа зевак. Глава рода обвел взглядом столпившихся сородичей и громко приказал:

– Всем слушать Вадима, делать – как он скажет!

Вепсы одобрительно зашумели, – дескать, как надо, так и сделаем – приказывайте. Вадим поблагодарил Конди и, выступив вперед, огласил список необходимых ему материалов.

– За дело! – рявкнул Конди.

Вепсы стали быстро расходиться. Вадим заметил Валую.

– Валуй!

И, когда бородач-новгородец подошел, продолжил:

– Подымай всех наших – есть дело!

Без лишних вопросов Валуй, качнув головой, пошел выполнять приказ.

Уже через полчаса Каргийоки загудел, как разбуженный пчелиный улей. Вепсы по приказу Вадима и Конди стаскивали к воротам бревна, доски и камни. Еще через полчаса явился Павел и, оглядев деловую суету, подошел к другу и непонимающе спросил:

– А что здесь, собственно, происходит?

Вадим улыбнулся.

– Карусель строим.

– Уж не для викингов ли?

– Ага, – ответил Вадим, – для них сердешных.

Дело шло быстро, почти все жители Каргийоки включились в работу. Даже дети решили принять участие в этой забавной игре взрослых. Дядя Вадим обещал тому из них, кто больше натаскает камней, вручить горшочек меду. Дядя Вадим сказал, а дядя Конди перевел, пообещав от себя, что если они не будут помогать, то получают по жопе.

– Вперед, лентяи! – напутствовал детей глава рода.

И детишки, от семи до четырнадцати лет, громко крича, наперегонки кинулись к реке, за камнями.

* * *

Ярл Гутрум, сын Сёльви по прозвищу Тур,³⁹ запряг своих «драконов» и теперь подходил к берегу, где еще совсем недавно один из его хёвдингов сжег деревню упрямых вепсов. Вепсы из рода лесного медведя отказались платить дань и Гутрум послал один драккар наказать непокорных.

Ему доложили о выполнении и даже перевыполнении плана, ибо в том набеге не только сгорела вся деревня, но удалось настигнуть и убить сына главы медвежьего рода. Но наглые вепсы продолжали упорствовать в своем нежелании давать дань ярлу Альдегьюборга.

Гутрум Сёльвинссон получил свое прозвище давно, лет десять тому назад. Тогда он явился на берега Альды, выгнал вепсов и словен с высокого берега реки и срубил борг. Ярл был могуч и силен, но и упрям как бык. Его раздражало малейшее неподчинение этих диких вепсов. И он, как боевой бык с красными от ярости глазами, кидался вновь и вновь наводить порядок и устанавливать свои законы.

Это лето было его тридцать вторым по счету и в его длинных, серо-черных волосах появилась первая седина. Ярл стоял на носу своей флагманской ладьи, опираясь о шею носовой фигуры дракона. Его рыжая, заплетенная в косу борода воинственно топорщилась. Гутрум пребывал в не лучшем расположении духа – несколько дней назад он напал на новгородцев, переправлявшихся через реку. Ему удалось уничтожить не менее сотни врагов, но сам он потерял один из драккаров и более четырех десятков его воинов отправились в Валгаллу. И вот вчера он взнуздal четырех своих «драконов», намереваясь обрушить праведный гнев на главное поселение вепсов из рода лесного медведя. У ярла оставалось в борге еще три корабля и две сотни воинов во главе с его братом Бьярни.

При мысли о брате у ярла скривились губы. Бьярни – его младший брат был храбр, но туп как пробка от бочки, к тому же любитель выпить. Гутрум постоянно запирал погреб с медовухой и пивом. Но его братец всякий раз где-то находил выпивку и, нализавшись браги, не раз устраивал настоящие штурмы погреба, с тараном и дикими воплями. Ярла это бесило даже больше, чем отсутствие дани от вепсов. А совсем недавно Бьярни, опустошившего с дружками бочонок хмельного меда, потянуло на любовь. Пока ярл разбирался на переправе с новгородцами, его брат в пьяном угаре налетел на ближайшую к боргу весь. Бьярни с дружками древками копий разогнали немногочисленных вепских мужиков и перепортили всех девок и баб, включая двух старух.

Вернувшись из похода, Гутрум застал брата в печальном настроении. После любовных утех младший Сёльвинссон подхватил какую-то заразу и теперь мучился с распухшей мошонкой, стонал и охал, не мог ходить и писал кровью. В общем и целом выглядел братец крайне печально. Похожая беда наблюдалась и у десятка его бражников, бывших с ним в ту злополучную ночь.

При воспоминании об этом происшествии, Гутрум грязно выругался. Это был настоящий саботаж – подрыв боеспособности. За одну ночь его дружина потеряла с десяток воинов, а как вылечить их – никто не знал. Хуже того, это могло оказаться заразным. «Не иначе, боги испытывают нас», – подумал ярл и приказал спалить нечестивую весь вместе с заразными женщинами, включая и двух старух.

Ярл мотнул своей бычьей головой, отбрасывая грустные мысли. Место высадки было уже близко – они приближались. Гутрум приметил на берегу в камышах какое-то движение. Их заметили, но ярлу было на это решительно наплевать. С ним на драккарах шли

³⁹ Тур – бык.

двенадцать десятков его воинов, с ним был его лучший хёвдинг хускарлов – Улаф, по прозвищу Берсеркер. Перед этим не устояли даже ворота франкских городов, а тут какие-то жалкие вепские заборы.

Высадиться им никто не мешал. Оставив два десятка воинов охранять «драконов», ярл во главе остальной дружины двинулся вперед.

Они прошли пепелище сгоревшей деревни и ускоренным маршем, иногда переходя на бег, часа через два достигли реки перед Каргийоки. За рекой до самого поселения простиралось свежескошенное поле, расстоянием не больше полета стрелы. Гутрума поразило, что мост через реку оказался цел. Он послал десяток воинов проверить надежность переправы. Викинги по команде быстро преодолели мост и, прикрывшись щитами, заняли оборону на другом берегу. Странно, но вепсы не стреляли, даже и не пытались. Убедившись, что мост цел, владетель Альдегьюборга послал на противоположный берег сразу три десятка. Воины добежали до середины моста и он, удачно подпиленный, резко качнулся и рухнул вниз. Северяне слетели в воду. Лишь несколько человек успели удержаться на небольшом клочке уцелевшего пролета. Они стремительно покинули остаток моста и присоединились к своим на вепском берегу. Упавшие в воду люди барахтались недолго, утонули почти все – доспехи и шлемы не дали викингам никаких шансов на спасение. Повезло лишь троим, им все же удалось выплыть на противоположный берег.

Ярл охватила благородная ярость. С пеной у рта он сыпал проклятия на головы врагов. Гутрум в ту же минуту приказал сооружать плоты из того, что еще осталось от моста, и послал два десятка воинов с топорами рубить лес. Когда лесорубы ушли, хозяин Альдегьюборга заметил, как ворота поселения открылись, и оттуда выехало пять телег. На каждой восседало по несколько вооруженных вепсов. Выехав за ворота, телеги понеслись по полю, навстречу отрезанным рекой от своих викингам. Ярл видел, как вепсы, не доезжая до строя его людей, остановились и, спрыгнув с телег, вскинули луки. Два десятка стрел ударили о щиты варягов, но одна все же нашла лазейку и попала одному воину в бок. Не дав врагам опомниться, вепсы продолжали стрелять, ранив еще одного викинга.

Ярл резко отдал команду лучникам. Около десятка воинов, заняв позиции, подняли свои луки и попытались отогнать вепсов от своих товарищей. Это подействовало. Вепсы, запрыгнув на телеги, отъехали на безопасное расстояние и возобновили обстрел, оставаясь вне досягаемости для стрел северян. Гутрум понимал, что больше помочь своим воинам он не в силах, но и бросать их он не имел права. Кто захочет служить ярлу, который бросает своих людей в беде?!

Как назло из поселка выехали еще четыре телеги с воинами. Эти были со щитами, копьями и мечами. Телеги со щитниками, приблизившись, остановились. Вепсы мгновенно спрыгнули с них, как по команде, быстро организовали строй и, не обращая внимания на заградительный огонь лучников с другого берега, двинулись в атаку. Лучники вепсов, подбежав ближе, стали засыпать стрелами лучников ярла. Одна из стрел, ловко пущенная с противоположного берега, просвистела всего в метре от ярла. Один из воинов поспешил прикрыть Гутрума своим щитом. Хозяин Альдегьюборга оттолкнул его.

– Отойди! – рявкнул он.

Викинг повиновался. Ярл заметил среди наступающих вепсов высокого крепыша с короткими русыми волосами. Даже здесь, на другом берегу, он слышал его команды и окрики. Здоровяк кричал по-словенски, и он явно командовал вепсами, возглавляя их атаку.

– Откуда тут хольмгардцы? – вслух спросил Гутрум. Но ему никто не ответил, да и кто ему мог ответить?

Вепсы дружно ударили в копья и свалили двух викингов, но и те не остались в долгу – яростно заработали мечами, пытаясь перерубить или отвести длинные древки копий и достать их владельцев.

Ярл обернулся. В нескольких метрах от того места, где он стоял, на земле лежали пятеро его лучников, пронзенных стрелами врага. Оставшиеся стрелки, прекратив перестрелку с превосходящими силами вепсов, отступили на безопасное расстояние.

– Проклятые болотные твари, – выругался Гутрум. – Скьяльборг! – проорал он что было мочи.

Викинги стали образовывать вокруг Гутрума непроницаемую для стрел стену щитов. Построение прошло почти мгновенно и все же вепсам удалось убить еще одного варяга.

Окруженный щитами своих дружинников, ярл уже не видел происходившего на другом берегу боя, но он слышал его шум. Слышал лязг кусающихся мечей, вопли и стоны умирающих людей. А потом он услышал отчаянный крик: «ОДИН!!!». А затем все стихло. Даже стрелы перестали барабанить по щитам. Ярл, растолкав дружинников, покинул Скьяльборг. Он увидел, как вепсы, подогнав телеги, грузили своих павших и раненых сородичей. Они также забирали оружие, доспехи, шлемы и щиты убитых викингов – законные военные трофеи. Повернись дело по-иному, ярл и сам бы так сделал.

Хозяин Альдегьюборга вновь увидел крепкого словенина. Его одежда и меч были в крови, а щит почти полностью расщеплен. Хольмградец, заметив выступившего вперед своих воинов ярла, торжественно поднял вверх обе руки со щитом и мечом и прокричал странное: «УРА!». Затем, опустив руки, он указал мечом на тела убитых викингов и громко крикнул: «Забирай!» Гутрум знал язык хольмградцев – Гутрум все понял. Потом этот странный словенин слегка поклонился в его сторону, резко выпрямился и, развернувшись, пошел в поселок вслед за удаляющимися телегами с вепсами.

Ярл не был знаком с турнирными обычаями двадцать первого века – ярл не понял этого поклона...

* * *

Во время начавшегося боя лесорубы бросили работу и поспешили к берегу. И теперь Гутрум, потеряв четыре десятка своих воинов, сорвал гнев на них.

– Где бревна? Где плоты? – метал молнии ярл.

Лесорубы бегом вернулись в лес, за уже поваленными стволами деревьев. Ярл взглянул на небо – солнце клонилось к закату, время уходило. Он хотел во что бы то ни стало расправиться с наглецами. По расчетам Гутрума, он должен успеть до наступления темноты. Он торопил своих дружинников и вскоре плоты были готовы. Началась переправа – вепсы стрел не пускали. Ярл первым вступил на вражеский берег. Тела погибших дружинников пробудили в душе хозяина Альдегьюборга новый приступ ярости.

– Быстрее, быстрее, – поторапливал он, – плететесь, как беременные тюлени!

Викинги построились и под прикрытием щитов двинулись к поселку. Десять человек несли большое бревно, намереваясь использовать его как таран.

Первые стрелы полетели в них, когда до ворот оставалось не больше тридцати метров. Воины с тараном разбежались и ударили, еще и еще раз. Через частокол теперь летели не только стрелы, но и сулицы, находившие себе случайные жертвы. Однако ярла это не очень беспокоило, потери были единичными, а ворота уже стали поддаваться. Пока таран делал свое дело, по обе стороны от ворот противники обменивались ударами через частокол. Несколько вепсов викингам удалось поразить копьями и секирами. Ярл краем глаза заметил, как Улаф Берсеркер уже начал бесноваться. Он высоко подпрыгивал и метко метал короткие топоры в высывавшихся из-за частокола вепсов. Еще один прыжок, бросок – и очередной вепс упал с топором в черепе. Метнув все имевшиеся у него четыре топора, Берсеркер вырвал у соседнего викинга сулицу и с силой запустил ее в показавшегося лучника. Бросок был такой силы, что сулица пробила тело насквозь. Гутрум невольно залюбовался кровавой работой Улафа. «Если бы у меня была еще парочка таких молодцов», – подумал ярл, глядя, как Берсеркер встал на подставленные щиты. Его подняли и он, выхватив меч, стал крушить защитников частокола, ловко балансируя на шатких щитах.

Наконец ворота поддались. Одна створка не удержалась на петлях и рухнула, а вторая гостеприимно распахнулась.

– Один!! Один!!! – радостно взревела дружина викингов и яростным потоком хлынула вовнутрь. Ярл ворвался одним из первых, но не обнаружил перед собой не единого врага. Справа и слева возвышался частокол почти в два человеческих роста. Коридор был длинным и узким – в ширину поместилось всего пять человек. Продолжая призывать Одина, викинги с разгону добежали до середины коридора. Гутрум увидел впереди такую же глухую стену из вертикально вкопанных бревен. В коридор втянулась вся дружина, стало тесно. Как только все викинги оказались внутри, через частокол перевалились сначала две, а затем еще две телеги, забаррикадивав собой ворота. Но ярл этого не видел, слепая ярость охватила хозяина Альдегьюборга. Он не хотел верить, что угодил в западню. Гутрум разбежался и всем телом навалился на дальнюю от ворот стену. Воины последовали его примеру и принялись терзать стену секирами и мечами. Но частокол выдержал.

– О-д-и-н!!! – взревел взбесившийся Тур и воздел глаза к темнеющему небу. Но вместо Одноглазого, он увидел лицо того хольмградца, что командовал на берегу уничтожением его воинов. Затем словенин поднял над частоколом большой камень.

– Бей! – крикнул хольмградец и выпустил камень из рук.

Ярл понимал по-словенски – ярл знал, что означает слово «Бей». Тяжелый камень обрушился на голову Гутрума, проломив и шлем, и череп.

Ярл Гутрум, сын Сёльви, основатель и хозяин Альдегьюборга умер мгновенно – погиб как настоящий викинг с мечом в руке и в битве с врагом.

Почти радостное «Бей!» разнеслось над Каргийоки.

Покоманде Вадима вепсы и его два десятка новгородцев поднялись и обрушили на головы врагов камни, бревна, стрелы и сулицы. Стоящий рядом с десятником Валуй уронил на супостатов одолженную специально для этого случая у местного кузнеца наковальню. Но у кузнеца было две наковальни – вторую он с боевым азартом скинул сам. У-у-ух! Шмяк! Хрусть!

Иногда через частокол перелетали деревянные ведра, доверху наполненные камнями – спасибо ребятишкам, постарались, натаскали. Тяжелые ведра с камнями били врагов, поражая и нанося тем увечья.

Викинги пытались огрызаться, двое или трое вепсов упали, пораженные сулицами. Но северному терпению пришел конец. Уцелевшие дружинники ярла кинулись бежать и так ловко перепрыгивали через груды камней, бревен и трупы товарищей, что Вадим даже позавидовал их прыти. Около двух десятков оставшихся в живых воинов бросились перелезть через телеги, отделявшие их от свободы. Потеряв еще пятерых, они одолели завал и по полю устремились к реке. Вадим на миг отвлекся от этих спринтеров и посмотрел вниз – туда, где на дне коридора еще стонали и пытались выбраться из-под придавивших их камней и бревен варяги. Он заметил, как одно бревно приподнялось и из-под него тяжело поднялся викинг, тот, что так легко подпрыгивал и кидал топоры, а потом, взбравшись на щиты, крушил мечом все без разбору, и головы вепсов, и частокол.

– Ты посмотри, какой крепкий! – указал на него Вадим.

– Щас его успокоят, – ответил Валуй.

И словно в подтверждение его слов защитники Каргийоки угостили крепкого викинга стрелами. Северянин долго сопротивлялся смерти, упорно стоял на ногах. И только восьмая стрела, застрявшая в его теле, успокоила воина навсегда – хёвдинг Улаф Берсеркер упал.

Но участь этого бойца не очень трогала Вадима, его больше интересовало то, что происходило сейчас на поле перед рекой. Он спустился с частокола и побежал к стене, которая смотрела на реку; так что собственно расстрела берсеркера он не видел. Поднявшись на стену, слева от ворот, Вадим приметил, что вепсы успели вовремя. Он заранее подготовил три десятка воинов, приказав им спуститься с частокола и в случае надобности перехватить тех, кто будет спасаться бегством. Викинги, прижатые к реке, зло огрызались. Вадим, решив, что помощь вепсам не помешает, перемахнул через стену, благо в этом месте она не превышала человеческого роста. За ним последовали новгородцы из его десятка.

Вадим, приближаясь к реке, заметил, что уже почти стемнело. «Им нельзя дать уйти», –

подумал он и еще ускорился. Опытные викинги не подпускали к себе врагов, с отчаянием обреченных они отбивали все попытки вепсов приблизиться и окружить их. Они успели повалить уже почти десяток наседавших на них вепсов, сами же потеряли только троих.

Вадим с новгородцами подоспели вовремя. Викинги, прикрывшись щитами, начали отходить к плотам.

– Вперед! – скомандовал Вадим, пробегая мимо остановивших атаку вепсских воинов.

Юноша почувствовал, как в нем закипает кровь, его прямо распирало изнутри. Сила, огромная сила толкала его вперед...

– Руби! – в азарте атаки прорычал Вадим.

Десяток новгородцев сходу навалился на варягов. Вепсы опаматовали и поддерживали их натиск. Вадим с разбегу пнул ближайшего варяга ногой в щит. Удар вышел на славу – щит краем пришелся северянину по зубам. Вадим с оттягом ударил мечом в шлем. Колени варяга подкосились, он выронил щит и завалился лицом вниз. Внезапно острая боль обожгла правое бедро. Копье другого викинга, скользя, выдрало кусок мяса. Вадим вскипел и, почти не глядя, рубанул с полуоборота наотмашь. Противник подался корпусом назад и отклонил незащищенную шлемом голову, избегая удара. Ему не хватило всего пары сантиметров. Меч врубился ему в скулу, снося пол-лица. Описав полукруг, Вадим «добавил» ему наискось в шею.

– Сука! – выругался десятник новгородцев.

Он дико огляделся по сторонам. Страшно захотелось рубануть еще кого-нибудь. Но почти все враги уже лежали на земле, не подавая признаков жизни. И тут Вадим заметил двоих у самого плота. Один в кольчуге, но без шлема и щита, уже запрыгнул на плот и пытался оттолкнуться шестом. Второй, в кожаной рубахе, в шлеме, мечом и щитом яростно отбивал атаку сразу двоих новгородцев. Он принял меч одного противника на щит, оттолкнул и, сделав резкий выпад и шаг вперед, нанес удар ребром щита второму. Новгородец упал прямо под ноги набегавшему Вадиму. Он резко остановился, поднял выпавший из рук словенина топор. А ловкий, в кожаной рубахе, уже успел свалить другого новгородца хлестким ударом меча в шею. Не раздумывая, Вадим метнул топор. Сделав несколько оборотов, топор обухом саданул варяга по шлему. Шлем слетел, а воин качнулся. В два прыжка десятник оказался рядом и мощно пнул противника под зад, отправив его в воду. Оставался еще окольчуженный на плоту, который, видя гибель товарища, уже успел оттолкнуться от берега. До него было не больше пяти метров, и Вадим рискнул. За этот прыжок его нелюбимый школьный физрук просто обязан был поставить оценку «шесть». Он приземлился на самый край плота, покачнулся – чуть не упал, но все же устоял. Викинг тут же отбросил шест.

– Сука! – сплюнул Вадим, почувствовав боль в раненой ноге, но совладав с собой, мгновенно перешел в нападение.

У варяга не было щита, у Вадима тоже, и они принялись отбивать и отводить удары друг друга мечами. Их дикая пляска на раскачивающемся плоту продолжалась несколько секунд. Затем викинг ухватил меч двумя руками, замахнулся и ударил со всей силы, намереваясь пробить подставленный блок. Но Вадим, сделав шаг вперед, первым нанес быстрый удар снизу вверх. Его меч ударил по локтям опускающихся рук варяга. Издав крик, тот выронил оружие – его руки бессильно опустились.

– Хват хейтир ту? – спросил Вадим, кажется, это все, или почти все, что он знал по-скандинавски.

– Бьерн... хевдинг, – преодолевая боль, ответил викинг.

Он хотел еще что-то добавить, но Вадим не дал ему это сделать. Его меч расколол череп хевдинга, того самого, который не так давно по приказу ярла сжег деревню и убил отца «пойки». Но Вадим этого знать не мог.

– Сука, – сквозь зубы произнес десятник, хватаясь за раненое бедро, – а ведь говорила, что я не буду чувствовать боли. Ну Елена Константиновна – сказочница!

Он взял шест и подтолкнул плот к берегу. Там его уже ждали подоспевшие Конди с

Павлом, Валуй с новгородцами и вепсы с зажженными факелами. Бедро чертовски разболелось, из раны текла кровь, обильно смачивая штанину и обувь. Паша первым подскочил и помог сойти с плота. Подошли Конди и Валуй.

– Ну что, ловко мы их? – невозмогая боль, улыбнулся новгородский десятник.

– Хорошо! – ответил Конди. – Очень хорошо.

– Мне бы сесть, братцы, – попросил Вадим, уже начав оседать на руки друга.

Валуй подобрал щит и подложил под Вадима – Вадим сел. Остальные опустились на корточки.

– Ты молодец, Вадя, – похвалил расчувствовавшийся Паша, – здорово придумал и с мостом, и с коридором смерти.

– Они теперь надолго нас запомнят, – уверенно произнес Конди.

Вадим устало оттер лицо, левая щека была в крови. Он ощупал щеку – цела, видать, это чужая кровь.

– Они пришли на драккарах, значит, они стоят на озере, – тихо сказал Вадим, – и их должны охранять.

– Никуда они не денутся, – заверил Конди.

– Нет, Конди, – резко оборвал Вадим, – воинов можно набрать, а чтобы ладьи строить нужно время. Брать их надо сейчас, ночью.

– Десятник дело говорит, – поддержал его Валуй.

– Вадя, как сейчас? Люди же устали, – вмешался Паша.

– Надо, дружище, надо! Иначе уйдут, почуяв неладное, а врага отпускать нельзя!

Последние фразы они произнесли по-москальски, на это Конди им заметил:

– Я же просил тебя, Паша, говорить только на человеческом языке.

– Прости, – по-вепски ответил Паша.

– Конди, нельзя упускать победу, – настаивал Вадим, – надо идти сейчас.

Глава медвежьего рода тяжело вздохнул.

– Хорошо, надо так надо. – Он встал и, подозвав к себе воинов, стал им что-то втолковывать.

– Валуй, собери всех наших, – попросил десятник.

Валуй быстро собрал уцелевших новгородцев, а затем занялся бедром Вадима – очистил рану, намазал ядрено пахнущей мазью и наложил тугую повязку.

– Спасибо, – поблагодарил юноша, когда перевязка закончилась. – Валуй, ты пока тут побудь, а мне надо срочно взглянуть на убитого ярла. Как его там... Хм... Гутрум, что ли...

– Зачем тебе на него смотреть? – удивился Павел.

– На волосы его хочу посмотреть.

Павел от удивления округлил глаза и непонимающе передернул плечами.

– Видать крепко тебя долбанули, – почти на ухо другу произнес он.

– Все нормально, дружище, – с улыбкой отреагировал Вадим, – пойдем, посмотрим на его волосы. Я тебе потом все объясню.

* * *

Прихрамывая, Вадим вприпрыжку достиг стен Каргийоки и стал протискиваться сквозь завалы. В коридоре смерти вперемешку с бревнами и камнями распластались многочисленные трупы врагов, утыканные стрелами и сулицами. Лица многих из них превратились в кровавую кашу, не спасали даже шлемы – это был явный признак попадания камней. Вадим бесцеремонно перешагивал через трупы викингов, шел дальше. Он примерно знал, где лежит ярл Гутрум, ведь именно Вадим скинул на него увесистую наковальню. Павел шел следом за другом, то и дело прикрывая нос ладонью.

– Ну и вонь! – выразил свои чувства юноша, плотнее прижимая руку к лицу.

– Кровь вперемешку с говном, – через плечо ответил Вадим.

– Что?

– Во время смерти кишечник расслабляется и все содержимое...

– Перестань, – оборвал его друг, – я понял.

Пройдя почти до конца коридора смерти, Вадим остановился.

– А вот, кажется, и он.

Узнать тело ярла Гутрума в действительности было не сложно, он один из немногих нападавших носил добротную кольчугу. Вадим присел на корточки.

– Видишь, как размазало, – сказал он подошедшему другу, – голову почти по самые плечи вдолбило.

Лицо ярла опознать было совершенно невозможно. Шлем, от удара наковальни, которая валялась тут же, промялся и раздавил череп, зрелище было не из приятных.

– Ну и как ты распознаешь цвет его волос, тут же все в крови? – произнес Павел, все еще зажимая нос. – И вообще, что за блажь?

– Сейчас, – Вадим извлек нож и наклонился к труп.

– Ты решил его скальпировать? – ужаснулся Павел.

Но друг не ответил. Вадим узрел небольшой пучок волос, торчащий из-под промятого шлема, и резким движением ножа отсек волосы.

– Смотри, они серые, – разогнувшись, он протянул Павлу на ладони срезанный клочок.

– Ну серые, и что?

– А то, что Елена Константиновна была права. Я во сне видел свинью... именно серую свинью, которая металась по загону.

– Вадя, ты совсем одурел от крови. Какая свинья? Какой загон?

Вадим порывисто отбросил от себя срезанный клоч с головы ярла и блаженно улыбнулся.

– Вот эта свинья, – он указал на убитого Гутрума, – а вот это загон. – Вадим обвел рукой коридор смерти.

Павел с сомнением посмотрел на труп, потом на построенную ими ловушку и улыбнулся.

– Дошло? – спросил друг.

– Ага. Дошло, – радостно ответил Павел.

Но внезапно их совместная радость оборвалась. Вадима неожиданно качнуло, его глаза неестественно закатились. Веки дрогнули и медленно, как театральный занавес, поплыли вниз...

– Вааадддяя, чтттооо ссс ттоббооой? – сквозь вязкую пелену услышал он замедленный голос Павла.

* * *

Картинки быстро сменяли друг друга. Сначала промелькнули черные драккары, полные воинов, затем показался сам ярл Гутрум, живой и невредимый. Потом он увидел деревянную крепость на берегу большой реки, а затем проплыл образ незнакомой девушки...

Виски сжала острая боль, и он увидел, как в нескольких десятках морских миль отсюда, в деревянной крепости страдает человек! Ветер прошуршал и забился в уши и все стучал, стучал в перепонках, произнося имя – Бьярни Сёльвссон!

Брат ярла Гутрума держался рукой за ноющую мошонку и заливал приключившуюся с ним беду бражкой. Боль била волнами – то отступая, то вновь накатываясь. Бьярни коротко постанывал и вливал в себя очередную порцию спиртного. Только так он мог хоть немного притупить боль, заставить ее замолчать. Но грустно было не только поэтому. Пуще обиды на все бабье племя Бьярни злила недавняя ссора с братом. Много, ох много он выслушал тогда от Гутрума. Младший Сёльвссон наполнил глиняную кружку до краев, широко разинул рот и отхлебнул разом половину.

С ним за длинным столом сидели еще десять викингов и тоже нянчили распухшие причиндалы, охали, выпивали, ругались, понося бабье племя, и опять охали. В общем, день

прошел крайне неудачно...

* * *

– Эй, Вадя, Вадя, что с тобой, – Павел не переставал трясти друга за плечи, – эй, Вадя, живой?

Налетевший вихрь сорвал пелену и вернул его к действительности.

– Все нормально, – сквозь зубы процедил Вадим, – все нормально...

Павел с надеждой заглянул в глаза друга и, увидав в них просветление, немного успокоился.

– Ты давай прекращай это... Хорош уже меня пугать! Что за шутки? Совсем осодомел?

Вадим при помощи друга поднялся с земли, огляделся.

– Надо срочно к реке, добивать варягов.

– Ну слава богу, – счастливо выдохнул Павел.

– Что?

– Слава богу, говорю, – повторил друг, – снова командуешь, значит, пришел в себя.

– Ага. Надо добить варягов!

– А ты что, тоже собрался? – спросил Павел.

– Да.

– Тогда я иду с тобой.

– Хорошо, только попроси Конди запрячь телеги – так быстрее будет.

* * *

В ночной поход Конди снарядил восемь телег и выделил три десятка воинов. Но узнав, что новоиспеченный сын тоже собрался в поход, категорически запротестовал. Паша пытался возражать.

– Все! Хватит спорить, – отрезал глава рода, – ты остаешься, СЫН, – тут он сделал особое ударение, – пойду с Вадимом я, а ты присмотришь тут за всем и разберешь завалы.

– Ладно, Паша, и правда, оставайся, тут дел тоже полно, – вмешался в семейный спор Вадим, ему не терпелось тронуться в путь.

Наконец Павел сдался и больше не возражал, отряд на телегах двинулся в сторону озера. Продвигались осторожно и оттого медленно, далеко вперед высылая молодых и быстроногих парней. Вадим всю дорогу опасался, что все же кому-то удалось уйти. Он раз за разом прокручивал в голове сегодняшний бой и не находил ошибок – уйти не мог никто.

Они остановили телеги версты за две до драккаров.

– Дальше надо идти пешком, – предложил Конди.

Вадим не возражал. За сегодняшний, полный бурных событий день он как-то свыкся с мыслью, что Конди отдал в его руки все бразды военного правления.

Пешком шли еще более внимательно, стараясь не спугнуть близкого врага. По плану Вадима им предстояло разделиться.

– Ты, Конди, бери полтора десятка и обойдешь их справа. Ты, Валуй, поведешь своих слева, а я с оставшимися пойду в лоб, по тропе. Ударите только после моего крика.

Уточнив диспозицию, воины двинулись, крадучись, как ночные звери.

Вадим ужасно хромал – болело раненое бедро, но он, сжав зубы, шел. От сгоревшей деревни к озеру вела небольшая тропа, они цепочкой двинулись по ней. Пройдя всего метров двести, они увидели впереди отблески озера и услышали легкий шум прибоя. Взошла луна и ярко осветила четыре драккара. У берега, на песчаном пляже догорал костер, у которого сидели три ночных караульных. Они о чем-то тихо переговаривались. Присмотревшись, Вадим заметил в стороне, справа от кораблей, еще двоих бодрствующих. Они стояли, опираясь на секиры. Слева от драккаров обнаружился еще один. Этот, похоже, дремал стоя, практически повиснув на копье. «Шестеро, – подсчитал в уме Вадим, – маловато, остальные,

небось, дрыхнут прямо на ладьях». Пора было атаковать. По приказу Вадима Конди и Валуй уже должны были закончить охват, тем более что он со своей ногой едва плелся.

– Пора, – тихо сказал себе под нос Вадим, и тут же вспомнил, что они не условились, что именно он должен крикнуть, чтобы подать сигнал к атаке. Он колебался лишь мгновение и, крепче перехватив небольшой топор и ступая как можно тише, вышел из тени на пляж. Удивительно, но им удалось пройти не замеченными целых десять метров и только потом их негромко окликнули. Вадим не ответил и, увлекая за собой воинов, сделал еще несколько шагов. Викинги у костра поднялись и повторили окрик.

– УРА!!! – что было мочи крикнул Вадим и метнул в троицу топор. Как и в прошлый раз, он не надеялся, что топор воткнется в тело, хватит и удара обухом. И на этот раз вышло именно так. Топор обухом сильно ударил одного из викингов – тот упал.

– Урраа!!! – повторил Вадим, выхватывая меч.

– Урррааа!!! – подхватили его крик слева. Валуй с новгородцами вылетели из засады и простакі растоптали очнувшегося от дремоты охранника.

Бывшие с Вадимом пять воинов обогнали его, хромого, и накинулись на двоих у костра.

– Урраа!! – раздалось немного запоздало – справа ударил Конди. Вадим видел, как он насадил на охотничью рогатину викинга с секирой. Второй успел развернуться и даже вскинуть оружие, но две метко брошенные сулицы отправили его душу в Валгаллу. Тем временем на драккарах засуетились проснувшиеся защитники. Начался штурм кораблей. Подойдя к костру, Вадим заметил, что викинг, в которого он попал топором, еще жив и пытается подняться, вставая на четвереньки. Вадим замахнулся и врезал ему ногой в челюсть. Варяг перевернулся и, как в киношном боевике, кувырнулся в костер. Но в отличие от экранной версии, викинг не вспыхнул, превратившись в живой факел. Пришлось добить его ударом меча. Вадим поднял топор – что-то понравилось ему кидать топоры. Получается обоюдоопасное оружие, как ни попадет – все хорошо, лишь бы кинуть посильнее. И он тут же вновь им воспользовался – замахнулся и швырнул его в высунувшегося из-за борта варяга. На сей раз топор угодил острием в голову, но не воткнулся, а лишь рассек бедолаге лицо.

Многие викинги сами спрыгивали на берег, собирались по двое-трое и, прикрыв спины друг друга, ожесточенно отбивались. Но нападавших было гораздо больше и вскоре все было кончено.

Заплатив за победу жизнями девяти человек, нападавшие захватили четыре драккара и отправили пировать в чертоги Одина девятнадцать варягов. Счет вполне устроил бы Вадима, если бы не подошел Валуй с окровавленной секирой и не доложил, что они нашли десятого погибшего из числа нападавших. Им оказался Конди.

– Как? – с тревогой спросил Вадим, чувствуя, как к горлу подступает комок.

– Стрелой, – грустно ответил бородач.

– Не уберегли...

* * *

Вадим, оставив с десятков вепсов охранять захваченные драккары, вернулся в Каргийоки со всеми остальными только под утро.

Вепсы в поселении уже не спали или еще не ложились, но им удалось разобрать почти весь частокол коридора смерти, убрать трупы и камни. Тела викингов были свалены одной огромной кучей за пределами поселения. Вадим заметил, что вепсы освободили тела викингов от доспехов, наборных поясов и прочих украшений. Ворота отсутствовали, сняли даже уцелевшую при штурме створку – видимо, решили чинить полностью. Заметив возвращающихся, Павел вышел встречать.

– Ну как, удачно? – спросил он, когда подъехала первая телега с Вадимом.

– Почти, – устало ответил десятник.

– Вадя, что за туманные формулировки?
– Твой названный отец погиб, – печально произнес Вадим, мотнув головой. – Он там, на второй телеге.

Павел медленно подошел к телеге и откинул плащ.

– А мы тут почти все убрали... – вырвалось у него при виде убитого Конди.

Он постоял несколько секунд, а потом вернулся к Вадиму.

– Что же теперь делать-то, Вадя?

– Я так понимаю, теперь тебе придется принимать дела Каргийоки. Теперь ты будешь главой рода.

– Я? – искренне удивился Павел.

– Ну не я же?! Ладно, я чертовски устал и хочу жрать.

– Да-да, ты поезжай к себе, Вадя, отдохни, я скажу, чтобы тебе еды принесли.

– Вот за это спасибо.

– Не за что, – пробурчал Павел, – я зайду к тебе через пару часов.

Вадим согласно кивнул. Телеги тронулись.

– Вадя! – крикнул Павел. – А с этими что делать? – он указал на кучу варяжских трупов.

– Сожгите! – коротко бросил Вадим.

* * *

Паша два раза заходил к другу, но Вадим спал. Он застал его проснувшимся только вечером. Следом в избу проскочила девчонка лет двенадцати с большой тарелкой вареного мяса, щедро посыпанного мелко нарубленным репчатым луком и с кругляшом хлеба под мышкой. Она быстро поставила угощение на стол и выскочила наружу.

– Ну, вот тебе и еда, – сказал Павел, водружая рядом с тарелкой мяса крынку с пивом.

– Хорошо, давай поедим, – потягиваясь, ответил Вадим.

Друзья быстро управились с мясом, запив его пивком.

– Так, дружище, теперь подведем итоги, – деловито предложил Вадим.

– Ну давай, – с печалью в голосе согласился друг.

– Итак, первое – по моим подсчетам, мы завалили не меньше сотни викингов.

– Наших мы тоже всех собрали, – вставил Паша, – вместе с теми, что привез ты от озера, у нас сорок шесть погибших.

– Два ноль в нашу пользу.

– Вадя, ну что за цинизм? Конди-то убили.

– Да-а-а, – грустно протянул Вадим. – С этой стороны бухгалтерия не очень... Конди жаль, но на войне как на войне, сам знаешь.

– Нет, ну ты все же циник!

– Да хватит, Пашка, причитать. Конди искренне жаль, и я скорблю не меньше твоего, но надо думать, что делать дальше. Мертвым покой и вечная память, а живым... – он поморщился от боли, рука потянулась к раненой ноге.

– Что, сильно? – спросил друг.

– Есть немного. И вообще, – продолжил Вадим потерянную было мысль, – неизвестно еще, сколько нам тут торчать, так что будем смотреть вперед и держать ухо востро. Вы, кстати, викингов-то сожгли?

– Конечно, всех до единого припекли.

– Надо будет потом пересчитать трофеи, – мечтательно произнес Вадим, – неплохо бы кольчужкой обзавестись.

– Там полно всякого барахла, – сказал Павел, махнув рукой в сторону, – мечи, копья, щиты, шлемы... и кольчуги есть. – И немного подумав, спросил: – А че, опять воевать собрался?

– Пока, нет, – рассеянно ответил десятник новгородцев, – но пригодиться может все.

– Завтра будем Конди хоронить, – напомнил Павел, – старики уже послали гонцов к соседней родне.

– Какие старики?

– Ну эти старики... как их там... ну как у наших горцев.

– Старейшины, что ли?

– Во-во, старейшины. Говорят, без родни нельзя хоронить.

– То есть без родни воевать можно, а хоронить нет?

– Так они же не со зла подмогу-то не прислали, сами свой этот... как его там... Кангаш, во! – вспомнил Павел. – Кангаш свой к обороне готовили.

– Ага, думали, коли проглотит ярл Каргийоки, то и подавится, и к ним не придет. Или хуже того, думали, что викингосы нас уделают, но, поистрепавшись в бою, далее не пойдут.

– Вадя, ну что ты такое говоришь?

– Знамо дело, проходили. Наши, вон, перед монголами в аккурат так же плясали...

На минуту воцарилась тишина, друзья молчали, каждый думая о своем, переживали. Вадим был убежден, что родственнички из Кангаша просто смалодушничали, испугались и решили отсидеться да посмотреть, чем закончится дело под стенами Каргийоки.

«Вот бы узнать, кто у них там, в Кангаше за главного, – почти озлобленно думал Вадим, – поговорить бы с ним по душам...»

Павел, и правда, был уверен, что не со зла они, не со зла. Мало ли что там...

– А они про нового вождя ничего не говорили? – спросил Вадим с интересом.

– Говорили, – утвердительно кивнул Павел, – сказали, что после обряда похорон будет назначен, в смысле выбран новый глава рода.

Вадим сдержанно улыбнулся.

– А я вижу, ты уже совсем освоился с местным языком.

– Да, есть немного.

– Ну вот, Пашка, будешь ты местным князем.

– Да не хочу я, – запротестовал друг, – зачем мне это надо?! Мне бы домой... к Насте вернуться.

– Вот ты говоришь – я циник, а ты дружище – эгоист!

Павел поморщился, к Насте хотелось с каждым днем все больше.

– Да какой из меня глава рода, мы же тут совсем недавно. И порядков здешних не знаю, да и вообще... – может, и не меня выберут.

– Ладно, – успокоил его Вадим, – поживем – увидим, главное – с врагом совладали. Думаю, пока они больше не сунутся. А если сунутся, то не скоро.

– А если придут мстить, что делать? – опечалился Павел. – Я так понял, мы тут ихнего босса, кажись, завалили.

Вадим, взяв крынку со стола, допил пиво.

– Если придут – встретим как положено. Ты, кстати, знаешь, сколько у вепсов мужиков в строю осталось?

– Раненых много, – вздохнул Павел, – Конди говорил, что у него больше сотни воинов, а сколько точно, я не знаю.

– Надо бы их пересчитать, – предложил Вадим.

– Хорошо, пересчитаем, коли ты такой статистик, – согласно кивнул его друг.

Они немного помолчали, каждый задумался о чем-то своем. Затем Вадим спросил:

– Послушай, Паш, сделай доброе дело.

– Все что могу.

– Я у озера оставил людей драккары захваченные сторожить, надо бы их сменить и усилить охрану... мало ли чего....

– Дались тебе эти лодки?! – возмутился Павел. – Какой от них прок?

– В хозяйстве все сгодится, – резонно заметил Вадим, – пошли все же туда человек пятнадцать – пусть посторожат.

– Ладно уж, попрошу.

– Хорошо бы эти драккары вообще куда-нибудь перегнать, – мечтательно произнес Вадим, потирая раненое бедро.

В дверь неожиданно постучали.

– Входи, – разрешил десятник.

Дверь открылась, на пороге стоял Валуй.

– Ну?

– Десяток тока в строю, и то почитай все поранены, – начал доклад бородач, – двенадцать человек схоронили да еще пяток совсем помятые лежат.

– Молодец, – похвалил Вадим своего зама, – проходи, чего мнешься у порога?!

Валуй прошел, сел за стол напротив десятника рядом с Павлом.

– Тут еще вершник тока что от князя прибег, – сказал бородач.

– Ну, не тяни...

– Сказывает, как управимся, выступать к Волхову с чудинами вкупе. У нашего князя про то договор с Конди был.

– Куда? – не понял Вадим.

– К Волхову, к реке.

– Ясно, – и тут Вадима осенило: – А как называется та река, на которой на нас напали при переправе?

– Сясь, – ответил бородач.

– А мы тогда тоже к Волхову шли?

– Ну знамо дело к Волхову, у нас там струги да ладьи стоят, – ответил Валуй, не понимая, к чему клонит десятник.

– Значит, вы из Новгорода по воде пришли, а сюда пешком притопали?

– Ты толком скажи – что надоть? – сделав вид, что обиделся, спросил бородач.

Десятник улыбнулся.

– Все хорошо, Валуй, все хорошо. Иди и скажи гонцу, пусть немедля скачет обратно и передаст князю, что мы тут пошумели малость, побили варягов да и захватили четыре ладьи.

Заместитель поднялся и уже намеревался выйти, но его остановил Вадим.

– А лучше вместе с гонцом пошли кого-нибудь из наших, пусть князю все как есть поведает. И пусть князь решает, что делать с этими ладьями, – и, обратившись к Паше, попросил: – Найдешь коня под седло?

– Наверное, найдем, – неуверенно ответил Павел.

– И пусть гонцы поторопятся, – продолжал Вадим напутствовать новгородца, – чую, ох как обрадуется князь известию и такому подарку.

Когда Валуй вышел, Павел восхитился:

– Ну ты смотри, прямо раскомандовался, вошел в роль.

– Ага, – отмахнулся Вадим, – ролевая практика руководителя клуба.

И они дружно рассмеялись.... почти до слез.

– Ладно, ночь уже на дворе, – произнес Павел, вытирая слезы радости, – пойду я, что ли...

Он встал и, пожелав другу спокойной ночи, вышел.

Когда Паша ушел, Вадим с удовольствием растянулся на постели. Бедро, намазанное еще утром душистой мазью, успокоилось и не болело, и это радовало, а вот плечо немного зудело, напоминая о недавней ране.

Вадим закрыл глаза. «Вот бы Андрюха обрадовался, как-никак четыре драккара захватили. И теперь я точно знаю, что мы все же в девятом веке. Еще до Рюрика... Хотя до него, может, и немного-то и осталось...» – подумал он, чувствуя, что засыпает.

* * *

А в соседнем доме усталый Юски доел сваренного женой петуха, выпил бульон и тоже лег спать. Удобно устроившись на его руке, жена прильнула к нему и ласково прошептала:

– Ты у меня герой, Юски... Как ловко ты подстрелил того варяга...
– Много ты понимаешь, женщина, – ответил вепс. – Что толку? Их-то мы побили, а Конди погиб, теперь такое начнется...

Юски тяжело вздохнул, обнял жену и почти мгновенно уснул.

Глава восьмая **Вторая встреча с Коди**

Сосуд времени разбить не сложно.

Сложнее найти этот сосуд.

Еще издали друзья заметили Елену Константиновну, которая сидела на скамейке возле своего шалаша и кормила сову. Животное, удобно устроившись на пеньке всего в паре метров от шаманки, выжидало очередную порцию. Коди кинула маленький кусочек мяса, и сова сорвалась со своего места. Крылья почти бесшумно прошуршали и птица, схватив добычу, вернулась на пень, где и принялась за еду. Пока друзья приближались, процедура кормления на их глазах повторилась еще два или три раза.

– Что привело вас ко мне, молодые люди? – ласково спросила шаманка, когда сова, схватив последний кусок, вспорхнула вверх и скрылась в вершинах деревьев.

– Ну вы же сами говорили, что будете рады снова нас видеть, – первым ответил Вадим, подходя ближе.

– Я и не отказываюсь, – Коди, опершись о клюку, поднялась, – я действительно очень рада вас видеть. Вижу, ты, Вадим, прихрамываешь, – и, не дождавшись ответа, продолжила: – Ну да ладно, пойдемте-ка вовнутрь.

Она пригласила гостей и первой, отодвинув медвежью шкуру, прошла в свое жилище. Вадим и Павел проследовали за ней.

– Садитесь, – гостеприимно предложила Коди и, дожидаясь, когда юноши рассядутся, спросила: – Так с чем же вы пожаловали, соколики?

Друзья прошли вперед и сели на низкие табуретки, стоявшие подле едва теплящегося очага.

– Во-первых... – начал было Вадим, усевшись, но Елена Константиновна тут же его перебила.

– Ох, – всплеснула она руками, – постой... совсем забыла.

Она встала и направилась к сундуку и, немного поковырявшись в вещах, извлекла маленький глиняный горшок.

– Вот, – она протянула сосуд Вадиму, – будешь мазать рану три раза в день. Значит, утром, в полдень и перед сном. Тут дня на три хватит. Должно затянуть полностью. С моей мазью да с твоими способностями... Все понял?

– Спасибо, – поблагодарил юноша, принимая подарок.

– Вот теперь давай свое «во-первых».

– Во-первых, – официально продолжил Вадим, – разрешите вас поблагодарить, Елена Константиновна.

– На сей раз за что?

– Вы ведь не пошутили насчет вещих снов? Мне действительно приснился сон, и он очень помог мне...

– Знаю-знаю, – отмахнулась шаманка, – серая свинья и ярл Гутрум в твоей ловушке. Давай перейдем сразу ко второму вопросу.

– Понимаете, Елена Константиновна, – продолжил Вадим, – у меня еще были видения, но только не во сне, а наяву...

– Точно, – подтвердил Павел, – глаза закатил, затрясся, напугал до смерти...

Коди повелительно подняла руку, призывая гостей к тишине.

– Та-ак, – загадочно протянула она, – и когда с тобой сие приключилось?

– Я клочок волос у убитого ярла срезал, чтобы разглядеть цвет волос... ну, чтобы понять про сон, понимаете?

– Та-ак, – опять протянула шаманка, – клочок, говоришь?

– Ага.

Коди на миг задумалась, по-старчески прищепывая губами.

– Значит так, соколик. Вижу в тебе еще один дар открылся...

– И какой же?

– Тебя в школе не учили старших не перебивать? – почти грозно оборвала его шаманка.

– Простите.

– Значит, так, соколик. Дар этот великий и не каждому по зубам. Ты способен видеть события... Как бы тебе это объяснить? Вообще события, происходящие в реальном времени далеко от тебя. И эти события так или иначе будут связаны... постой! А кого ты видел в своем видении?

– Я видел человека. Мужчину, он болен, с ним еще воины... Ну я не уверен... но что-то или кто-то постоянно нашептывал мне имя Бьярни.

– Так и есть, – стукнула клюкой шаманка, – это брат убитого тобой ярла Гутрума.

– И что же теперь?

– А то, что события, виденные тобой, всегда будут связаны с теми людьми, которых ты знаешь или хотя бы видел. Впрочем... – Она задумалась на несколько секунд.

Друзья молча взирали на нее, не смея перебивать ход ее мыслей.

– Впрочем, – наконец вновь начала она, – эти люди, о которых у тебя будут видения, так или иначе связаны с тобой.

– Но я этого Бьярни даже не знаю и никогда не видел.

– Ну ты видел его брата, и он стал как бы проводником к твоему видению. И потом, кто сказал, что ты не повстречаешь этого Бьярни? Скорее даже наоборот – запросто можешь повстречать, иначе к чему еще эти видения?

– Ох, что-то я, Елена Константиновна, не пойму, – искренне признался Вадим, – радоваться этому открытию или нет.

– Что ты. Что ты... Это великий дар, им нужно только научиться правильно управлять... или разглядеть в нем самое важное, суть уловить.

– Так, может, научите?

– Вот тут – увы. Грешна, не умею. Не владею этим даром. НО! – она предостерегающе подняла палец. – У этого дара есть своя побочная сторона.

– Ой, не пугайте, – произнес Павел.

– Да, собственно, ничего страшного, – продолжила шаманка, – видение способно поймать душу смотрящего.

– Как это? – удивился Вадим.

– Тело твоё останется в яви,⁴⁰ а душа замкнется в нави.⁴¹

– Это что может в любой момент случиться?

– Вовсе нет, – успокоила Вадима шаманка, – не любое видение агрессивно. Но если ты все же попадешь в ловушку, то лучше чтобы рядом был кто-то. Тот, кто пробудит тебя, выведет, так сказать, из состояния транса.

– Во-во, – вставил Павел, – я же говорю, насилу его раскачал.

– А это можно контролировать? – с надеждой спросил Вадим, ему вовсе не хотелось застревать в нави, в этом мире усопших.

– Видение провоцируется резким всплеском возбуждения, адреналина. Ты после боя был возбужден?

⁴⁰ Явь – здесь как жизнь, видимый мир.

⁴¹ Навь – здесь как смерть, невидимый мир.

– Немного, – схитрил Вадим.

– И все же этого хватило. Однако видение можно спровоцировать и искусственно. Достаточно только подумать о каком-нибудь человеке.

– Простите, Елена Константиновна, – серьезно произнес Вадим, – но я сколько ни старался думать, например, об Андрее, у меня ничего не выходило.

– Это, в конце концов, не радио...

– Не телевизор, – шепнул Павел.

– Что?

– Не телевизор... извините, Елена Константиновна, – немного смутился Павел, – не обращайтесь внимания. Продолжайте.

– Так вот. Это не радио. Захотел включил, захотел выключил. Если надо будет, ты увидишь. Всему свое время. И потом дар, как любая природная сила, требует тренировки, совершенствования.

– То есть надо просто потренироваться?

– Да, Вадим. Надо потренироваться. И главное – слушать свой внутренний голос, внимательно слушать.

В лесу, совсем рядом с шалашом шаманки призывно ухнула сова.

– О, как время бежит, – покачала головой Коди, – уже стемнело, и мой совенок проголодался. У вас есть ко мне еще вопросы?

– Еще только один, – поспешил Вадим, видя нетерпение шаманки.

– Слушаю.

– Вы нам в прошлый раз все изложили по поводу наших первых встреч... Ну, про русалку эту... лесовичка.

– Да-да помню. Что-то не так?

– Нет, все так. Только у Андрея тоже была встреча, и он нам про нее рассказал. Не можете с этим разобраться?

– Говорите же скорее, – поторопила Коди, – хотя постойте. – Она задумалась ненадолго, что-то усиленно припоминая. – Нет, не могу вспомнить.

– Вообще, он повстречал кикимору. Она сама ему так сказала – поцелуй кикиморы забыть нельзя.

– Что-нибудь еще?

– Ну, вроде она говорила, что многое изменяется, – продолжил объяснения Вадим, – и что, мол, изменчивость – сущность людей.

– Та-ак, – протянула Коди, прищелкивая губами, – ну, если ваш друг и вправду погиб, то вот вам и изменчивость в самом буквальном смысле. Был жив – стал мертв...

– А если все же он жив? – перебил ее Павел. – Ведь может же такое быть?

– Вам, я вижу, юноша, не хочется верить в суровую правду жизни? – вопросом на вопрос ответила шаманка.

– В смерть вообще нелегко верить.

– Увы, – вздохнула Коди, – смерть венчает все живое на земле. Даже если предположить, заметьте, только предположить, ибо я не возьмусь утверждать, да и не один даже самый сильный шаман не сможет отыскать человека из другого мира. Так вот, если предположить, что ваш друг жив, то его постигнет перевоплощение... изменение, одним словом. И изменения эти будут носить душевный характер. Большого я, увы, не знаю.

– Спасибо и на этом, – вставая, поблагодарил Вадим.

– Да, нам пора, спасибо за все, – присоединился Павел.

Учтиво раскланявшись, они вышли из шалаша. В густом лесу стояла ночная тьма.

– Вадя, ты при случае посмотри, как там моя Настена поживает, – положив руку на плечо друга, попросил Павел.

Но не успел Вадим ответить, как медвежий полог откинулся.

– И еще, что касательно Андрея, да и вообще... Чем большей информацией о человеке ты владеешь, тем легче тебе будет проникнуть в события.

– Еще раз спасибо, Елена Константиновна.

Раскланявшись с шаманкой во второй раз, они вышли на тропу и зашагали по направлению к Каргийоки. Коди проводила их недолгим взглядом и, усевшись на скамейку подле шалаша, принялась кидать мясо. Маленькие кусочки мяса, пролетев пару метров, шлепались на землю и, издав мышинный писк, стремились зарыться в землю. Но зоркий соенок тут же срывался с ветки и настигал свою жертву.

– Вот как ты думаешь, Хейна, не быть ли беде? – тихо спросила шаманка.

Сова так же негромко ухнула три раза.

– Вот и я так думаю...

Глава девятая Выборы

Если люди не знают, то боги, они все видят наперед.

Вепсская поговорка

На следующий день гости и родня вепсов из дальних и ближних весей съезжались с самого утра и до полудня. Вадим пару раз выходил подышать и слышал всю эту суету. Еще с утра он проводил гонца к князю и теперь наслаждался законным отдыхом. Вчерашняя девчушка принесла ему утром все необходимое, чтобы не испытывать голода целый день.

Павел, занятый хозяйственными хлопотами, под присмотром старейшин встречал всех прибывших – знакомился. Ему удалось забежать к другу, только когда солнце перевалило зенит.

– Ну и понаехало этой родни, – выпалил Павел и, взяв со стола сосуд с квасом, принялся жадно пить.

– Да уж, – протянул Вадим, – я видел. Вот бы их вчера сюда!

– Так Конди посылал к ним.

– Я знаю. Отказались, мерзавцы. За свои шкуры и дворы испугались.

Павел поставил опустевшую емкость.

– Вообще-то тебя старейшины приглашают на похороны, – заявил он, – прислали меня пригласить тебя официально.

– А выборы сразу после? – спросил Вадим.

– Ага. Сразу после похорон, – подтвердил Паша.

– И где?

– Конди похоронят возле Хидена – священной рощи, там же будет общий совет и выборы.

– Добро, – кивнул Вадим, – коли приглашают, то приду.

– Ладно, я пошел, а вечером пришлю за тобой кого-нибудь.

После ухода друга Вадим решил поспать. Смутная боль все еще тревожила ногу, мелкими молоточками стуча по нервам. Но он заставил себя не думать о ране.

* * *

Когда его разбудили, за окошком уже темнело. Вечерняя прохлада потихоньку вытесняла тепло, а солнечный круг, упав за кромку дальнего леса, догорал в верхушках деревьев рубиновым абажуром.

До места обряда, которое находилось недалеко от шалаша шаманки, новгородского десятника проводил Юски, назвавшийся его соседом. Еще издали Вадим заметил несколько горевших на поляне по кругу костров. В центре круга расположилась стройная и раскидистая береза. Вокруг костров стояло множество мужчин. Подойдя ближе, Вадим узнал стоявшего у березы мужика с бубном, которого он видел в сожженной деревне на берегу озера. Рядом с этим мужиком с серьезно-горделивым видом возвышался высокий, по вепским меркам,

человек с посохом.

– Это Капс – наш нойда, – по-словенски сказал Юски.

– Нойда? – не понял Вадим.

– Волхв, по-вашему, – ответил вепс.

Вадим качнул головой, – мол, понял, а про себя подумал: «Шаман он и есть шаман».

Не доходя до священного круга из костров, они остановились.

– Ближе нельзя, – предупредил Юски.

Вадим не возражал. От действия их отделяло не более пяти-шести метров. Место было удобное – обзор хороший. Нойда вепсов держал в руках огромный посох, который венчала фигура вздыбленного медведя. У ног Капса находились носилки, на них лежало тело, укрытое тяжелым темным плащом. На голове покойного была повязана широкая вышитая полоска ткани. По приказу нойды вепсы ближе подступили к кострам, образовав плотное кольцо. Что говорил вепсский волхв, Вадим не понимал, он уловил лишь знакомое по курсу мифологии – Юмал и Ижанд. Насколько помнил Вадим, Юмал – это верховный бог финно-угорского пантеона, или не очень верховный? А Ижанд, что-то типа Хозяина тайги, Хозяина леса, в общем, тоже не последний парень!

Нойда говорил долго, то повышая, то понижая голос. Он иногда потрясал посохом, махал рукой и топал ногами. Затем, прислонив посох к березе, он воздел руки к небу и трижды произнес имя бога. Вепсы хором повторили божественное имя, и над священной рощей разнеслось:

– Юмал! Юмал! Юмал!

Потом Капс указал на тело главы рода и что-то произнес. К нему подошли шестеро крепких вепсов и подняли носилки на плечи. По знаку нойды они пересекли линию костров и двинулись по кругу, слева направо. Они шли медленно, так, чтобы все собравшиеся могли приложить руку к телу Конди, прощаясь с ним. Волхв взял у мужика бубен и ритмично забил по инструменту, извлекая из него короткие монотонные звуки.

Завершив круг, носилки вернули в центр, к березе. Бубен умолк, и шаман в очередной раз двинул речь. На этот раз весьма короткую речь. В конце он вновь упомянул имя бога, указав при этом на тело Конди. Затем он положил ему на грудь медвежью лапу. Те же шестеро вепсов подняли носилки и направились в сторону от костров. Теперь Вадим заметил в стороне холм свежей земли – могила была достаточно просторной, чтобы туда поместились большие носилки. Тело погибшего главы медвежьего рода стали спускать, привязав к носилкам кожаные ремни. Только сейчас Вадим увидел друга. Паша помогал опускать носилки с телом. Нойда что-то коротко вскрикнул и, стоявший рядом старик в длинной рубахе, встав на колени, поместил в могилу высокий сосуд. Шаман воткнул посох с медведем на край могилы у изголовья умершего, затем выхватил бубен и, ритмично ударяя в него, пустился в пляс. В это время родственники взяли деревянные лопаты и стали закидывать могилу землей. Удары бубна стали ускоряться и, когда над могилой вырос небольшой холмик, звуки бубна слились в единый монотонный поток. Нойда последний раз ударил по инструменту и остановил свой ритуальный танец. Замерев на секунду, он воздел руки к небесам и, обессилев, рухнул на могильный холмик.

– Отмаялся, – выдохнул Вадим.

– Еще нет, – ответил Юски.

Трое прислужников подняли утомившегося волхва, бережно перенесли его и уложили у березки. Оставшиеся водрузили на могилку покойного главы рода здоровенный камень. Получилось вполне монументально. Теперь на долгие века камень будет венчать место последнего приюта человека, усыновившего пришельца из далекого двадцать первого века. Но об этом никто не должен даже догадываться.

Костры вокруг березы стали затухать. Постояв в молчании минуту, гости и родственники вернулись к березе, подняли приготовленные факелы и зажгли их. Нойда Капс, кажется, уже пришедший в себя, встал. Ему поднесли его посох.

– Пойдем за ними, – предложил Юски, когда процессия во главе с волхвом двинулась

вглубь рощи.

Проходя мимо могилы, Вадим как-то сам собой поклонился храброму вепсу, ему снова захотелось перекреститься, но он сдержался и лишь мысленно произнес: «Аминь».

Факельное шествие продолжалось недолго. Впереди показался круглый дом, сложенный из вертикально вкопанных бревен. Крыша, как успел оценить Вадим, напоминала крышу юрты, собственно как и все строение целиком. Эдакая большая деревянная юрта или яранга – Вадим не помнил точно, как назывались кочевые жилища финнов. «Возможно, – подумал он, – этот дом – отголосок их прошлой кочевой жизни». Гости не спеша, по одному заходили вовнутрь. У дверей задержался лишь Павел, решив подождать друга.

– Ну, как ты? – подойдя, спросил Вадим.

– Нормально.

– Не робей, – поддержал его Вадим, видя, что на друге буквально нет лица, – я с тобой.

– Брага? – спросил Павел, указывая на висевшую через плечо Юски кожаную фляжку.

– Да, – ответил вепс и, поняв намек, снял фляжку, выдернул деревянную пробку и протянул Паше.

– Вот спасибо, – поблагодарил он и приложился. – Медовая, – слегка причмокнув языком добавил Павел.

Алкоголь приятно разбежался по телу, снял напряжение, тяжело давившее к ночи. Стало немного легче.

– А можно и мне? – спросил Вадим, видя, как порозовели щеки друга.

Юски грустно вздохнул, но возражать не стал. Когда фляга вернулась к владельцу, он встряхнул ее и, поняв, что там осталась только треть, не раздумывая, влил содержимое себе в рот.

– Все, – довольно констатировал вепс, закрывая фляжку.

Втроем они вошли в деревянную юрту. Внутри места оказалось гораздо больше, чем казалось снаружи. Все гости, а это более сорока человек, разместились на скамейках, расставленных по кругу. В центре горел очаг.

– Пячинрахкой, – шепнул Юски, указывая на обложенный камнем священный очаг.

– Пячихрень? – не поняв, переспросил Павел.

– П-я-ч-и-н-р-а-х-к-о-й, – медленно, по буквам произнес Юски в самое ухо Павлу, вколачивая это трепетное для каждого вепса слово в подсознание приемного сына Конди.

Вокруг очага стояли идола вепсских богов. Самый большой кумир с грозным ликом, как догадался Вадим, и был Юмал, других он не знал. Справа от Пячинрахкой на стуле со спинкой, вырезанном из большого пня, восседал нойда Капс с гордо поднятой головой и посохом в руке. Слева от очага на подобном же седалище разместились трое древних старцев с длинными седыми космами и бородами. У всех тоже были посохи, но гораздо скромнее шаманского.

– Это и есть ваши старейшины? – тихо спросил Вадим.

Павел в ответ лишь утвердительно качнул головой. Вадим внимательно присмотрелся, и ему показалось, что один из старейшин слеп.

Заметив их, нойда что-то сказал.

– Приглашает садиться, – перевел Павел, – пойдем.

Друзья, оставив Юски у входа, прошли и сели напротив старейшин. Капс подал знак – внесли братину. Первым произнес тост шаман, отпив немного, передал старейшинам. Братина была настолько большой и тяжелой, что держать и пить из нее им помогал отрок. После старейшин братина пошла «по солнцу». Гости произносили несколько слов и, отпив, сами передавали ее соседу, а отрок тем временем разносил уже выпившим маленькие, но глубокие глиняные тарелки с едой. Когда братина должна была перейти от Паши к Вадиму, нойда что-то громко сказал. Сосед слева встал и с поклоном взял у Вадима братину. «Вот, черт, даже выпить не дали», – подумал Вадим, вспоминая про древний обычай – человеку, не принадлежавшему к роду вепсов, не полагалось касаться общей братины.

Но тут явился отрок с большим кубком и, низко кланяясь, протянул его гостю.

– Ну, вот это другое дело, – едва слышно произнес Вадим и взял кубок. Он встал.

– За храброго Конди! – громко, чтобы все слышали, провозгласил Вадим и отпил из кубка почти половину.

Вепсы одобрительно загудели. И только он опустился на место, как отрок принес две тарелки: ему и Павлу. К их общей радости тарелки были полны крупных кусков мяса.

Гости выпивали, говорили слова и закусывали – поминальный обряд вепсов нравился Вадиму все больше, тем паче что он один из всех имел персональную емкость. А опустевшую братину, тут же наполняли до краев и вновь пускали по кругу. Гости заметно повеселели, стали громко переговариваться.

– О чем это они щебечут? – тихо спросил Вадим друга.

– Конди вспоминают, хвалят, – так же тихо ответил Павел.

– Значит, уважают, – констатировал Вадим и отпил из своего кубка.

Он уже тоже недурственно расслабился и ждал, когда же наступит самое интересное – выборы. Выборы – это истинное демократическое проявление самосознания, наивысшая степень излияния всевозможных человеческих качеств. В общем, выборы – это как кино, вот только попкорна не хватает...

Нойда терпеливо дождался, когда братина закончила третий круг, и только после этого встал и громко призвал всех к тишине, стукнув три раза посохом. Гости притихли. Капс стал говорить. Говорил недолго, но с пафосом.

– Предлагает высказать всем свое слово, – предугадав вопрос друга, перевел Павел.

Первым взял слово один из старейшин. Он сказал всего несколько слов, указал на Павла и сел. Встал второй старец и, также сказав пару слов, ткнул пальцем в Пашу. Вепсы загалдели. Поднялся сосед Вадима, тот, что взял у него братину и громко выкрикнул имя:

– Порки!

Вепсы зашумели еще больше. Потом поочередно вставали многие. Кто-то произносил имя Паша, а кто-то и Порки. Вадим вертел головой, пытаясь угадать, кто из присутствующих Порки, но ему помогли – следующий, кто, поднявшись, произнес имя Пашиного конкурента, указал на высокого вепса. Вадим подался вперед, чтобы лучше разглядеть его. «Ничего, – подумал десятник новгородцев, – разберемся».

А Павел сидел молча, ничего не переводил, видимо, и сам не очень понимал все услышанное, но по тому, как он морщил лоб, было заметно, что, вероятно, очень силился понять. А Вадиму, собственно, и не нужен был перевод – все и так было ясно. Голоса разделились. «Главное, чтобы голосование не затянулось до утра», – подумал Вадим, отпивая из кубка.

Наконец поднялся сам Порки. Это был действительно высокий вепс со светлыми волосами и необычайно длинными руками. «Здоровый лось», – подумал Вадим и стал прикидывать, а не высказаться ли ему самому и поддержать друга.

– Это двоюродный брат Конди.... Вроде по матери, – прервал его размышления Павел.

Вадим промолчал. Тем временем Порки закончил свою краткую речь и сел на место.

– Отказался, – коротко перевел Павел.

– Ага... понятно, самоотвод, – ответил Вадим, допив содержимое своего кубка, – очень хорошо.

Вепсы загалдели все разом. Видимо, сторонники Порки принялись его уговаривать. Но тут шаман грозно рявкнул, потрясая посохом. Угомонились не сразу. Пришлось Капсу еще раз напрячь связки. На этот раз подействовало. В наступившей относительной тишине кто-то все же продолжал бурчать себе под нос, но тут поднялся слепой старейшина. Он говорил медленно, четко выделяя каждый слог. Вадим слышал, как поминается имя Конди, Уллы, Паши, Митты – отца «пойки», еще чьи-то имена...

«Наверное, родню поминает», – решил Вадим и тут же напрягся. Старейшина произнес его имя и, несмотря на свою слепоту, безошибочно указал рукой туда, где сидел новгородский десятник. Когда слепец закончил вещать и сел, никто не проронил ни слова. Но Вадим почувствовал и увидел, что взоры всех присутствующих обращены на него. Он

медленно склонил голову к другу и спросил:

– Чего этот дед тут наплел?

– Он тебя предложил в главы рода, – спокойно ответил Павел.

– Он что, рехнулся или выпил много?! Я же не вепс!

– А он предложил породниться с тобой и выдать за тебя Уллу.

– Да они что, белены переспелой объелись! – громко произнес Вадим.

– Старик говорит – ты всех спас, разбил варягов, убил их главаря и захватил большую добычу, – с улыбкой продолжил перевод Павел, – ты хороший вождь.

Такой поворот событий никак не входил в планы Вадима, и он решил действовать.

– Так, дорогие мои друзья, – он встал, – хватит тут балаган разводить. Ни к чему все это – пустое. Паша есть законный сын Конди, признанный лично им, ну и всем родом, – он говорил по-словенски, но, кажется, его понимали.

Вадим обвел присутствующих пристальным взглядом.

– Только он, – Вадим указал на друга, – должен стать новым главой рода.

Вепсы неодобрительно зашумели. Вадим почувствовал возбуждение и сам не заметил, как перешел на москальский.

– И хватит дискутировать! – резко произнес он, – Парламент – это, конечно, хорошо. Демократия и все такое, но здесь не тот случай. Все предельно ясно и понятно. Урны вскрыты, бюллетени подсчитаны. Павел президент, однозначно.

Собравшиеся притихли, благоговейно внимая его непонятной речи. Вадим по их глазам понял, что сморозил что-то не то, а когда нойда Капс изрек два коротких отрывистых слова, вепсы загалдели вновь.

– Ты чего им по-русски плетешь, у них сейчас будет культурный шок, – шепнул другу Павел.

Вадим понял свою ошибку.

– Спокойно! – попытался уговорить вепсов новгородский десятник, подняв обе руки вверх, и, вновь перейдя на словенский, добавил: – Я состою на службе новгородского князя Боривоя и не могу принять вашего предложения, да и не хочу. Не хочу!

Вадим сел. В наступившей тишине со своего места медленно поднялся нойда. Он громко стукнул посохом и произнес:

– Все слова сказаны. Пора решать.

Глава десятая Заговор

*Зависть застилает глаза – это мука,
Наказание для слабых.*

Порки, двоюродный брат Конди по матери, староста Кангаша, был раздражен, как никогда. Старейшины медвежьего рода выбрали не его. Хотя он сам снял свою кандидатуру, но сделал он это с тайным умыслом. Кто, как не он, был достоин возглавить весь род? Ну конечно же не этот молокосос, невесть откуда взявшийся со своими дружками. Хорошо еще, что один из них сгинул. Но остался другой – Вадим. Вот его стоило опасаться, особенно после его выдумки при обороне Каргийоки.

От всех этих мыслей Порки распирало, как бочонок с хорошо забродившей брагой.

– Глупцы, – в сердцах произнес он, – сожри их лемби... тьфу!

Его люди, возвращающиеся после избрания Павла и трехдневного пира по этому поводу, слышали слова Порки – слышал и Ёлла, его сын. Он поравнялся с отцом и заглянул ему в глаза.

– Ты что-то сказал, отец?

– Глупцы, – повторил Порки, – старые пердуны.

– Отец, зачем же ты сам отказался? – недоуменно спросил сын и тут же получил

смачную затрещину.

– Молчи уже, будешь меня тут учить...

Ёлла не обиделся, но почесал ушибленный затылок. Староста Кангаша ускорил шаг. Они были уже близко к дому. Ему хотелось побыстрее добраться и обнять свою любимую жену. Он знал, он верил, что его мудрая Койва подскажет, поможет найти верное решение. Обида нестерпимо щемила сердце.

Когда солнце перевалило зенит, небольшой отряд вошел в родной Кангаш. Оставив сына распрягать единственную бывшую с ними телегу, на которой они возили в Каргийоки подарки, Порки вошел в дом. Жена встретила его за накрытым столом. Но есть он не стал, лишь выпив квасу, он тут же отошел от стола и присел на супружеское ложе.

– Он? – тихо спросила Койва, присев рядом.

– Он, – зло ответил муж.

Она придвинулась ближе и положила голову ему на плечо, обняла.

– Ты так долго этого ждал, – вкрадчиво начала она, – а этот вообще неизвестно откуда взялся.

– И еще его дружок с ним, забери его Калма!

– Тише, тише, Порки, – успокаивала жена, разглаживая его светлую шевелюру, – не поминай богиню смерти.

– Щенки, – не унимался вепс, – и надо было этому старому пердуну Конди усыновить его. Да откуда они вообще взялись на нашу голову?

Койва взяла мужа за шею, притянула к себе и поцеловала в бородатую щеку. Затем склонилась к его уху и тихо прошептала.

– А кто решил, что он бепся? Может, он и не нашей крови – чужак. Может, они обманули старого Конди?

Порки немного отстранился от жены и пристально посмотрел ей в глаза. Койва, увидев смятение и нерешительность в его взгляде, добавила заговорщицки:

– Он не наш, я тебе точно говорю. А твой брат слепец, раз не увидел обмана. Он пришлый – он не бепся!

Порки понял, куда она клонит. Он отстранил ее и, высвободившись из объятий, резко встал.

– Что же ты мне теперь прикажешь делать?

– Если ты докажешь, что он чужак и обманывает старейшин, – мягко ответила Койва, – то Юмал даст тебе силы и никто не посмеет упрекнуть тебя. Испокон веков в нашем роду не было такого позора, чтобы бепся управлял чужак.

Староста Кангаша обернулся и опустился перед ней на колени.

– С ним же этот словен – победитель варягов, – он на секунду замер, глядя на ее ласковую улыбку, – хотя он служит новоградскому князю и скоро уйдет, – сам себе ответил Порки.

– Это будет прекрасный момент, – вкрадчиво произнесла жена.

Но вепс, будто что-то вспомнив, опять вскочил, поднявшись с колен.

– Но Конди обещал князю сотню воинов, а их должен повести глава рода....

Койва легко поднялась с ложа и подошла к мужу. Она игриво склонила голову набок и тихо произнесла:

– Значит, надо раньше.

Их тайный совет продолжался еще несколько минут, после чего в дом вошел Ёлла, и Койва, отстранившись от мужа, тут же поспешила накормить их единственного наследника.

Порки вышел во двор, становилось прохладно. Он сел на крыльцо и стал перебирать в памяти всех, на кого можно было положиться в Кангаше, чтобы осуществить такое серьезное дело.

Через два дня верные люди ему доложили, что новый глава медвежьего рода вместе со своим дружком словенином почти каждый вечер навещает старую Коди. Они якобы приходят к ней едва стемнеет и задерживаются допоздна. Ходят всегда вдвоем, без охраны.

Подслушать, о чем ведется разговор в шалаше шаманки, не удалось, как ни старались.

* * *

На этот раз Порки не стал советоваться с женой. Он отважился принять решение самостоятельно. Собрав десяток особо преданных человек, он тайно выступил по направлению к Каргийоки. В последний момент он хотел было взять с собой сына, но передумал.

К вечеру, пройдя священную рощу Хиден, вепсы во главе с Порки, охватили жилище Коди полукольцом, оставаясь на приличном расстоянии, дабы не выдать своего присутствия. Смеркалось. Темные плащи кангашцев надежно укрыли их в засаде.

Ждать им пришлось не долго, на тропе, ведущей к шалашу шаманки, показались двое. Порки, несмотря на темноту, узнал их сразу. Они шли не таясь и разговаривали на непонятном ему языке. Он видел, как они спокойно подошли к шалашу и вошли внутрь. Он так боялся их спугнуть, что даже перестал дышать. Порки перевел дух, сделав несколько глубоких вдохов. Теперь можно было немного расслабиться – птичка залетела в клетку. Он подал своим людям сигнал рукой, и они стали осторожно приближаться к шалашу. Шли очень медленно, стараясь не наступать на ветки и не вспугнуть добычу. Впрочем, отобранные для задания вепсы были опытными охотниками и со своей задачей справились на отлично. Они прокрались почти вплотную, залегли и замерли в ожидании. Пятеро самых крепких вепсов оказались рядом со входом. Двое из них держали наготове мешки, двое веревки, а пятый сжимал в руках увесистую дубину. Сам Порки осторожно обогнул шалаш и перекрыл ведущую в поселок тропу. Остальные притаились за жилищем шаманки. Порки был доволен. Охотничий инстинкт не подвел его – засада была организована по всем правилам. Теперь оставалось только ждать.

Солнце полностью скрылось, и августовская ночная темнота захватила лес в свои плотные объятия. Порки ждал. Ему показалось, что он ждет уже очень долго, он начал терять терпение, нервно теребя свою густую бороду. Но предвкушение собственного триумфа, когда он выведет этого чужака на чистую воду, помогло совладать с нетерпением.

Где-то близко ухнула сова. Порки вздрогнул и огляделся, прервав свои мечтания. Сам не зная от чего, он вдруг вспомнил слова жены: «Ты, только ты достоин стать главой рода».

Полог шалаша легонько дрогнул от близкого движения внутри – вепсы приготовились. Первым вышел названный сын его двоюродного брата, а следом за ним словенин. Вепсы позволили им отойти на десять шагов и только теперь разом кинулись на них. Порки сам не атаковал, он следил, все ли пройдет гладко, хотя и был готов в любой момент прийти на помощь своим кангашцам. Порки видел, как его люди быстро накинули мешок на голову нового главы рода, повалили его и начали скручивать веревками. А вот с новгородским десятником не вышло. Он уловил движение сбоку, резко дернулся в сторону и нацеленный в его голову мощный удар дубины прошел мимо. Дубина свистнула над его головой, а вепс по инерции размаха покачнулся и ловкий словенин ускорил его нападение пинком под зад.

– Пашка!!! – отчаянно взревел новгородец, заметив, как его друга уносят в темноту леса.

В следующий миг на новгородца напали сразу двое с мешком и с веревкой. Порки прищурился, чтобы лучше видеть в темноте, и заметил, как их противник тенью метнулся в сторону. Тут же раздался сдавленный крик. Порки больше не стал ждать, он выхватил из ножен короткий, но широкий нож и поспешил на помощь. Повинуясь отданному заранее приказу, трое, скрутившие приемного сына Конди, вскинули его на плечи и бросились со своей ношей в лес. Подбегая с ножом в руке, глава кангашцев увидел, как медвежья шкура, закрывающая вход в шалаш, откинулась и появилась Коди. Она, вооружившись своей клюкой, не раздумывая, ринулась в битву.

– Ах вы тати ночные! – воскликнула шаманка, поудобней перехватывая посох.

Порки вскинул нож, но в горячке споткнулся о чье-то тело и упал, больно ударившись

локтем. Еще не успев подняться, он услышал отчаянный крик одного из вепсов и понял, что это может быть только предсмертный крик. И уже поднимаясь, он услышал, как хрустнула о чью-то спину шаманская клюка. В следующую секунду Порки уже стоял на ногах. Словенин коротким и резким выпадом всадил нож в брюхо еще одному вепсу. Раздался истошный крик, и Порки успел вспомнить, что это уже третий. Пораженный вепс с хрипом упал. Прямо перед головой кангашцев оказалась старая Коди с обломком клюки в руке. Их взгляды встретились. И ему показалось, что она узнала его.

Краем глаза Порки узрел, как сразу трое вепсов накинудись на новгородца и повалили его. Порки невольно улыбнулся. Но радоваться было некогда, старая шаманка как безумная кинулась на него с обломком клюки, что-то дико выкрикивая. Увернуться было несложно, и Порки, уклонившись, со всей силы и злости ткнул ее в живот. Нож вошел по самую рукоять. Он резко отдернул руку, как будто испугавшись содеянного. Шаманка опустила голову и с глухим выдохом выдернула нож из своего тела. Коди отшвырнула оружие и, зажав рану обеими руками, тихо произнесла по-вепски:

– Лемби и Калма... духи леса, – она вздрогнула всем телом, – и духи воды... заклинаю вас, пресеките его... подлое семя... заклинаю вас, пресеките, – шаманка протянула дрожащую руку, указывая на своего убийцу.

– Да пошла ты, старая ведьма, – Порки зло сплюнул ей под ноги, – боги на моей стороне.

Она покачнулась и стала оседать. Медленно опустилась сначала на колени, продолжая что-то еще шептать, а затем, завалившись на бок, упала. Где-то совсем рядом громко ухнула сова...

Порки обернулся – его сейчас больше занимало барахтанье у шалаша, где этот изворотливый словенин умудрился порезать еще одного из его людей. Глава кангашцев видел, как новгородец с хрустом вырвал шест из опоры жилища старой ведьмы и теперь, перехватив его как копье, отбивался от двоих оставшихся вепсов. «Вот чертово племя», – негодуя, подумал Порки. Он нагнулся и поднял оброненную кем-то из его вепсов дубину.

– Юха, Корти, отгоните его от шалаша, – громко приказал Порки своим людям.

Он сам, вооружившись дубиной, стал обходить новгородца сзади. И тут, видимо, этот, из чертового племени, заметил маневр и, издав боевой словенский клич «Мать вашу!», молниеносно ткнул Корти своим шестом, да так, что тот, тоненько ойкнув, выронил нож и схватился за больное место. И через секунду над лесом разнесся крик боли и отчаянья. Бедный Корти нащупал лопнувшее от удара яйцо... или они лопнули оба?...

Теперь нападавших осталось только двое. Но Порки, приблизившись, заметил, что их противник припадает на одну ногу, а волосы его слиплись и, кажется, именно от крови.

– Юха! Вперед! – подбодрил глава кангашцев своего оробевшего воина.

– Ну, иди сюда, сучья морда, – громко и с издевкой сказал новгородец по-словенски, – сейчас ты у меня тоже без ятребы⁴² останешься.

Молодой вепс понял его речь и засомневался.

– Юха, бей! – скомандовал Порки, и они почти одновременно кинулись на врага. Юха с ножом, а Порки с дубиной. Им показалось, что вот сейчас они сомнут этого новгородца, но тот перехватил шест за середину и встретил их хлесткими ударами по корпусу. Староста Кангаша сумел отбить только один удар, но второй пришелся аккуратно по ребрам, третий прошел туда же. Судя по звонким щелчкам и глухому стону, Юха не отбил не единого удара. И когда молодой вепс согнулся, новгородец перевел шест в положение копья и ткнул ему прямо в лоб. Юха громко пукнул и кулем свалился наземь. Но Порки этого уже не видел. Он сумел отскочить в сторону и, перехватив дубину наподобие сулицы, метнул ее в противника. Бросок удался. Порки видел, как увесистая палка угодила новгородцу в голову. Он пошатнулся, выронил шест и упал. «Готов!» – радостно подумал глава кангашцев. Сделав

⁴² Ятреба – мошонка.

несколько шагов, он подошел к поверженному словенину. Порки поднял дубину и потыкал ею в грудь новгородца.

– Точно, готов, – убеждая себя, проговорил он и тут же заметил отблески факелов на тропинке, ведущей в поселок.

Двоюродный брат Конди – организатор ночного нападения, поудобнее перехватил дубину и побежал в сторону Кангаша. Его провожали встревоженные людские крики за спиной и уханье совы, которая этой ночью так и не дождалась обычного угощения от шаманки. Впрочем, как и во все последующие ночи...

Глава одиннадцатая Плен

*Твои оковы невидимы снаружи.
Твои оковы только внутри тебя.*

Паша проснулся в каком-то сарае, на ворохе жесткой соломы. Он устало сел – голова раскалывалась, как от похмелья. Он огляделся. Небольшой сарай из плотно подогнанных бревен. Маленькое оконце, через которое проникал дневной свет и немного свежего воздуха. Слева была небольшая перегородка, за ней хрюкали. Он встал, подошел к перегородке и заглянул через нее.

– Хрюшки, привет, – неосознанно произнес пленник.

Два здоровенных хряка приветствовали своего вынужденного соседа глухим кхру-хрю.

– Что «хрю-хрю»? – передразнил их Паша. – Воняете вы, братцы, здорово.

Павел зажал нос рукой, зажмурился и потряс головой.

– Что за бред? – он еще раз огляделся. – Вадя! – позвал он. – Вадя!

– Кхру-хрю, – обрадованно ответили хряки.

И тут он вспомнил шалаш шаманки... мешок на голове... тугие веревки... крики Вадима, а потом... А потом был удар по темечку – и больше он ничего не помнил.

– Так... – многозначительно протянул Павел, заметив дверь в свинарнике, – что за квадратный армейский юмор?!

Он подошел к двери, попробовал открыть. Она оказалась заперта снаружи.

– Так... это что получается... я типа в плену? Эй! – крикнул Павел, ударив ногой по дверным доскам. – Кто посмел так обращаться с главой рода?!

Ему вновь ответили хряки.

– Кхру-хрю!

– Воды дайте, – потребовал пленник, продолжая колотить в дверь, – слышите, сволочи, дайте воды! Вы что, по-русски не понимаете?

И тут он спохватился.

– Вот черт... Пить хочу, – уже по-вепски добавил Павел. – Дайте пить!

Услышав знакомое и очень нужное именно сейчас слово «вода», хрюшки оживились и тоже присоединились к требованиям случайного соседа. Павел обернулся и посмотрел на животину.

– Слышите! Скотина тоже пить хочет!

Он поколотился еще минуту, но к двери никто не подошел.

– Внеплановый опрос на ваши головы, – пригрозил пленник и расстроенный вернулся на прежнее место.

– Нет, вот ведь сволочи...

Павел задумался. «Кто бы это мог быть? – размышлял он. – И где Вадя? Неужели тоже где-нибудь в свинарнике?».

– Нет, – вслух произнес вынужденный сосед хрюшек, – не может быть, чтобы Вадя им дался. Если бы его тоже повязали, то был бы тут, со мной.

Он крепко зажмурился, досчитал в уме до десяти и резко открыл глаза. Свинарник не

исчез, хрюшки были на месте, а Вадима не было.

– Ну, если Вадя им не дался, то он придет... точно придет и выручит. Ух, он вам устроит! – громко произнес Павел, погрозив кулаком невидимым врагам за дверью.

Пленник еще что-то пробурчал себе под нос и под мелодичное похрюкивание свиней уснул. Почему-то именно сейчас ему приснилась Улла, но с глазами Насти, его далекой невесты, оставшейся в двадцать первом веке.

Его разбудил скрип открывающейся в свинарник двери. Он проснулся, но глаза не открыл, решив прислушаться. Как ему показалось – вошедших было двое.

– Ёлла, – произнес грубоватый голос по-вепски, – налей свиньям.

Павел распознал плеск выливаемой в корыто воды. «Черт, как же хочется пить», – подумал он, облизнув губы. Затем пленник услышал, как кто-то подвигает к его ногам что-то тяжелое, и решил открыть глаза. Перед ним, на бочке, сидел бородатый и длиннорукий вепс в темно-зеленой рубахе и широких серых штанах. «Это же, кажись, Порки, двоюродный брат Конди», – вспомнил Павел, но решил проверить свою догадку и спросил:

– Ты кто? И что тебе надо?

– Не крути, щенок, – зло сказал Порки, – ты знаешь, кто я!

– Допустим, – ответил пленник, поднимаясь с соломы.

Глава Кангаша смерил его презрительным взглядом.

– Откуда ты взялся на наши головы? – спросил вепс, когда пленник сел.

– Откуда взялся, там уже нет...

– От тебя одни беды и несчастья нашему роду, – произнес Порки, пропустив издевку пленника мимо ушей. Он уперся руками в колени, склонился и вновь спросил: – Отвечай! Это ты навел варяг на Копиярве и Каргийоки, это они прислали тебя и твоих дружков следить за нами?

Паша широко раскрыл глаза и немигающим взглядом уставился на своего похитителя.

– Ты с ума спятил? – от такого чудовищного обвинения голос Павла слегка дрогнул. – Какие варяги? Какое Копиярве?

– Отец, он издевается, – изрек Ёлла, отшвыривая пустое деревянное ведро в сторону.

– Деревню у озера сожгли не по твоему наущению?

Пленник отпрянул назад, от Порки несло чесноком, как будто тот специально его нажрался, словно идя на встречу с нечистью.

– Да мы с Вадимом Каргийоки защищали, – резонно заметил Павел.

– Лжешь, ты не бепся, ты варяг! – прокричал Порки.

– Да пошел ты, дядя! – в сердцах, сквозь зубы выдавил пленник.

Он хотел приложить его еще парой крепких словечек, но не успел. Кулак Порки пришелся ему прямо в глаз. Паша не любил драться, особенно по трезвяку, так, случилось иногда – перебрав пивка, он принимал участие в дискотечных потасовках, но это, как он сам признавал, этап подросткового становления. Удар откинул пленника на солому, но он быстро совладал с собой и из положения лежа пнул бочку под задницей Порки. Удар двумя ногами вышиб седалище, и староста кангашцев смешно кувырнулся назад. Паша почувствовал, что вскипает, резко вскочил и кинулся добивать противника, совершенно забыв про второго вепса.

Ёлла, видя кувырок отца, подскочил к пленнику и, обхватив его за плечи, повалил на солому. И все же Паша успел двинуть пару раз Порки по морде. Сыночек был ниже пленника, но зато пошире в плечах, и его крепкая хватка почти обездвижила Павла. И тогда он, не раздумывая, ударил головой назад, прямо тому в нос. Вепс взвыл, как раненый кабан, хрюкнул и разжал хватку. Паша добавил ему локтем под дых, но тут же сам получил ногой в грудь, потом два раза в живот, потом еще раз в подбородок. Он извивался, инстинктивно закрыв лицо руками, попытался подняться, но сыпавшиеся на него удары ног не дали осуществить задуманного. Через несколько секунд Ёлла, совладав с болью в травмированном носе, присоединился к отцу. Две пары ног месили стройное тело нового главы медвежьего рода, как молотилка комбайна.

«Включите музыку! Я опять на дискотеке!» – последняя мысль сверкнула в голове пленника и он, потеряв счет наносимым ударам, отключился...

* * *

Порки явился домой раздраженный и с фингалом под глазом. Молча прошел к столу, сел. Жена, заметив, что муж не в духе, тут же принесла ему прохладной браги. И, подождя, пока он выпьет, вкрадчиво спросила:

– Он еще жив?

– Не знаю, – огрызнулся Порки, – может и жив.

Койва налила ему еще полкружки.

– Он что-нибудь сказал?

– Нет. Ничего важного для нас, – он разом выпил брагу.

Жена вдруг изменилась, безмятежность сошла с ее лица и она четко произнесла:

– Я утром ходила на лесную поляну. Просила помощи у Пойдемаг⁴³ и она указала мне, где растет пой-трава.

Вепс отставил кружку и недоверчиво посмотрел на жену.

– Я нарвала ее и приготовила отвар, – продолжила Койва, – дашь ему выпить.

– И что?

– Не успеет солнце зайти за черту, как он расскажет тебе все, что знает!

Она встала и, подойдя к печке, достала из-за нее небольшую кожаную фляжку на длинном ремешке.

– Вот здесь отвар из пой-травы, – сказала она, протягивая мужу емкость.

– Что, прямо сейчас?

– Он должен выпить вечером, а ты будешь ждать, и когда его глаза станут квелыми, можешь спрашивать о чем угодно.

– И он скажет правду? – не поверил Порки.

– Всю... правду!

Он принял флягу от жены и повесил ее через плечо.

– Отец, – дверь резко отворилась, в дом вбежал запыхавшийся Ёлла.

– Ну что, помер?

– Да нет, живой, – отмахнулся сын, – вернулись наши из дозора.

Ёлла сел на лавку, переводя дыхание.

– Ну, – поторопил его отец, – не тяни!

– Говорят, ворота Каргийоки закрыты, – немного отдышавшись, начал доклад сын, – внутри тихо, трупы наших сложены на телегу и стоят в поле, за воротами.

Койва принесла сыну квасу и он, кивнув матери, жадно прильнул к кувшину, немало пролив на рубаху. Мать наклонилась, осмотрела разбитый нос Ёллы с подсохшей кровью в ноздре. Она легонько дотронулась до его носа.

– Не сломан, – заключила она и вернулась к столу.

– Не хоронят... догадались... – произнес погруженный в раздумья Порки.

Затем он стремительно поднялся и подошел к сыну.

– Слушай, Ёлла, – он обхватил его за плечи, – возьми людей и встань на дороге. Если они пошлют к нам кого-нибудь, перехватишь их.

– Убить? – выпучив на отца остекленевшие глаза, спросил Ёлла.

– Дурак! – Порки угостил сына оплеухой. – Не убивать, а задержать, пока я не выведаю у этого щенка всей правды.

* * *

⁴³ Пойдемаг – хозяйка поля – дух.

Вечером, когда солнце скрылось за горизонтом, Койва ждала мужа домой. Она сидела за столом, разложив перед собой пучки сухой травы и мелкие камушки.

– Пойдемаг, Пойдижанд... дай силы, – шептала она, перебирая пучки трав.

Горящая лучина хорошо освещала не только стол, но и ее озабоченное, тревожное лицо. Ее светло-русые, почти белые волосы были распущенны и ниспадали на открытую грудь. Она поправила спущенное до пояса платье и взяла в одну руку пучок травы, а в другую три крупных камня.

– Пойдемаг... Пойдижанд, и ты, мудрый Хиж, вспомни о моем муже.... Вспомни о моем сыне.

Прикрыв глаза, Койва, крепко сжав камни, отвела руку в сторону, а пучком травы стала медленно водить по шее, груди и животу.

– Мудрый Юмал...

Ее шепот оборвал скрип входной двери, она резко дунула, погасив лучину.

– Койва! – зло позвал ее вошедший муж. – Что за темень?

– Сейчас... я зажгу, – спокойно ответила жена, натягивая платье на плечи.

Порки на ощупь прошел к столу, сел и провел ладонью по столешнице. Стол был пуст.

– И подай браги, – приказал он.

Запалив лучину от углей в печи, Койва принесла браги и только теперь спросила:

– Помогла пой-трава?

Порки недобро взглянул на нее и залпом осушил крынку с брагой.

– Да провались ты со своей травой! – грозно изрек он, отшвыривая пустой сосуд в сторону.

Кринка с глухим звоном разбилась о печку.

– Ты накличешь на нас гнев Пойдемаг, – ничуть не испугавшись, ответила Койва, – ее пой-трава – верное средство.

Порки ничего не ответил. Подперев ладонью широкий лоб, он громко сопел, как кузнечные меха.

– Он что-нибудь сказал тебе? – спросила жена.

– Сказал! – рявкнул вепс, поднимая голову. – Сказал! Только я почти ни слова не разобрал.

– Совсем ничего?

– Он бормотал на странном, незнакомом языке, – огрызнулся Порки, – я не знаю, чей это язык! Я не понял ни слова.

– Ни единого слова? – не поверила жена.

– Нет, – резко изрек муж, – он говорил о каком-то злом боге Энкаведе, а когда я собрался уходить, сказал, что я должен учить какой-то москальский и что скоро к нам придет великий воин и всех нас убьет!

– Что за воин? – испуганно спросила жена.

– Кажется, он назвал его – Пипец!

* * *

Когда Порки вошел в свинарник, Павел лежал на соломенной подстилке и тихонько охал. Вепс приблизился, снял флягу с плеча и бросил рядом с пленником.

– Пей! – приказал Порки.

Павел с трудом приподнялся, болели ребра, живот, спина, но, главное, лицо он уберег. В темноте он нащупал флягу, выдернул деревянную пробку и стал пить принесенный отвар. Опустошив всю флягу, он отбросил ее под ноги вепсу.

– Мог бы и пивка принести... изверг!

Порки поднял бочку и сел напротив пленника. Павел тоже сел. Поерзал на соломе, устраиваясь поудобнее.

– Ну и что? – спросил он, подняв руки в боксерской стойке. – Будем драться или разговоры разговаривать?

Вепс не ответил, он ждал, когда подействует отвар из пой-травы. Он не очень верил в эти бабьи штучки, но решил испытать. Ему во что бы то ни стало надо было выбить признание из этого новоявленного главы медвежьего рода.

В свинарнике было темно, и Павел не мог видеть глаз своего похитителя, однако он знал, чувствовал, что тот его разглядывает.

– Хорошо видишь в темноте? – спросил вдруг пленник.

– Хорошо, – почти мирно ответил вепс.

Сидеть было неудобно, болел копчик. «Сволочи», – подумал Павел и медленно лег, прислушиваясь к затихающей боли в спине, а потом осторожно повернулся на бок.

– Так что тебе надо?

– Правду.

– Какую правду, Порки? – спросил пленник по-вепски, сплевывая застрявшую во рту травинку из отвара. – Устроили тут НКВД.

Последнюю фразу он произнес по-русски.

– Что? – не понял вепс.

– Эн-ка-ве-де, – медленно ответил Павел, разделяя каждый слог, – это такой древний бог.

– Чей бог? – искренне удивился Порки.

– Дурак ты, Порки.

Неожиданно Павел почувствовал необычайное тепло внутри. Оно охватило желудок и устремилось вверх. Пленник икнул, а затем громко рыгнул, напугав хрюшек. Свиньи встрепнулись и, вскочив на ноги, весело захрюкали. Паша ощутил, как тепло добралось до горла. Последовала серия на удивление громких отрыжек. Звук в ночной темноте разнесся по всему сараю. А хрюшки, решив, что с ними ведут беседу, активно ее поддержали.

– Смачная такая отрыжка, – икнув, произнес Павел.

Свиньи не унимались и активно забавлялись в загоне.

– Тихо там, – рявкнул на скотину Порки.

Тепло подкатило к горлу и, оставив во рту сладковатый привкус, ударило в голову. Паше показалось, что он немного захмелел.

– Прикольно, – произнес он по-русски, – а нет ли у тебя еще чего попить?

– На каком языке ты говоришь? – спросил вепс. – Ты ведь не бепся, не тягалажет.⁴⁴

Паша хмыкнул и ответил по-вепски:

– Дурак ты, Порки!

– Кто ты? Откуда?

– Опять в НКВД играешь? – пленник вновь перешел на непонятный вепсу язык.

Порки, услышав имя древнего бога, спросил с интересом:

– Что за бог этот твой Энкаведе?

Хмель в голове Павла разошелся и немного взбодрил.

– Энкаведе, – ехидно передразнил он вепса, делая ударение на последний слог. И вдруг, резко став серьезным, пригрозил: – Не поминай имя бога всеу!

– Что? – не понял Порки.

– Не буди лихо, – Паша опять икнул, – пока оно тихо!

Хряки, издав прощальный хрюк, успокоились и улеглись, больше не мешая людям говорить о высоком.

– Чей это бог? – не унимался вепс, заинтригованный неведомым представителем неизвестного пантеона.

Паша, почувствовав прилив сил, сел, поднявшись без труда.

⁴⁴ Тягалажет – живущий на данной территории, здесь – местный.

– Надо же, не болит, – сказал он по-русски, ощупывая себя, и тут, вспомнив о вопросе Порки, ответил по-вепски: – НКВД – великий и кровожадный бог москалей!

– Бог войны?

– Хуже! Это злой бог мести... я тебе сейчас расскажу.

Тут Павел как-то незаметно для себя перешел на русский, ибо его вепского словарного запаса все равно бы не хватило.

– Слушай, деревенщина необразованная, сейчас я тебя просвещу....

Его монолог длился не менее десяти минут. Паша во всех красках пытался объяснить озадаченному вепсу историческое значение в судьбах москальского народа бога НКВД. Веп слушал, как замороженный, и не перебивал. Павел поведал ему обо всех сложностях и перипетиях в жизни товарища Берии – главного жреца бога НКВД. Упомянул и основателя культа этого бога – товарища Сталина. Рассказал и о тех жертвах, что приносили жрецы на алтарь этого кровожадного бога.

Веп слушал и не понимал, но часто вылетавшее из уст пленника имя бога заставляло его внимать рассказу с некоторым трепетом. Порки очень уважал богов, особенно древних. А жесты, которыми пленник сопровождал свое повествование, только усиливали его впечатления. Он пытался вспомнить, от кого он мог слышать имя Энкаведе. Он много общался со словенами – у них нет такого бога. Он ездил в борг к варягам, возил им дань, но и там не слышал об этом боге. И это укрепило его в вере, что пленник не их рода-племени, не бепся, а значит, он обманул его двоюродного брата, обманул всех! Хитростью вошел в доверие и захватил власть в медвежьем роде. Его власть – власть Порки.

– Хватит! – прорычал вепс. – Замолчи! Нам не нужны чужие боги. У нас есть наш Юмал, только он властен над бепся!

Оборвав свой экскурс в историю, Павел на секунду умолк.

– Дурак, ты, Порки, – спокойно произнес он по-вепски.

Порки резко поднялся.

– Не хочешь говорить, кто ты – и не надо! Я знаю, что ты не бепся – и этого достаточно. Завтра я пошлю к старейшинам, и весь наш род... все люди узнают о твоём обмане.

– Ой, напугал, – икнув, ответил пленник.

– Тебя отведут в лес, привяжут к дереву, – продолжил свои угрозы Порки, – ты станешь отличной жертвой для нашего медведя.

Порки развернулся и сделал шаг в сторону двери.

– Учил бы ты москальский, – бросил ему в спину Павел, – может, понял бы чего в жизни... но уже поздно. Скоро придут наши воины, и наступит вам великий Пипец!

Сказав это, пленник блаженно прикрыл глаза и завалился спиной на солому. Порки, пнув дверь ногой, вышел. Последнее, что услышал Павел – это звук опускающегося засова и посапывание хряков за перегородкой. «Экзамен окончен – всем по двойке, а тебе, красавчик, – кол!» – что это была за шальная мысль, Паша и сам не понял, – он крепко уснул.

Ему опять приснилась Улла, хотя он чертовски хотел увидеть во сне свою Настеньку, лицо которой уже начал забывать. Он хотел приблизиться к ней, а она ускользала... Он протягивал руку, а там пустота... он чувствовал на губах ее поцелуй, но во сне открывал глаза и опять Улла. Улла? Ну, что за жизнь?

Глава двенадцатая За други своя

Мертвым – земля, а живым – время.

Вадим очнулся от топота и криков десятков людей. Он дернул головой и открыл глаза – свет факелов сразу ослепил. Он приподнялся на локтях и ощупал лоб. Прилетевшая откуда ни возмись дубина содрала кожу на голове и набила приличную шишку.

– Вашу мать! – выругался десятник, дико озираясь по сторонам.
Первым он узнал Юски. Тот отдал свой факел соседу, нагнулся к Вадиму и спросил:
– Жив?
– Жить буду, – подтвердил Вадим.
Юски помог ему подняться.
– А где Паша? – спросил Вадим, растерянно оглядывая поле боя.
– Уже ищем, – заверил его Юски, – ищем...
И тут Вадим заметил Елену Константиновну. Она лежала на боку, зажав руками живот.
– Жива? – с надеждой в голосе спросил Вадим.
Стоявший рядом белокурый вепс отрицательно покачал головой.
– Суки! Ироды! – по-русски воскликнул Вадим. – Убью гадов!
Голова внезапно закружилась, к горлу подступил тошнотворный комок.
– Воды дайте, – попросил он.
Кто-то протянул ему кожаную флягу. Вадим выпил половину, а остатки вылил себе на голову. Немного полегчало.
– Кто это мог быть? – громко спросил Вадим по-словенски. Он знал, что многие вепсы понимают язык новгородцев.
– Кажется, это наши, – неуверенно ответил белокурый.
– Наши должны все по домам сидеть! – огрызнулся Вадим.
– Эти не из нашего городища, – ответил Юски.
Белокурый, склонившись к одному из тел, воскликнул:
– Так это же Корти!
– Что еще за Корти? – спросил новгородский десятник.
– Корти из Кангаша, – отвечал белокурый, – ой, он дышит.
К Вадиму подошел Валуй с двумя новгородцами.
– Мы проверили следы, – начал он доклад десятнику, – ушли четверо, трое несли что-то тяжелое.
– Пашу?
– Похоже, они забрали его с собой, – предположил Валуй.
– Суки! – Вадим потрогал разбитую губу и, сплюнув кровь, спросил: – Ну, что там этот ваш Корти, очухался?
– Да, вот только у него яtreба лопнула, – ответил белокурый вепс, возившийся над телом кангаша.
– Валуй! – позвал десятник. – Давай этих татей к поселку, только за ворота не смей их заносить... а этого, – он указал на Корти, – под замок... завтра спросим с него за все.
– А если они Пашу убьют? – тревожно спросил Юски.
– Хотели бы убить, прямо тут бы убили, – зло ответил Вадим, – нет, – он мотнул головой, – тут кто-то что-то другое замыслил.
Вепсы тем временем привели в чувство пленного кангаша, и к тому мгновенно вернулась боль в разбитой мошонке. Он дико взвыл, когда его попытались поднять, и что-то быстро закричал, поминая Юмала, родной Кангаш и понося имя Порки.
Вадим, облокотившись на плечо Юски, сделал несколько шагов.
– Что он там лепечет про какого-то Порки?
– Порки – староста Кангаша, двоюродный брат Конди, – ответил Юски.
– Уж не тот ли, что отказался сам возглавить род на совете?
– Он, – подтвердил вепс.
– Ясно, – заключил Вадим.
Вепсы подняли стонущего пленника и поволокли в Каргийоки.
– Не жилец, – тихо проронил Валуй.

* * *

Прибыв в Каргийоки, Вадима проводили до дома Юски и Валуи. Перевязать и смазать раны новгородского десятника Юски попросил свою жену. Однако не успела она приступить к осмотру ран, как в дом вошла Улла. Она держала в руках миску, от которой исходил пар и кисловатый запах запаренной травы.

– Он жив? – спросила она по-словенски, подходя к Вадиму.

– Уверен, что да! – твердо ответил он. – И мы его вернем и накажем всех, кто виновен.

Вадим понял, что последние слова он изрек с некоторым пафосом и поспешил добавить обыденно:

– Не переживай, завтра же все уладится.

Улла поставила принесенную миску на край ложа и принялась помогать жене Юски перевязывать Вадима. «Черт, как приятно», – подумал десятник, ощущая, как две пары женских рук осторожно обрабатывали его раны. А дел у них хватало. У Вадима были повреждены мышцы на левом бедре – укол ножа. Была неглубоко порезана левая рука. Имелись порезы и на правой руке, а также на плече. Большая шишка на лбу от удара дубиной болела больше, чем все другие раны. Но что было самое неприятное, так это тошнота. «Сотряс, однозначно», – решил Вадим, отгоняя очередной приступ дурноты. Кроме того, потревожились и недавние раны, особенно едва сросшийся нос. Улла уловила признаки тошноты у пациента и тут же предложила ему выпить принесенный ею отвар. Вадим подчинился. Выпил – и ощутил облегчение. Обильно намазанный мазями, перевязанный и напоенный целебным отваром, он почувствовал, что засыпает. Женщины, закончив свои труды, тихонько вышли. Вадим блаженно опустил голову на кровать. «Ничего, дружище, держись, завтра мы их всех достанем», – подумал он, прежде чем уснуть.

* * *

На следующее утро только что отремонтированные ворота Каргийоки остались закрытыми. Перед ними снаружи поселка стояла выпряженная телега с пятью трупами. Коров и коз на пастбище Вадим упросил старейшин не выгонять. Убедив их, что может последовать новое нападение, мало ли что можно ожидать от этого дурного Порки. Допрос тяжелораненого пленника не дал ничего нового. И без того доказательства вины кангашского старосты были налицо. Когда солнце миновало верхний предел, Вадим попросил старейшин собраться в большом доме главы рода. Новгородский десятник объявил им, что намерен вернуть своего друга силой. Старики неожиданно воспротивились, указав на то, что негоже проливать кровь сородичей. А если Порки виноват, то это следует доказать и решить вопрос мирными способами. На что Вадим резонно заметил, что если бы Порки желал уладить дело полюбовно, то уже давно известил бы старейшин. А так как он до сих пор этого не сделал, то заслуживает сурового наказания. Старики ворчали, не соглашаясь. Тогда Вадим прибег к открытому шантажу, объявив им, что если они не поддержат его в праведном деле освобождения из неволи главы медвежьего рода, то он со своими новгородцами лично отправится в Кангаш и разнесет там все в пух и прах, но друга вызволит. Также он не забыл напомнить упрямым вепсам, кто им помог в битве с ярлом, и кому они, собственно, обязаны до конца дней своих – ведь сами же клялись, и никто за язык не тянул! Припомнил он и их желание сделать его, Вадима, главой рода, но он отказался в пользу друга, вепса по крови, и якобы дал в Хидене священную клятву помогать ему во всем. Для острастки Вадим приложил еще несколько крепких слов по-москальски. Они, конечно, дословно не поняли, но общий смысл уловили, тем более что сказаны эти слова были с чувством, с расстановкой и с большим напором и ораторским мастерством. Кроме того, выступление сопровождалось красноречивыми жестами. Спасибо институтскому курсу риторики.

– Так что надо решать! И решать немедленно! – закончил Вадим свое бурное выступление.

И, заметив колебание в рядах старейшин, добавил:

– Видят боги, скажу князю Боривою, как вы блюдете дружбу с ним и не желаете помогать его людям!

Вепсы нервно заерзали на скамьях. «В точку», – подумал Вадим. Старейшины о чем-то недолго пошептались, а затем нойда Капс огласил всеобщее решение:

– Совет согласен с твоими словами, храбрый воин, наши люди пойдут с тобой. Я тоже отправлюсь с вами, дабы свершилась праведная воля великого Юмала и были наказаны недостойные, хотящие называться бепся!

– Вот и ладно, – хлопнув себя по коленке, констатировал Вадим, – тогда определите тех воинов, которые пойдут со мной... Я скажу, что делать. – И учтиво раскланявшись со старейшинами, вышел во двор, где его уже поджидал Валуй.

– У тебя все готово? – спросил десятник.

– Давно уже.

– Хорошо. Брать будем ночью, тепленькими...

Старейшины посовещались недолго и выделили два десятка воинов во главе с Юски. Вадим, узнав о назначении своего соседа командиром, вызвал его к себе и обрисовал план ночного нападения. Юски одобрительно покачал головой: мол, придумано хорошо.

Когда солнце стало клониться к черте, сводный отряд из вепсов и новгородцев во главе с Вадимом и шаманом выступил в поход. Вадим рассчитывал достигнуть Кангаша еще засветло, надеясь успеть определить диспозицию.

Как не поторапливал новгородский десятник людей и самого себя, раненное дважды за последний месяц бедро разнылось к середине пути, и он стал хромать все заметнее, и вскоре сначала повязка, а затем и штанина пропитались кровью – темп пришлось сбавить. Вадим ругал сам себя, что отказался ехать верхом. «Черт, ну не посылать же гонца за конем?!» – думал он, растирая онемевшую ногу. После короткого привала, где Валуй сменил ему повязку, туго перетянув бедро, он прошел еще с версту и сдался.

– Стой! – скомандовал Вадим. – Братцы, не могу больше, передохнуть надо.

Вадим сел, негодуя в душе, что из-за него уходит время.

– Мы понесем тебя, – твердо заявил Валуй и кликнул четырех самых крепких новгородцев. Они положили щит на два копыя и бойцы разместили десятника на носилках. Вадим не сопротивлялся – делать нечего, надо завершать задуманное, тем более что от этого зависит жизнь друга.

* * *

Не доходя до поселения Порки, высланные вперед дозорные новгородцы доложили, что впереди стоит заслон кангашцев из восьми человек.

– Прошу, не убивайте, – настойчиво изрек нойда.

Вадим знал, что вепсов бессмысленно отправлять на выполнение задания против своей родни, они вряд ли станут применять силу. Десятник, подозвав Валуя, приказал именно ему обезвредить кангашцев. Бородач во главе десятка новгородцев быстро скрылся в лесу. Несколько минут ожидания, и голос филина раздался над лесом – Валуй подал условный знак – мол, все в порядке. По знаку Вадима сводный отряд двинулся дальше. Они прошли несколько сотен метров, и в стороне от дороги, у большого камня заметили надежно упакованных дозорных вепсов.

– Уважаемый нойда, – обратился Вадим к Капсу, – распорядитесь оставить троих человек сторожить этих кангашцев.

Шаман покосился на связанных вепсов, заметно поморщился, но просьбу новгородского десятника выполнил. Он отрядил троих сторожей и жестом указал им на пленных сородичей.

К самому Кангашу они подошли уже почти впотьмах. Вадим подозвал Валуя, Юски и приказал им действовать согласно разработанному плану.

– Часовых не убивать, – напоследок строго наказал десятник, памятуя о просьбе нойды, – и главное – тихо!

Вепс и новгородец растворились во тьме. Вадим уловил негромкие голоса раздаваемых

ими команд, а затем услышал, как воины двинулись к ограде деревни. Десятник знал со слов вепсов, что Кангаш окружен невысоким забором из бревен и теса. Имел ворота шириной в одну телегу. В деревне было всего двадцать с небольшим дворов, и где живет главный обвиняемый он тоже знал. Теперь Вадим ждал только, когда его люди откроют ворота, и он сможет завершить освобождение друга.

Вадим и нойда Капс стояли на окраине ивняка во главе десяти вепсских воинов и ждали. «Давай, давай», – колотило сердце. Вадим напряг слух. Донесся встревоженный лай собак, затем резкий визг и жалобное поскуливание. И в следующее мгновение Вадим различил едва уловимый скрип петель, а потом ухнул филин – Валуй подал условный сигнал: ворота открыты. Превозмогая боль в бедре, Вадим заспешил вперед. Капс с воинами двинулись следом.

– Молодцы, – негромко похвалил десятник Валую и новгородцев, видя, как трое воротных стражей лежат в рядок, аккуратно запеленутые, со связанными руками и кляпами во рту.

– Где Юски? – спросил Вадим.

– Ушел к дому Порки, – тихо ответил Валуй.

– Ты ведь тоже знаешь, где он живет, – обратился десятник к шаману.

– Да, – едва слышно произнес он.

– Веди.

Когда они как тени прокрались к жилищу Порки, их встретил Юски и доложил, что дом полностью окружен. Вадим знал, что вепсы не запирали свои дома даже ночью, поэтому он тихонько, приоткрыв дверь, первым вошел внутрь. За ним проследовали Валуй и еще четверо новгородцев...

* * *

Всю семью кангашского старосты скрутили мгновенно, не дав им даже пискнуть. Вадим лично засунул кляп в рот Порки, приложив его при этом пару раз по ребрам.

– Ну что, курва, дождался?! Пипец тебе! Давай их всех во двор!

Когда троих связанных пленников вывели во двор, Вадим подтолкнул Порки к шаману.

– Он? – грозно спросил десятник.

– Да, – выдохнул Капс.

– А ну, ребята, будите этот сонный муравейник и зажгите факелы, да побольше! – приказал Вадим.

Вепсы из Каргийоки, во главе с Юски, принялись исполнять приказ.

– Просыпайтесь! Выходите на двор!

– Вставайте!

– Пора вставать! Давай, двигай!

Некоторые вепсы имели в Кангаше родственников, поэтому то тут, то там слышалось:

– Кум Эрки, выходи, это я... Брат Пилста, просыпайся!

Новгородцы запалили с десятков факелов. Во дворе дома Порки стало светло.

– Где Паша? – спросил Вадим.

Порки потупил взор, тяжело дыша. Вадим решил ускорить допрос. Он съездил ему в живот от всей души. Вепс согнулся, а его жена дернулась в крепких руках новгородца и тихо заплакала.

– Где Паша? – повторил десятник. – Не прикидывайся, что не понимаешь по-словенски.

– За домом... в скотнике, – превозмогая боль, ответил староста.

– Валуй! – коротко приказал десятник, кивнув ему головой.

Двое новгородцев во главе с бородачом бегом направились за дом.

На улицу стали выходить разбуженные вепсы и, потирая сонные глаза, непонимающе тарасились по сторонам. Юски, коротко покрикивая, сгонял их к дому Порки. Двое кангашцев, решив, что на них напали, выбежали в исподнем с охотничьими рогатинами

наперевес. Но были тут же сбиты с ног и скручены. Послышались бабьи вопли и детский плач...

Через минуту двое новгородцев привели Павла, бережно поддерживая его за локти.

– Пашка, – воскликнул Вадим, кидаясь к другу, – живой!

– Вадя! Ну наконец-то...

Вадим сгреб друга в охапку. Павел застонал.

– Дружище, ну как ты?

– Терпимо, – вяло ответил друг, – только не дави так сильно.

– Тебя били?

– Ребро, кажись, сломали, – пожаловался глава рода.

– Братцы, держите его, – попросил десятник, передавая друга на руки своих воинов.

Глаза Вадима прищурились, скулы заходили ходуном.

– Вадя... не надо, – попросил Паша, предчувствуя расправу.

– Надо, Пашка, надо, – зло проговорил Вадим, что-то ища взглядом.

Наконец он заметил грабли, прислоненные к забору. В доли секунды, не обращая внимания на боль в бедре, он оказался подле Порки с сельхозинструментом в руках.

– А ну-ка разойдись, – прорычал он, делая увесистый замах.

Державшие пленника двое новгородцев едва успели отскочить, как грабли с треском разлетелись о спину Порки. Тот сгорбился и, взыв от боли, упал на колени. Вадим отбросил обломок, подскочил к старосте и врезал ему ногой под ребро.

– Сука! – выдохнул Вадим, понимая, что ударил раненой ногой. – Вот сука...

Он покачнулся и едва сам не рухнул от охватившей его боли. Валуй успел вовремя, он поддержал десятника, не дав ему упасть.

Тем временем в Кангаше уже никто не спал. Двое вепсов принесли длинную скамью, на которую усадили Вадима и Павла. Нойда Капс сел рядом.

– Давай, нойда, – обратился к нему Вадим, – твой черед, действуй.

Капс трижды стукнул посохом, призывая всех к тишине.

– Слушайте, люди Кангаша! Недобрую весть принесли мы в ваш дом, – громко начал шаман, – Порки преступил наш древний закон! Нарушил волю богов и совета рода, – Капс указал на связанного старосту, – он похитил и силой удерживал главу нашего рода...

– Издевался над ним, – не утерпел и вставил Вадим.

– Истязал его, – грозно продолжил шаман, – вина его в том очевидна. Но кто пособлял ему?! Разве не вы?!

Кангашцы гневно зашумели, – мол, не мы это.

– Мы знаем, что у Порки были пособники, – продолжил нойда Капс, – и покуда вы не укажете их, те, кто лежит сейчас перед воротами Каргийоки не будут погребены по закону, а будут оставлены на поруганье диким зверям. И духи предков не примут их!

Глава тринадцатая

Судовая рать

Тяжело в учении, легко в бою.

А. В. Суворов

На третий день после того, как Порки и его сына Ёллу отвели в лес и оставили там привязанными к дереву, в Каргийоки прискакал гонец от Боривоя. Он сообщил Вадиму и Павлу, что князь несказанно обрадовался доброй вести о гибели ярла Гутрума и разгроме его дружины, а пуще того князю мила была новость о захвате четырех ладей варягов. Гонец поведал им, что он всего на день обогнал посланный в Каргийоки князем отряд во главе с самим ипатом Радеем.

На следующий день, как и обещал гонец, к селению медвежьего рода вышел отряд новгородцев в сотню мечей. Впереди на широкогрудом жеребце восседал воевода Радей в

длинной кольчуге.

У ворот Каргийоки его встречали Вадим и Павел. Воевода, подъехав, слез с коня.

– По добру ли поживаете? – спросил он, подходя к друзьям и на ходу снимая шлем.

– Да по добру, Радей Ослянович, – в тон ему ответил Вадим, – легко ли добрались?

– Дорожка-то кривая да скорая, – весело ответил воевода и, глянув на Павла, у которого левая рука висела на перевязи, у груди, добавил: – А я погляжу, вы тут без нас не скучали.

– Побаловались тут маленько, а как без этого, – произнес Вадим, проследив за взглядом воеводы.

– Ага, размяли чресла, – буркнул по-словенски Павел.

Радей подошел почти вплотную.

– От имени князя рад приветствовать нового главу медвежьего рода.

– И я хочу заверить тебя, воевода, и князя твоего, что все оговорено, как было уговорено у вас с моим отцом... – Павел сдвинул брови, наморщил лоб, поняв, что сморозил что-то невпопад.

– Ну, общий смысл понятен, – тихо проговорил Вадим и протянул руку для рукопожатия. Воевода пожал руку десятнику.

– В общем, все остается в силе, – закончил свою мысль Павел.

Радей подошел, обнял Павла за плечи и осторожно прижал его к своей богатырской груди.

– Рад слышать слова твои, Баар.

Паша невольно поморщился, уж больно смешно и непривычно звучало его новое вепское имя.

– Я приглашаю тебя, воевода, в свой дом, – предложил Павел, пытаясь отстраниться от новгородца, жесткая борода которого исколола ему щеку и шею.

– А ты складно глаголешь по-нашему, – усмехнулся Радей, высвобождая главу медвежьего рода из объятий, – а мне сказал князь, что ты и по-чудински-то не можешь.

– Подучил, – спокойно ответил Павел.

Радей отдал необходимые распоряжения по установке лагеря на поле между поселком и рекой и все трое направились в большой дом главы рода.

Соблюдая этикет гостеприимства, Павел на правах хозяина угощал дорогого гостя с размахом, в большом зале, в том самом, где они почти месяц назад познакомились с новгородским князем. Только теперь на месте погибшего Конди гордо восседал Павел, он же Баар, он же новый и законный глава медвежьего рода.

Сначала для затравки на стол им подали пивка и копченых сигов. Вадим и Павел, памятуя об обычае не спрашивать гостя ни о чем, пока тот не утолит голод, молчали. Воевода похвалил свежее пиво и отменных сигов. Когда же от рыбин остались только жалкие скелеты, им принесли гусиные ножки под сметаной с чесноком и свежий хлеб. Радей, вооружившись увесистой лапкой, отдал должное вепскимстряпухам, не стесняясь при этом облизывать испачканные в жиру и сметане пальцы. Павел, поначалу соблюдая некоторое приличие, ел не спеша и аккуратно, но, заметив, как новгородский воевода орудует гусиными лапками, не выдержал и принялся за еду более активно, со смачными причмокиваниями. Вадим же, управившись с одной ножкой, не спеша потягивал пиво, разглядывая плетения кольчуги, которую Радей, сняв перед трапезой, положил рядом с собой на скамью.

– Уважил, Баар Кондидович, – сыто произнес воевода, отодвигая от себя блюдо с костями, – хороши у тебя стряпухи.

– Так, Радей Ослянович, рад, что угодил, а еще рыба будет, – ответил Павел, вытирая свои редкие черные усики.

Не успел воевода возразить, как перед ним поставили глиняный горшок с вепской рыбной похлебкой и рядом положили деревянную ложку, – кушайте на здоровье.

– Знатная похлебка, воевода, отведай, – предложил Вадим и первым зачерпнул бульон.

Вадим, проживая почти месяц в Каргийоки, уже успел оценить эту вепсскую уху, которую варили на молоке, с луком и крупой, похожей на перловку. Похлебав ущицы, Радей ослабил ремень.

– Хороша похлебка, Баар Кондидович, – поблагодарил он, – однако пора и за дела.

Стол быстро опустел, две девушки убрали посуду, смели крошки. Было убрано также и пиво, взамен которого принесли квас. Павел пытался сдержать сытую отрывку, но не смог, она получилась глухой и невнятной. И хотя на это никто не обратил внимания, он все же поспешил спросить:

– Так с чем же ты к нам прибыл, Радей Ослянович?

Воевода прислушался и только после того, как стихли за дверями шаги девушек, уносящих посуду, ответил:

– Князь решил ударить по логову варягов с двух сторон. Тем паче что подвернулась такая оказия с захваченными ладьями. Я привел с собой сотню новгородцев, умеющих складно грести на веслах.

– Князь хочет, чтобы мы вышли на озеро и прошли до борга? – попытался угадать Вадим.

– Да, – утвердил воевода, – мы нападём по Волхову от озера, а князь ударит по течению.

– А мои люди? – спросил Павел.

– Твои люди пойдут с нами судовой ратью.

Павел понимающе кивнул головой.

– Только сейчас, после нападения, я не могу выставить обещанную сотню воинов.

– Сколько? – в упор спросил Радей.

– Восемь десятков, – Павел пожал плечами, – с двух наших поселений, это все что могу.

Воевода посмотрел на Вадима:

– У тебя?

– Полтора десятка, – отрапортовал десятник.

– Добро, не большой недостаток, управимся, – утвердил Радей.

– А ты знаешь, сколько варягов засело в борге? – поинтересовался Вадим.

– Доподлинно неведомо, – ответил воевода, – но больше двух сотен быть не должно.

Вадим пытался прикинуть в уме расстояние до Альдегьюборга.

– Когда надо выступать?

Воевода отпил квасу:

– Через три дня пойдем, и еще день на переход.

* * *

На следующее утро новгородская сотня снялась с лагеря у Каргийоки и отправилась к озеру. Бедро еще не совсем зажило, и потому Вадим решил передвигаться верхом. Он пристроился в стремя к Радею и теперь они ехали во главе новгородской дружины. Первым десятком в колонне шли воины Щербатого Палей. Он не сразу признал обросшего усами и бородой Вадима.

– Палей! – позвал Вадим, придерживая коня. – Чего пялишься, али не признал?

– Вот я и гляжу, ты или не ты? – ответил Щербатый.

– Ну и что решил?

– Думаю, что все же это ты, Вадим!

– А вот твои щербины не спутаешь ни с чем, – улыбнувшись, заметил Вадим.

Слышавшие это воины разразились дружным смехом. Засмеялись и воевода, и Палей.

– Что мое, то не ваше! – хохотал щербатый десятник.

Новгородцы добрались до озера почти к полудню. На берегу их поджидал Валуй со своим десятком, еще вчера отправленный Вадимом сменить дежуривших до этого вепсов.

Радей приказал разбивать лагерь в лесу, в метрах трехстах от воды. «Маскировка, блин», – подумал Вадим, услышав приказ, слезая с коня. Новгородцы привычно устраивали походные шалаши из лапника и, разведя костры, принялись варить кашу. О быте своего командира позаботился Валуи. Десятнику поставили персональный шалаш и пригласили отведать поспевшей каши. Вадим извлек из поясной сумки ложку, подсел к котелку и первым зачерпнул густой каши, в которую новгородцы щедро настругали копченого мяса.

– Вкусно, – похвалил подчиненных десятник, а про себя подумал: «Вот ведь отец-командир, с солдатами кашу хлебаю.... Суворов – не иначе».

Отобедав, воевода разрешил отдыхать, и лагерь погрузился в послеобеденный сон. Вадим вышел на узкий песчаный пляж, где стояли четыре его трофея – черные, просмоленные драккары, по восемь весел с борта. «Вот интересно, как выглядит древняя Ладога?» – подумал он. Вадим посмотрел вдоль берега – охрана на месте, бодрствует. Приметив чуть в стороне небольшой камень, он подошел и сел. Подаренный Конди меч удобно разместился на его коленях и новгородский десятник отчего-то загрустил. Безостановочная суматоха, в которую они попали из мирного двадцать первого века, закружила и понесла куда-то. И нет времени остановиться, оглядеться и отдышаться. Уж не об этом ли мечтал Андрей? А дома остались мама, батя... Они, наверное, с ума сходят, с ног сбились, ища пропавшего сына. Да уж, затянулся наш исторический фестиваль. Вадим ясно представил, как родные обзванивают друзей-приятелей, обрывают телефоны больниц и, тьфу-тьфу-тьфу, моргов. Да и у Пашки, наверное, не лучше. Скорее, даже хуже. Его матушка и так хвора, а тут еще неизвестно куда запропастился ее единственный сын. Опять же его Настя невеста на выданье – и все впустую.

Вадим задумался об Андрее. Собственно о нем он почти ничего не знал. Кажется, он из Твери приехал на «фест»? И если они с Пашей когда-нибудь и вернутся к родным, то вот Андрюха уже никогда....

Ветра почти не было, ленивые волны тихо шептали о своем, и еще... он вспомнил злобное лицо Порки и отчаянные глаза его сына Ёллы, когда их обоих накрепко привязывали к огромной сосне и оставили в глухом лесу. Уж какой-нибудь лесной хищник точно позарится. Вадим знал, что если и не съедят сразу, то в любом случае протянут они не долго. Вадим дернул головой: в ушах до сих пор стоял этот душераздирающий писклявый крик Ёллы: «Не надо! Отпустите меня!» И гордые слова кангашского старосты: «Ты же мужчина, сын». Не помогло, Ёлла верещал до последнего, пока они не ушли и его голос не растворился в лесу. Вадиму было не жаль их ни капли.

Десятник, уперев локти в колени, положил голову на ладони. Солнце, перевалившее зенит, грело совсем по-летнему – наступила «бабья пора». Кое-где уже желтели листья, но по-настоящему до золотой осени, по прикидкам Вадима, было еще недели две. Он старался не сбиться со счета, откладывая в памяти каждый прожитый в прошлом день. «Да уж, хоть книгу пиши, – подумал он, – о приключениях робинзонов, да только кому она тут нужна, а дома... кто же нам поверит. Сумасшествие какое-то. Наваждение. История, блин».

Что еще? Что-то тревожило... нет, не безумные глаза красавицы Койвы, жены кангашского старосты, когда ее мужа и сына уводили в лес. И не ее истеричные крики, когда нойда отрешил ее от родного очага, узнав о пособничестве подлостям Порки. Нет. И не проклятья Койвы, которые она в гнев щедро расточала, словно змея яд, когда ее выгоняли из родного Кангаша. Ее брат лично увез бедолагу вниз по реке, подальше от людских глаз...

Вадим не заметил, как задремал под птичьи трели и шепот прибоя. Во сне отчетливо ухнула сова, как-то по-особенному жалобно. Кода! Ах да... Елена Константиновна. Ее не стали хоронить в Хидене – в священной роще медвежьего рода. Для нее нашли другое место – красивое и вольное. На высоком правом берегу реки Сясь. Тело шаманки предали земле, вместе со всеми ее скромными пожитками, у подножия небольшого холма. Вадим сам поправил на ее груди маленький изящный амулет бесконечности. Золотая пластина должна была оставаться в земле до своего срока.

Теперь Вадим уже не сомневался, что летом одна тысяча девятьсот пятьдесят второго

года археологическая экспедиция профессора Чистякова будет вести раскопки точно в этом месте. И что студентка Елена Константиновна Латышева найдет именно свое захоронение и свой роковой амулет бесконечности. И опять завьется спираль, бесконечная спираль истории...

Сквозь дремоту Вадим слышал негромкие голоса переговаривавшихся новгородцев, несших охрану драккаров, но почему-то их голоса были так похожи на голос Елены Константиновны... Да, да... два вечера подряд они провели в ее шалаше. Как все же причудливо переплетаются порой людские судьбы? Кто бы мог подумать, что студентка факультета археологии Ленинградского государственного университета станет сначала любимой, а затем отверженной женой новгородского старшины Буйслава. Того самого Буйслава, отца нынешнего новгородского князя Боривоя. Да, в это было трудно поверить, но нелюдимая лесная шаманка вепсов – мать князя! Хотя поначалу он и не был князем.

Вадим хотел проснуться, сбросить дремоту, но не смог. Воспоминания о шаманке, о ее жизненных переплетениях держали цепко, не отпускали. Ее рассказ и сейчас отчетливо проносился в его голове. «Я попала сюда в одной сорочке ночной, знаете, были у нас такие длинные ночные сорочки. Я в первый же день вышла к людям. Они называли себя немного странно – бепся. Но я сразу поняла, что это вепсы. Поначалу я очень обрадовалась, что попала к людям, я ужасно замерзла и хотела есть. Ведь я сама из карелов. Мы без труда поняли друг друга, ведь у нас в школе до четвертого класса преподавали родной язык. Не удивляйтесь, это так. И даже учебники были. Меня привели в поселок, в Каргийоки, так они его называли. И когда я увидела постройки их поселения, я заподозрила неладное. А уж из разговоров я и вовсе поняла, что занесла меня нелегкая не туда. Вообще, меня приютили, обогрели и накормили. Сам могучий Баар, тогдашний глава рода, дед Конди, пришел посмотреть на меня. Он-то и заметил, что я в кулаке сжимаю что-то ему знакомое. Он попросил посмотреть, а потом и сам показал мне их родовой амулет. И мой, найденный при раскопках, и его, со знаком бесконечности, были похожи как две капли воды. Баар обрадовался и тут же собрал старейшин в священной роще. Меня не пригласили, и я не знаю, о чем там шла речь. Я, лежа у печки, ждала и думала: «Каким ветром меня сюда занесло?» Потом ко мне пришли Баар с шаманом рода и объявили, что я их родня! Баар рассказал мне, что некогда их род был един и жил далеко на севере. Затем род разделился и каждую ветвь возглавил славный вождь – все братья по крови. Перед расставанием некогда единый амулет расплавили и из него сделали две одинаковые половинки. Одна часть рода осела у озера Ладога, недалеко от реки Сясь, а другая ушла на восток и больше о ней ничего не известно. Со слов Баара я поняла, что разделился род еще при его прапрапрадеде. Собственно, по этому амулету меня и приняли как родню из давно пропавшей ветви медвежьего рода. Дальнейших расспросов мне удалось избежать. Я соврала им, что сильно ушиблась, упала и потерялась.

Прожила я в Каргийоки до зимы, а когда на реке встал крепкий лед, к нам приехал словенский старшина Буйслав. Я, признаться, была недурна собой и Буйслав, приметив меня, посватался. А Баар, почитавший меня как родную дочь, не возражал породниться со словенским родом, обитавшим на берегах Ильмень-озера...»

Локти Вадима соскочили с колен, и он проснулся. Потер пальцами сонные глаза.

– Вадим, – окликнул его Валуй, – вот ты где.

Бородач подошел, заслонив солнце.

– Что еще? – спросонья спросил десятник.

– Радей поднял людей, велит этих зверей, – Валуй кивнул на драккары, – испытать на воде.

– Хорошо, – ответил Вадим, поднимаясь, – сейчас только лицо ополосну.

Пока десятник умывался на берегу, появился воевода с дружинниками. Радей на ходу раздавал приказы, делил десятки по ладьям. Выделенные новгородцы десятками отходили к определенным им драккарам. Вадим умылся и, прихватив с собой Валуя, направился к воеводе, который все еще продолжал давать указания.

– Вадим, ты со своим десятком со мной, – заметив подошедших, сказал воевода.
– Хорошо, – равнодушно ответил Вадим.
– Вот на этой мордатой пойдем, – указал Радей на крайний слева драккар, который выделялся среди прочих более высокой носовой фигурой.

Тем временем новгородцы принялись сталкивать ладьи в воду. Когда они чуть сдвинулись с места, воины стали карабкаться на суда, ловко подтягиваясь и переваливаясь через борт. Радей, в сопровождении Вадима и его бородача-заместителя, подошел к выбранному драккару.

Оказавшись на борту флагманской «мордатой» ладьи, воевода приказал разбирать весла. К рулевому веслу встал Щербатый Палей, а новгородцы, сев по два на скамьи, быстро принаровились к длинным веслам и тремя взмахами отогнали ладьи от берега.

Через несколько минут все четыре драккара отошли на достаточное расстояние от берега и начались ходовые испытания. Вадим быстро окрестил про себя все это действо боевыми маневрами.

До самого вечера продолжались испытания захваченных драккаров. И только под конец новгородцы добились слаженной работы всех весел. Ладьи легко разворачивались, маневрировали, сближались друг с другом и расходились. Воевода, стоявший на носу флагманского драккара, улыбался в широкую бороду – воевода был доволен. Вадим и Валуй, сев рядом, тоже попробовали тяжесть длинного весла, но у них вышло не очень. Ни тот, ни другой раньше никогда не гребли. Весло все время норовило нырнуть поглубже, отчего его становилось крайне сложно повернуть в воде. Кроме того, они постоянно сбивали ритм другим гребцам, оказавшимся более искусными в мореходстве, благо почти все, кого привел воевода, ходили раньше на новгородских ладьях и орудовать веслом умели.

Кроме гребных упражнений успели опробовать и ход под парусом. Новгородцы подняли на пеньковых канатах массивную рею и полосатые паруса, поймав ветер, ускорили бег драккаров. Маневрирование под парусами прошло в целом неплохо, хотя воевода время от времени покрикивал на дружинников, которые слишком мешкали с поворотом реи под ветер. Досталось пару несладких слов и Щербатому Палею, который поздновато закладывал руль, и парус то и дело терял попутный ветер.

– Давай к берегу, – прокричал Радей, – хватит, погуляли.

Флагманский драккар, а за ним и все остальные повернули к песчаному пляжу. Гребцы, утомленные дневными маневрами, налегли на весла. На берегу их должна была ждать горячая каша и заслуженный отдых. К берегу шли споро и весело. Кто-то затянул песню:

Ты обожди меня немного,
Я сорву с тебя венок...

И десяток глоток подхватило:

Ты обожди меня немного,
Приготовь пока квасок,
Ты обожди меня немного,
Рязвяжу твой поясок...

Раздался дружный хохот, а с шедшего рядом драккара тоже подхватили песню:

Ты обожди меня немного,
Нарожаем враз пяток!

Новгородцы дружными взмахами весел приближали свои ладьи к берегу.

Вечерело. Небесное светило, или, как называли его словене, Ярило, наполовину скрылось за горизонтом. Новгородцы отужинали кашей и вяленным мясом, принялись

устраиваться на ночлег. Ночь обещала быть прохладной, но Вадим не спешил в свой шалаш. Он положил в костер пару толстых дровин, закутался в шерстяной плащ и удобно устроился на щите возле огня. Его десяток уже улегся, а из соседнего шалаша раздавался могучий храп Валуя. Десятнику не спалось. Он не отрываясь смотрел на пламя, которое, расправив красновато-желтоватые крылья, стало не спеша пожирать дровины. Мимо прошел, проверяя посты, Щербатый Палей, и даже окликнул его, но Вадим не ответил или не расслышал. Палей, решив, что он задремал, не настаивал.

Огонь разгорелся, и две подброшенные десятником дровины загорелись с обеих сторон, игриво постреливая и треща. Вадим смотрел на походный костер, но видел очаг в шалаше Коди. Он вновь вспомнил ее рассказ: «Отца Боривоя еще не называли князем, хотя именно он начал собирать словен ильменских под свою руку. Буйслав срубил сильный град на берегу Ильменя, на месте, где жил его род. Конечно, Новограду было еще далеко до тех масштабов, к которым мы привыкли, читая учебники, но это все же был град. С высокой стеной, с языческим капищем, с большой торговой пристанью. При Буйславе появились первые новгородские купцы, начавшие торговлю с соседними финскими племенами, с кривичами и даже с далеким Киевом.

Вот он и привез меня в этот новый град, и я своими глазами смогла увидеть, с чего началась история этого города. У Буйслава был большой дом, не терем, конечно, но места хватало. По ту пору он отметил свою тридцатую зиму, и у него уже было две жены и трое детей. Вот тут-то меня и забрало. Ну не могла я так просто мириться с такими порядками. Да и не сказал он мне раньше, что несколько жен у него да дети малые. Но что толку было браниться, когда я уже в тягости была, да еще и языка я словенского толком не знала. Вообще, сварливая из меня получилась жена. Буйслав поначалу только ухмылялся, мол, молодая, глупая. А меня аж прямо разбирало, когда он ночевал не со мной. В конце следующего года я родила мальчонку. Волхвы посоветовали наречь его Боривоем. Меня, не поверите, такая гордость обуяла, что мальчика я родила. А у Буйслава от двух жен три девки. Да и он как-то со мной помягче стал, поприветливее. И я тут опять за свое, уж как я его молила, упрашивала прогнать его старых жен, а он ни в какую. Но хуже всего, что не возлюбили меня и волхвы. Вот так я мыкалась, боролась целых пять лет. А на пятый-то годок умер муж мой – новгородский старшина. И решили волхвы сжечь тело Буйслава, а вместе с ним и трех его жен. Те две сами согласились, а мне страшно стало от такого дикого обычая, и решила я сбежать, прихватив сына. Только поймали меня, я даже за ворота выйти не успела. Сына отобрали, а меня под замок посадили. Буйслава и двух его жен сожгли, меня же, посчитав не достойной такой чести, с позором прогнали. Ох, и намучилась я тогда, соколики мои. Расставание с сыном рвало мое сердце...

Нанялась к одному купцу работницей. Только через два года вместе с тем же купцом возвратилась я в Каргийоки. Старый Баар давно умер, весть о том я получила еще при живом Буйславе, а его сына Ёллу на охоте крепко поранил кабан. Так что и Ёлла помер от страшных ран, оставив вдову и десятилетнего Конди. Но радости в моем прибытии в Каргийоки не было. Весть о том, что я опозорена, достигла вепсов. Но прогнать меня они все же не решились. Отвели в лес и упростили бабку Тьяру взять меня. От той бабки я и переняла знания. С тех пор и живу тут, в ее шалаше. А сама Тьяра померла лет тридцать тому, да и всех, кто знал о моем прошлом, я уже пережила...»

Рассказ резко оборвался в памяти Вадима, он устало моргнул, хотелось спать. Он припомнил еще, что слушая тогда рассказ Елены Константиновны, сумел подсчитать, что нынешнему новгородскому князю уже больше пятидесяти лет. И что, не зная этих подробностей, Вадим вряд ли мог дать князю больше сорока. Солнце совсем зашло, и ночная прохлада побуждала подкинуть в костер дров. Но вставать не хотелось. «Что же еще? – подумал Вадим. – Что-то еще про князя...»

Глава четырнадцатая

Князь Боривой

Слепец не тот, кто не видит, а тот, кто не желает видеть.

Новгородский князь Боривой захворал. Его мучили слабость, жар и сильный кашель. Князь уже вторые сутки не выходил из своего походного шатра и ничего не ел. Он с трудом поднимался с ложа, чтобы дойти до ведра, справить нужду – и вновь возвращался назад, под теплую медвежью шкуру. Его поили медом, отварами, настойками, но ничего не помогало, князю не легчало. Боривой слег очень не вовремя. Он потратил больше трех седмиц, чтобы собрать в единый кулак все союзные ему чудиные роды. Лично объездил все стоянки чудинов, поднимая их на борьбу с варягами. Согласились не все, но многие; прислали своих воинов. Он привел из Новгорода шесть сотен лучших воев. И вот теперь, когда на берегу Волхова под его рукой собралось полторы тысячи воев, он не может вести их в бой.

– Болотная стерва к ему присосалась, – шептались и чудины, и новгородцы, – вот и тянет она из князя жизнь.

Невмоготу было князю, пуще телесных страданий были муки душевные. «Сколько трудов – и все впустую, – сокрушался Боривой, – не надо было Радея пущать, сейчас бы он смог повести воев на вражеский борг».

– Эх, – вздохнул князь, – не загубить бы дело.

А Радей, его верный ипат, был сейчас далеко. Он сам отослал его к Вадиму, узнав о подарке Перуна и Дажьбога. Не ошибся, верно, князь в этом странном Вадиме, не ошибся. Сотню врагов сумел одолеть, самого ярла Гутрума побил, да еще и ладьи их захватил. Вот уж поистине боги на его стороне, а вот князя, видимо, они забыли.

– Эх, не вовремя ты, князь, помирать собрался.

– Кто здесь? – тревожно спросил Боривой.

Он тяжело поднялся на локтях, огляделся, но в шатре никого не было.

– Не вовремя, – повторил голос. – А помнишь, как лихо ты начал, каким соколом летал?

– Поди прочь... – выдохнул князь, – не желаю тебя слушать... поди прочь...

По шатру прошел легкий ветерок и раздался тихий шелест.

– Помнишь, как словене прокричали тебя князем, честь тебе великую оказали. Помнишь?

Боривой сглотнул.

– Помню... я все помню, – устало выдавил он, – зачем пришел? Что тебе надо?

– Вставать тебе, княже, надо, – твердо произнес голос, – вои тебя ждут.

– Вои... ждут, – как зачарованный повторил Боривой.

– Вставай, княже, пришло тебе время испытать свою судьбу.

Князь нашел в себе силы еще раз подняться на локтях. Он обвел взглядом шатер – тихо, пусто.

– Да кто ты?

– Не ищи невидимого, но верь в истинное...

На сей раз ветерок подул сильнее, отбросив со лба князя пряди седых волос. Масленный светильник, стоявший у княжеского ложа на низкой скамье, вспыхнул всего лишь на миг и тут же погас. Боривой в короткой вспышке света увидел высокую черную фигуру человека, успел разглядеть его морщинистое лицо с хищным носом и усы... желтого... золотистого цвета.

– Ты? – не поверил князь, глядя в темноту, туда, где только что стояла фигура.

– А ты сомневался? – спокойно спросил голос совсем с другой стороны.

– Нет, – твердо ответил князь. – Ты приказываешь мне встать, и я встану... – Опустившись на ложе, он продолжил: – Но скажи, о великий, что ждет нас под стенами вражьего борга?

Боривой ждал, но ответа не последовало. Князь тяжело вздохнул, прикрыл глаза. Тяжелая медвежья шкура согревала его озябшее тело. Боривой почувствовал, как тепло,

расходившееся внутри, убаюкивало, успокаивало. Захотелось забыться и уснуть.

Его мысли были сейчас не в лагере, не с Радеем и даже не в вражеском борге. Князь, засыпая, думал о своей встрече с волхвом Звеегой. Старец явился к нему перед самым походом и поведал князю о своем сне:

«Прошлой ночью детский плач разбудил меня. Мне снился страшный сон. Я видел гибель нашего рода. Городища наши разрушены. Новгород сожжен. Я видел голые кости под палящим солнцем... я спросил: „О великий Перун, за что ты посылаешь нам такие страдания? Чем мы прогневали тебя? Наши люди жили в мире, любили, растили детей, торговали. Наши ладьи ходили по многим рекам, в дальние края...“

У нас были враги, князь, но мы побеждали их. Но сейчас я боюсь и ничего не могу с этим поделать. Боги молчат. Чужаки пришли на наши земли, захватили многое, но хотят еще большего. Они мечтают покорить нас, превратить в рабов. Я просил: „О могущий Сварог, почему ты не выжгешь их глаза? Перун, почему ты не разобьешь их ладьи, своими огненными стрелами, чтобы они навсегда забыли дорогу сюда?“ Боги всегда хранили нас. Но сейчас я не слышу их слов.

С каждым днем врагов прибывает все больше – я это вижу! Они хотят нашу землю, эти алчные и голодные псы. Варяги храбры, но разве мы нет? Будет война, княже, кровавая война. Я вижу! Многие погибнут! Я стар... я не слышу богов, но, может быть, ты, князь, услышишь их? Не прогоняй незнакомцев – один из них сделает больше, чем дружины! Ты должен сделать все, чтобы наши дети спали спокойно!»

Боривой судорожно дернулся под шкурой. «Как же пуглив этот Звеега. Сам выжил из ума и людей страшит. Не слышит он богов, а я? Я слышал богов. Я видел... Незнакомцы? Ах да, те трое из Каргийоки. Но кто их них? Кто? Я узнаю!» – подумал во сне князь и успокоился. Больше в эту ночь его ничто не потревожило.

По шатру прошел едва ощутимый легкий ветерок и затих в дальнем углу тихим шелестом.

* * *

Как только забрезжил рассвет, князь оделся и вышел из шатра. Он чувствовал себя бодро и гадал, а не приснилась ли ему его хвороба? Не было ли это наваждением, посланным Мораной? Стоявший у шатра в карауле новгородец от изумления выпучил глаза и широко разинул рот.

– Княже...

– Что рот раззявил? – бодро спросил Боривой. – А ну-ка буди воинство, пора выступать.

Через несколько минут весь лагерь ожил, и люди зашевелились, как встревоженный пчелиный улей. Воины с воодушевлением приняли добрую весть об исцелении предводителя.

– Князь одолел хворь, – радостно шумел лагерь.

– Болотная стерва отстала...

– Князь здоров! Боги спасли его...

– Слава Боривою!

Новгородцы и чудины, споро разобрав походные шалаши и позавтракав на скорую руку, облачались в доспехи.

Боривой лично проводил полусотню вершников – это все, что у него осталось после нападения на переправе. Конники ушли берегом, вперед, разведывать пути к вражескому боргу. Князь поторапливал, ему казалось, что слишком много времени он потерял, борясь с хворью, и теперь надо было наверстывать упущенное.

Следом за вершниками вдоль берега двинулись десять сотен союзных чудинов из восьми соседних родов. Лагерь пустел. Последними снялись новгородцы. Словене, погрузившись на одиннадцать круглобоких ладей, выгнали свои суда на середину реки, где течение

подхватило их и понесло. Боривой шел на первой в строю ладье. Он облизнул палец и поднял руку над головой. Свежий ветер холодом обжег намоченный княжеский перст.

– Ставь паруса, – громко приказал князь.

Тяжелые реи поползли вверх, освобождая серые паруса, которые, хлопнув несколько раз, надулись, набрав полный ветер. Весла убрали – ветер и течение хорошо разогнали ладьи.

Боривой не сомневался, что Радей и Вадим поспеют вовремя, тогда они разом ударят с двух сторон, и варягам не усидеть в их борге. Долго, ох долго ждал этого часа новгородский князь. Выжидал, копил силы, искал союзников. И вот теперь близился день расплаты. Он сам хотел поквитаться с ярлом Гутрумом, но боги судили иначе, ярл нашел свою смерть раньше, чем смог до него добраться князь – так тому и быть. На все воля богов.

Могучий Волхов легко нес ладьи новгородцев к заветной цели, с каждым пройденным изгибом приближая их к Альдегьюборгу. К Устьице, к бывшему словенскому поселению, которое десять лет назад захватил и разорил ярл Гутрум и срубил на этом месте свой борг, перекрыв новгородцам выход к озеру, лишив их торгового пути и обильной охоты на нерпу. Тяжело тогда стало в Новгороде. Варяги часто спускались по Волхову к самому городу и разоряли его окраины. Жгли веси, уводили людей и скот. Три лета терзали чужаки словен и чудинов, разоряя и убивая. Дважды выходил Боривой с дружиной на перехват Гутруму и дважды был жестоко бит. Лучших дружинников потерял князь в тех сечах, сам в последней схватке едва жив остался. И не оставалось ему ничего другого, как, заперевшись за стенами града, смотреть на поднимающиеся из-за леса столбы дыма. Смотреть на разорение своих земель. В бессильной злобе сжимал князь кулаки и скрежетал зубами, но выйти и вновь сразиться с врагами он не мог. Не было у князя дружины, а с мужиками-ополченцами, от сохи взятыми, много ли навоюешь. Нет, нужны для сечи опытные вои, да только где их тогда было взять.

Так и сидел он с последней своей сотней за новгородскими валами, за крепкими да высокими стенами града, сидел и терпел. Однако варяги не спешили подступаться к стенам словенского града и брать его штурмом. Видно не до того им было или незачем. Добыча их и без того была обильна, а многие чудинские роды сами пожелали платить ежегодную дань.

Вскоре Гутрум, прислал и новгородцам свое требование. И пришлось князю согласиться на условия ярла давать в Альдегьюборг дань. Не было у Боривоя иного выхода. Не было. Шесть долгих лет новгородские ладьи свозили в борг Гутрума меха, мед, воск, льняные ткани, кожу и даже серебро. Богател ярл, а князь новгородский просил богов только об одном: застить глаза жадному варягу, что бы не жег, не убивал. И услышали боги речи Боривоя. Гутрум, принимая обильную дань со словен и чудинов, почти безвылазно сидел в своем борге. Князь не тратил отведенное ему время впустую. Ведь никто не мог сказать ему, сколько у него того времени. Гонцы новгородские мчались к дальним словенским весям, созывая удалцов в дружину княжескую. Оставшиеся дружинники учили прибывавшее пополнение умению ратному, обучали биться в строю. Даже конную дружину задумал создать князь. Сказывали купцы, что поляне киевские имеют в своей дружине несколько сотен вершников. А когда враг появляется в их пределах, быстро седлают коней и встречают непрощенных гостей. Снарядил князь ипата Радея в дальний Киев, дабы тот сам узрел конное воинство полян, перенял их умение и, возвратившись, обучил бы и новгородцев. Два лета гостил ипат в Киеве и вернулся с десятком полянских воев, которых созвал на службу новгородскую немалыми посулами. И стали те поляне подыскивать среди хозяйства словенского коней добротных да обучать воев князя конному бою. Почти семь десятков вершников имел Боривой в своей дружине спустя всего один год. А пешую дружину сумел довести до шести сотен. И решил князь, что настала пора поквитаться с чужаками за все. Выступил князь в поход. Конная дружина шла берегом, а пешцы на ладьях по Волхову. Но понимал Боривой, что одному не одолеть врагов, а посему он еще загодя стал сноситься с главами чудинских родов. Выведывал, кто встанет супротив силы варяжской. Чудины колебались, не верили, что новгородцы соберут достаточно воев для удачного исхода дела. И тогда, выступив в поход, князь на полдороге к Альдегьюборгу высадился на берег с тремя

сотнями ратников, прошелся по всем соседним чудинским родам, демонстрируя им, что есть де у Новгорода крепкая дружина. Поверили князю чудины, но не сразу. Немало слов сказал князь на родовых советах, уговаривал, обещал, грозил. Но согласились упрямые чудины с речами его, прислали своих воев в подмогу.

Боривой посмотрел на реку. Уже совсем по-осеннему серый Волхов перекачивал свои тяжелые волны, нес суда новгородцев к варяжскому боргу. Ветер усилился, и ладейные крылья, вобрав полную силу, тянули, увеличивая ход. Мачта от напряжения парусов постанывала, напоминая князю женский плач. Он слышал его... когда-то очень давно. Так плакала мать, когда его отбирали у нее. Он не помнил ее лица, только глаза, красивые зеленые глаза. Сколько тогда ему было? Пять... шесть. Давно это было, почти пятьдесят лет тому назад. Он больше никогда не видел свою мать. Уже будучи отроком, он пытался расспрашивать и своего пестуна Жавра, даже у волхов выпытывал. Да все без толку – померла, говорили, твоя матушка, княже, померла...

Вот только ее зеленые глаза с хитрым кошачьим прищуром... Князь сдвинул брови, силясь вспомнить. Он видел подобные глаза совсем недавно. Он готов был поклясться самому себе, что видел эти глаза. Но где? И вдруг князь улыбнулся и тихо рассмеялся в усы. Несколько дней назад, когда они вместе с Конди – главой медвежьего рода, приносили друг другу клятву в священной роще, они проходили мимо шалаша местной шаманки. «Кажется, Коди, так ее величают», – вспомнил князь. Удивительно, но у этой старухи были такие же зеленые глаза. С огоньком и кошачьим прищуром. Нет. Это смешно. Это просто совпадение. Не может же того быть...

Князь отогнал воспоминания и посмотрел на высокий правый берег реки. На холме, поросшем кустарником, виднелись его вершники. Один из них, привстав на стремянах, высоко поднял копьё с привязанной к нему красной тряпицей. Дружинник, подавая условный сигнал, принялся широко размахивать копьём.

– Уже рядом, – тихо произнес Боривой, переводя взгляд с конного сигнальщика на реку, – их борг уже рядом...

* * *

Вадим очнулся в холодном поту. Он медленно сел, потряс головой, прогоняя остатки сна.

– Нет. Не может быть, чтобы мне это все приснилось...

Он обхватил голову руками, провел ладонями по лицу. Нет. Видение не улетучивалось. Вадим мог поклясться чем угодно, но он помнил все в мельчайших подробностях.

Часть вторая Круги на воде

*Безмолвны боги и пустынные речи,
Когда один на жизненной тропе остался ты.
И лишь мгновенье встречи —
Пройдет. И повторятся на воде круги!*

Глава первая Беспечный Бьярни Сельвссон

*Мать труса не должна оплакивать его.
Латинская поговорка*

Бьярни Сельвссон, младший брат ярла Гутрума, хозяина Альдегьюборга, сидел в малом

дружинном доме за длинным столом со своими хускарлами – лучшими воинами хирда – и слушал седого скальда.⁴⁵ Вдоль стен размещались большие сундуки с плоскими крышками, служившие викингам и кладовой для личных вещей, и одновременно спальным местом. Все сундуки были застелены звериными шкурами – удобная и теплая подстилка для неприхотливых воинов. Поверх шкур лежали трое блаженно растянувшихся хускарлов, с интересом внимающих висам⁴⁶ скальда.

Помещение дружинного дома не имело перегородок и было единым большим пространством. Единственный очаг, сложенный из камня и расположенный строго по центру, жарко горел, согревая и освещая помещение. Дым выходил в отдушину в крыше строения. По обе стороны от очага стояли два длинных стола со скамьями. За дальним от входа столом восседал сам Бьярни с пятью хускарлами и рассеянно внимал очередной саге.⁴⁷ Скальд стоял у огня и, гордо вскинув седую голову, читал недавно сложенную им сагу о деве-воительнице, о прекрасной валькирии:

Дева, что вихря секир не боится,
Скальдом себя называет нечасто.
Прозвищем ясен мечей наградивший,
Вынудил с даром богов посчитаться...

Бьярни обвел взглядом сидевших за столом воинов, они слушали мягкий голос скальда и пили брагу. До ухода Гутрума в поход в этом доме жили более двадцати хускарлов. Но ярл ушел, забрав почти всех. Этих троих за столом и троих, лежащих на сундуках, он не взял с собой. И в том была его, Бьярни, вина.

Вместо ответного прозвища-дара —
Фафнира сына чтоб было достойно,
Альвов сестра в ночь оружием скальда
Речи цветы лишь для вис собирала...

За два дня до отхода хозяина Альдегьюборга младший Сельвссон именно с этими своими дружками и собутыльниками устроили удачный, как им тогда казалось, налет на вепсскую весь. Они, позарившись на местных баб, вскоре об том крепко пожалели. Чем были заразны те бабы, покарать их Фрея, ни Бьярни, ни его дружки не знали, но страдали от этого не меньше. Брат ярла тяжело вздохнул и осторожно почесал мошонку. Болело. Но уже не так сильно, как поутру. Выпитая брага притупляла боль, и Бьярни налил себе в кружку еще хмельного напитка из глиняного кувшина.

А скальд старался угодить слушателям и выводил очередные строки:

С Дисов твореньем играть без опаски,
Ясен кольчуги, не глядя, решил! —
Будучи хельдом, в себе он уверен:
Дроми и Лединг его не удержат...

Вот уже целую неделю они мучились с распухшими мошонками и писали со слезами на глазах. Жить становилось с каждым днем все труднее, и если бы не брага, было бы совсем

⁴⁵ Скальд – поэт, стихотворец.

⁴⁶ Висы – стихотворная форма.

⁴⁷ Сага – древнескандинавская стихотворная форма изложения, как правило, о богах и подвигах героев.

невыносимо. Бьярни немигающим взглядом уставился на стол. Три масляных светильника в глиняных подставках горели ровно и почти без копоти. По всей поверхности стола стояли деревянные и кожаные кружки, несколько емкостей со свежайшей медовой брагой, тарелки с остывшим мясом и неаккуратно нарезанным хлебом.

Две большие черные мухи короткими перебежками металась по столу, принаравливаясь к крошкам. Бьярни дернул головой, часто заморгал, ему вспомнилось, как орал на него брат, когда узнал об их болезни. Ярл метал молнии, и до того безрассудно храбрый в пьяном угаре Бьярни оробел и испугался не на шутку. Брат пригрозил отправить его на Белое озеро. А Бьярни в эту дыру ну никак не хотелось.

Скальд же все не унимался. Он повысил голос:

Воину славному, может быть, Локки,
Имя для флинны, коварный, придумал,
Хюльдрой ее уже раз называвший.
В пляске мечей это имя пропало...

Все заболевшие хускарлы во главе с младшим Сельвссоном ожидали возвращения гонцов, посланных в одну дальнюю весь, дабы разыскать и привести в борг вепсскую колдунью, которая, по слухам, способна исцелить многие болезни и недуги, даже тот, что они подхватили от местных баб. Ждали гонцов уже долго, успев выпить много хмельной браги и вдоволь наслушаться скальда.

«Да где их носит?» – в сердцах подумал Бьярни, расстегивая наборный пояс. А седовласый скальд, продолжал чеканить каждое слово:

В сече безумной с яростью Тора
Воину дева желает рубиться!
Вражьи щиты от ударов трещали!
Ратей отец чтоб взирал благосклонно!⁴⁸

Последние строки стихотворец выкрикнул как призыв и, устало опустив голову, медленно осел на скамью.

Брат ярла с трудом поднял свое грузное тело. Постоял, потягиваясь, а затем, подняв почти полную кружку, произнес:

– За мудрого Вемунда, чьи висы достойны богов!

– Скэль! – поддержали его речь хускарлы, поднимая кружки.

– Скэль!⁴⁹ – ответил скальд. – Благодарю хозяев за столь высокую оценку моего скромного труда.

Все дружно выпили и, негромко крикнув от удовольствия, стали усаживаться на места.

– Ой, – воскликнул один из викингов и, зажав причинное место, согнулся.

– Садись давай, – заметил его сосед с огненно-рыжей бородой, – сидеть оно легче.

– Садись, Свен, – поддержал другой, со шрамом на левой щеке, – выпьем еще.

Свен осторожно, чтобы не вспугнуть затихающую боль, опустился на скамью. Хускарл со шрамом отпил браги и громко рыгнул.

– Хороша получилась брага.

– Хороша, Эйнар, – ответил рыжебородый.

Бьярни тоже отпил из своей кружки и со стуком хлопнул ее об стол.

– И где их носит? Давно должны уже возвратиться, – в нетерпении прорычал он.

⁴⁸ Стихи Жанны Дедовой.

⁴⁹ Скэль – короткий древнескандинавский тост, наподобие русского «Будем!».

– Вот и ярл обещал через четыре дня вернуться, – подлил масла в огонь Эйнар.

– Да что с ними станется? – огрызнулся Сельвссон. – Никуда не денутся, вернутся.

Ожидание избавления от болячки томило и раздражало Бьярни. Пить уже не хотелось, аппетит пропал. Разве что еще одну короткую сагу? Нет. Надоело. «Хорошо бы колдунья помогла», – с надеждой подумал брат ярла, почесывая свои взъерошенные пепельные волосы.

– Может, еще что поведаешь нам, Вемунд Сказитель, – предложил рыжебородый, обращаясь к скальду.

Стихотворец прикрыл глаза, задумался. Он сегодня уже много им спел и рассказал саг, но, видно, придется еще. Скальд устало поднялся.

– Я спою вам песнь о храбром воине Эльдаре...

«О нет, сжальтесь, боги», – про себя взмолился Бьярни. Он слышал эту заунывную сагу уже несколько раз и больше не хотел. Но скальд не заметил гримасы на его лице и начал:

В глухом краю, на склоне дней своих,
Старик напутствовал детей,
Он им оставил все, что было,
А старшему он подарил клинок,
Чье имя было Пожиратель змей!

Брат ярла залпом допил брагу из кружки и, поставив локти на стол, прикрыл ладонями уши. Бьярни ругал себя за глупую выходку с вепскими бабами. И откуда только взялась эта напасть. Они и раньше портили местных баб и девок, но такого не приключалось до сей поры. И ведь предупреждал его Гутрум – не лезь. «Чтоб ты пропал со своими советами», – зло подумал Бьярни. Он глубоко вздохнул и вдруг закашлялся, его большой живот заходил ходуном. Он долго не мог откашляться, и скальд оборвал свою сагу. Теперь все сочувственно смотрели на Бьярни.

Не успел Сельвссон окончательно унять кашель, как за стенами дома послышались встревоженные крики и шум.

– Никак прибыли, – выдавил Бьярни. – Олаф, сходи, посмотри.

Рыжебородый викинг не спеша поднялся и, широко расставляя ноги, направился к двери. Вернулся он через несколько минут, и не один.

– Давай, проходи, – скомандовал Олаф, подталкивая в спину лохматое существо.

Брат ярла упер ладони в стол, прищурился.

– Давай, шевели ногами, – подгонял рыжебородый.

Он протолкал существо ближе к очагу, к свету. Все собравшиеся оживились, с интересом уставившись на прибывшую вепскую колдунью. Лохматая, местами драная шуба из звериных шкур свисала до самого пола, полностью скрывая фигуру. Олаф сбил с нее лисью шапку с торчащими ушами зверька, и черные, густые волосы колдуны упали на плечи. Испуганные серые глаза дико озирались по сторонам.

– Это и есть их колдунья? – не поверил Бьярни, разглядывая совсем еще юную девушку. – Кого вы мне привели?! Это же девчонка!

– Так старуха воспротивилась, не захотела ехать, парни ее и пристукнули сгоряча, – начал оправдываться Олаф, – а эта при ней жила...

– О боги! – прервав его, воскликнул брат ярла, ударяя тяжелым кулаком по столу. – Зачем вы лезли их разума?!

– Подожди, Бьярни, – вмешался Эйнар, – может, девка на что способна? Может, травы знает?

– Локки решил вас разума! – вскипел младший Сельвссон. – Да где ты видел, чтобы такие соплячки были травницами?!

– Может, все же узнаем... попробуем, чем так мучиться? – с надеждой в голосе спросил Свен.

Но узнать о талантах и мастерстве девушки им не пришлось. Дверь с грохотом отворилась, и в дом влетел запыхавшийся молодой воин.

– Бьярни! – тревожно позвал он. – Бьярни, на реке драккары!

– Чего пасть рвешь? – зло спросил брат ярла. – Гутрум возвращается?

– Нет! Чужаки!

Все сидевшие за столом и лежащие на сундуках викинги вскочили, забыв про свои больные места.

– Сколько? – почти разом спросили хускарлы.

– Двенадцать, – тяжело выдохнул молодой, – у них на мачте прибит щит.

– Олаф! Девку под замок, – приказал Бьярни. – Свен, быстро поднимай всех!

Сельвссон поднял ремень со скамьи, опоясался и, поправив меч в ножнах, заковылял к выходу. Хускарлы последовали за ним. Только скальд Вемунд остался безучастным к происходящему. Он молча продолжал сидеть за столом, повернувшись к очагу, и, казалось, думал о чем-то своем, созерцая огонь. А может, он слагал очередную сагу? Сагу о страшной болезни, посланной богами на могучего Бьярни и его людей? Возможно... да, могла бы получиться отличная сага, если бы Вемунд Сказитель знал наперед, чем это все закончится.

* * *

Во внутреннем дворе борга уже сустились хирдманы. Они выбегали из дружинных домов, бряцая оружием, натягивая на ходу доспехи и шлемы. Мелькали разноцветные щиты, полосатые штаны, металась под ногами испуганные куры.

Бьярни, в сопровождении вышедших с ним хускарлов, поднялся на крепостную стену. Солнце слепило, и брату ярла пришлось приставить ладонь ко лбу, чтобы разглядеть незваных гостей. По широкой Альдегье, со стороны озера, под парусами шли двенадцать драккаров. Десять из них шли попарно, один впереди, во главе колонны, и один позади, замыкая ее. Бьярни разглядел восемь больших драккаров и четыре поменьше. В солнечных бликах он пока не мог различить цвет парусов, но зато заметил на самой верхушке мачты переднего драккара круглый щит. «Красный или белый щит?»⁵⁰ – гадал Бьярни, теребя свою льняную бороду.

Теперь оставалось немного подождать, когда чужаки подойдут поближе и можно будет разглядеть цвет парусов, и главное – цвет прибитого на мачте щита. Бьярни посмотрел со стены вниз, туда, где у деревянной пристани стояли три его черных «дракона». «Если это враги, то на воде нам не устоять, – лихорадочно размышлял Сельвссон, – но и за стенами долго не усидеть, их слишком много».

– Эйнар, – обернувшись, позвал он своего хускарла. Тот подошел. – Собери четыре десятка у ворот, – шепнул ему на ухо Бьярни, – и ждите моего сигнала.

Эйнар кивнул и, немного приспустив кожаные штаны, чтобы не давили на больное место, отправился собирать людей.

Неизвестные драккары приближались. Бьярни напряг зрение и наконец разглядел цвет парусов и прибитого на мачте щита. Широкие серые полосы на парусе чередовались со светло-зелеными, а щит был КРАСНЫЙ. И это заметили все, кто стоял на стене.

– Свен! – прокричал брат ярла, заметив во внутреннем дворе хускарла. – Давай всех на стены, разводите костры!

Но костры уже горели. В больших клепаных котлах уже булькали разогретая смола и кипяток. Хирдманы готовились отразить нападение непрощенных гостей.

– Я узнаю эти паруса, – неожиданно произнес поднявшийся на стену Олаф, – это даны!

– Да, да, – подтвердил стоявший рядом хускарл с рваной левой ноздрей, – и я узнаю их,

⁵⁰ Викинги имели обычай прибивать на мачте круглый цветной щит. Красный щит означал войну. Белый – мирные намерения.

это драккары ярла Атли Кривого.

Бьярни еще раз обернулся посмотреть, как Эйнар выполняет его поручение и собирает воинов у ворот. Затем он перевел взгляд обратно на реку, где драккары данов приближались. Они уже стали забирать от середины реки к берегу, на котором стоял борг.

– Двенадцать драккаров, пять сотен воинов, – тихо бормотал себе под нос младший Сельвссон, производя математические исчисления.

– Эх, – вздохнул Олаф, – нам бы только день продержаться, а там, может, и ярл вернется.

– Что проку! – рявкнул Бьярни. – Их там пять сотен, у нас полторы, а брат увел тринадцать десятков.

– Ну, мы и не в таких передрыгах бывали, – философски заметил хускарл с рваной ноздрей.

– Заткнулся бы ты, Хамунд, – рассерженно прервал его Бьярни.

На стену вбежал Свен и доложил, что все готовы, смола вскипела.

– Хорошо, – рассеянно отреагировал Бьярни на его доклад.

Меж тем ладьи Атли Кривого разделились. Девять повернули четко к берегу, а три больших драккара направились к пристани. Брат ярла, заметив этот маневр, решил, что медлить больше нельзя.

– Надо срочно разыскать Гутрума! – воскликнул он так, чтобы все стоящие на стене расслышали его. – Я отправляюсь к нему.

– Как? – недоуменно спросил Рваная Ноздря.

– Попытаюсь проскочить! – отрезал Бьярни. – А ты, Хамунд, остаешься за старшего, – он вновь повысил голос: – Все слышали? Хамунд старший!

Хускарл с рваной ноздрей неуверенно кивнул.

– Тебе надо продержаться день или два, – успокоил его Сельвссон, – я разыщу брата, и мы придумаем, как спасти борг.

Хамунд хотел что-то спросить, но Бьярни не дал ему этого сделать.

– Олаф, Свен, за мной, – скомандовал он и быстро настолько, насколько ему позволяло его грузное тело и распухшая мошонка, ринулся к лестнице, прочь со стены. Прихрамывая и широко расставляя ноги, все трое преодолели внутренний двор и оказались у ворот, где их поджидал Эйнар с четырьмя десятками воинов.

– Эйнар, мы должны успеть на наши драккары и уйти, – тихо прошептал Бьярни, – мы должны найти Гутрума.

Левая, изуродованная щека хускарла нервно дернулась. Он кивнул, – мол, понял, сделаем.

– Открывай ворота! – скомандовал Свен.

Викинги подняли массивную балку, служившую надежным воротным запором.

– Выходим, выходим, – стал поторапливать Бьярни хирдманов, когда створки начали раздвигаться.

Ему не терпелось покинуть борг, который с минуту на минуту мог превратиться в смертельную мышеловку.

– Олаф, – спохватился Сельвссон и завертел головой. – Олаф!

– Бьярни, я здесь, – хускарл оттолкнул одного из хирдманов и подошел на зов.

– Олаф, – брат ярла тревожно схватил его за рукав, – сундук надо забрать, – он оглянулся и, понизив голос, шепнул: – В мешок все сложи.

– Хорошо, сделаю, – кивнул Олаф и кинулся в дом ярла.

Четыре десятка воинов покидали борг, а их товарищи, стоя на стенах, крепко сжимали древки копий и секир. Они оставались защищать Альдегьюборг, защищать, пока ярл не вернется и не выручит своих людей.

Из малого дружинного дома вышел усталый скальд. Он прищурился от яркого солнечного света и постоял немного, прикрывая глаза рукой. Он обвел взглядом внутренний двор, заметил готовых к бою дружинников на стенах, увидел исчезающих в воротном проеме

воинов и стоящего у створки Бьярни, который в нетерпении грыз ногти. Вемунд Сказитель приметил справа от дверей, у стены жилища хускарлов, небольшую лавку. Он, не спеша, почти по-старчески пошаркав ногами, подошел к ней и, опершись о стену дома, медленно опустился, сел. Хирдманы громко переговаривались на стенах, что-то кричали друг другу, ругались, некоторые грозили кулаками за стену, понося врагов. Но скальду было все равно. На сегодня он уже спел и рассказал все, о чем его просили, и эта суета его не касалась. В мире высоких вис и длинных саг не бывает суеты. Все должно быть степенно. А иначе строки не удержатся в голове, не отложатся в памяти, разлетятся испуганными птахами, вспорхнут разноцветными бабочками и улетят. Поди поймай их потом.

– Ох-хо, – устало вздохнул Вемунд, прозванный за свое искусство Сказителем, и увидел, как из дома напротив выбегает Олаф. В одной руке он держал секиру, а другой придерживал мешок, перекинутый через плечо. Викинг, сгибаясь под ношей, направился к воротам. Заметив его, Бьярни, наконец, перестал терзать зубами ногти и крикнул:

– Давай, Олаф, шевелись!

Хускарл, преодолевая вспыхнувшую боль между ног, все же нашел в себе силы ускорить шаг.

– Вы, двое, помогите ему, – приказал Сельвссон хирдманам, стоящим у ворот.

Они, прислонив копья к стене, подбежали к Олафу и приняли его ношу.

– Быстро на драккар! – скомандовал Бьярни.

Когда они покинули борг, викинги закрыли створки ворот и водрузили запор на место.

– В тумане сером ему привиделась дорога, – тихо вымолвил скальд Вемунд, – и вереница черных лошадей...

Он откинул голову, прислонился к нагретой солнцем стене дома, блаженно прикрыл глаза и продолжил:

– На лошадях тех горделиво восседали мужи, храбрейшие из всех...

* * *

Хирдманы ярла Гутрума во главе с его братом Бьярни бежали к пристани, к своим драккарам. Вот они протопали по деревянному настилу и стали лихо перепрыгивать через борт одной из ладей. Брат ярла семенил самым последним, рядом с рыжебородым Олафом, а чуть впереди них, вцепившись в мешок, бежали двое дружинников.

– Быстрее, быстрее, – бурчал себе под нос Бьярни, поторапливая самого себя, – быстрее...

Когда они с Олафом добежали до черного «дракона», все воины были уже на своих местах и устраивали весла в отверстия бортов. Младший брат ярла тяжело перевалился через борт и заорал:

– Отталкивай! Отталкивай!

Несколько дружинников, уже стоявшие наготове с шестами, оттолкнули драккар от пристани. Бьярни проследил, чтобы мешок надежно разместили под носовой скамьей, и только сейчас он посмотрел на реку. К ним спешили три ладьи данов. Они заметили бегство людей из борга и теперь яростно налегали на весла, стараясь перехватить их прежде, чем те отойдут хотя бы на середину реки.

Олаф метнулся к рулевому веслу и занял свое место.

– Навались! – прокричал Бьярни, видя, как даны стремительно приближаются. – Навались!

Но задача у беглецов была не из легких. Им предстояло сделать разворот, обмануть преследователей и вырваться через строй врага к озеру. Только там было спасение, именно туда ушел ярл Гутрум.

– Лучники, на корму! – приказал Сельвссон.

Пятеро воинов устремились на корму. Они скинули луки и извлекли стрелы из колчанов. Но первыми выстрелили даны. Несколько стрел, не попав в цель, бессильно

зарылись в серые волны Альдегьи. Лучники Бьярни наложили стрелы на тетиву, прицелились и сделали залп. Брат Гутрума проследил за полетом стрел и обрадовался словно ребенок, заметив, как одна из стрел поразила вражеского лучника.

– Молодцы! Стреляйте еще!

Драккар беглецов достиг середины реки, резко развернулся и полетел навстречу трем кораблям Атли Косого. Иного выхода не было, только вперед, сквозь их строй. Продолжая метать друг в друга стрелы, противники сходились. Два драккара данов, видя, как альдегьюборгцы пытаются лезть напролом, стали сокращать расстояние между собой, сжимая пространство, куда те могли протиснуться. Третья ладья нападавших заходила по правому борту. Бьярни понимал, что либо сейчас, либо никогда.

– Олаф! – крикнул он. – Клади на левый борт. Правый борт – табань!

Драккар резко изменил траекторию и стал быстро уходить в сторону от преследователей. Теперь корабль альдегьюборгцев, вырвавшись вперед, держал курс к озеру, а за его кормой быстро разворачивались даны. Началась гонка по прямой. Больше никаких маневров, только скорость, только сила и выносливость гребцов могли спасти Бьярни и его людей.

Драккары летели по течению, но встречный ветер больше тормозил данов. Они шли с распушенными парусами, и теперь их первоначальное преимущество обернулось против них самих. Встречный ветер трепал серо-зеленые паруса данов, тормозя их движение. Бьярни же, понимая бесполезность паруса, не стал его ставить, положившись исключительно на весла. И оказался прав. Теперь даны отставали, и с каждым новым взмахом все больше. Они слишком поздно принялись убирать паруса, время было упущено. Беглецы уходили.

Бьярни обернулся, прикинул расстояние до вражеских ладей и облегченно выдохнул – им уже не догнать их. Он перевел взгляд на высокий берег, на вершине которого возвышался их с братом борг. Но отсюда уже не было видно людей, и ему оставалось только гадать, начался ли штурм сразу или нет. Когда он оторвался от созерцания удаляющегося Альдегьюборга и вновь обратил внимание на драккары преследователей, то увидел, как они, прекратив преследование, поворачивают назад к боргу.

– Ушли, – тихо промолвил брат ярла Гутрума и, облегченно вздохнув, опустил на носовую скамью, под которой в грязном мешке лежала вся казна Альдегьюборга.

Глава вторая Власть меняется

Удел храбрых – жить со славой и умереть со славой.
Софокл

Ярл Атли, по прозвищу Косой, сын Лейва Старого, был давно наслышан о далеком и богатом крае, где властвует ярл Гутрум в Альдегьюборге, и долго готовил этот поход. За прошедшую зиму и весну он собрал двенадцать драккаров и более пятисот отменных воинов, готовых вместе с ним разделить опасности дальнего похода и предстоящую добычу. Атли оснастил корабли всем необходимым: резервными парусами и веслами, канатами и паклей, запасся водой и провизией, принес в жертву Одину быка, восемь козлят, и полтора месяца назад вышел в поход. По дороге они выдержали небольшой шторм и без потерь достигли заветной цели. Ярла несколько огорчало, что одному из вражеских драккаров удалось уйти из борга, но он был уверен, что эти трусы не достойны называть себя викингами.

Его воины, вступив на берег, стремительно обложили борг со всех сторон, дабы пресечь любые попытки покинуть крепость. Пристань Альдегьюборга на реке захватили, высадив десант, а вместе с ней и два находившихся на привязи черных «дракона». Эта была первая удача – богатый трофей.

Узник в рваных лохмотьях нашел в себе силы подняться. Его окружала полная мгла, где-то в углу попискивали мыши. Пленник оперся руками о стену погреба, встал. Впервые за долгие дни, он решил подняться по лестнице и проверить дверь на прочность. Он знал, что лестница, ведущая наверх, находится близко, где-то чуть впереди. Всякий раз, когда к нему спускались и приносили скудную еду и питье, он пытался запомнить расположение предметов в погребе.

Пошарив в темноте, он нащупал довольно большой осколок глиняного кувшина. Юноша сгреб осколок в кулак и по памяти направился к лестнице. Подъем дался с трудом. Болели отбитые ребра, а дышать сырым воздухом было и вовсе неприятно.

Достигнув деревянной двери, он прислонился к ней плечом и осторожно надавил. Дверь приоткрылась, в образовавшуюся щель брызнул солнечный свет. Инстинктивно человек прикрыл глаза руками. Несколько секунд он моргал, давая возможность глазам привыкнуть к свету. Он попытался надавить еще раз, но дверь более не поддавалась. Ему удалось разглядеть сквозь щель, что путь к свободе закрывает небольшая защелка. Узник затих и прислушался. Около двери вроде никто не ходил. До упора скосив глаза, он, насколько позволяла узкая щель, осмотрелся – как ему показалось, около погреба не было ни души. Внезапно раздался шум и крики. Юноша мгновенно затих и практически перестал дышать.

«На стене шумят», – определил он источник звуков. В следующую секунду он приложил все оставшиеся после избиений силы и высадил дверь. Узник ринулся на свободу, жадно хватая ртом свежий воздух, однако не забыл приставить дверь на место и накинуть сорванную защелку. Мгновение ушло у него на то, чтобы осмотреться и найти укрытие. Как ни странно, во дворе борга не было ни души, зато вся фасадная крепостная стена над воротами была занята воинами. Слава богам, все они смотрели за стену и, оставаясь незамеченным, беглец юркнул за ближайший сарай.

«Кто же это осадил борг?» – беззвучный вопрос остался без ответа – вариантов было несколько. Беглец, оставаясь незамеченным, прошел вдоль сарая, перебежал до избы и уже оттуда в несколько прыжков достиг крепостной стены. Слева от него виднелась лестница, что вела наверх, к угловой башне. План созрел мгновенно – подняться на башню и там затаиться, дожидаться подходящего момента.

Беглец бесшумно, стремительно перебирая босыми ногами, пробежал наверх по широкой лестнице. Боги вновь оказались милостивы. Воины на стене стояли к нему спиной и совершенно не собирались занимать оборону в башне. Дружинники активно бранились со стоящими внизу, у подножия борга. Всего несколько метров по заборалу – и беглец оказался внутри башни. Сориентировавшись, он поднялся на второй боевой ярус и справа от себя приметил низкую дверь. Не задумываясь открыв ее, сбегавший узник очутился в маленькой комнате с шестью бойницами по кругу, четыре из них выводили на фронт, а две смотрели вовнутрь борга. Прикрыв за собой дверь, он придавил ее спиной и тут же нащупал массивный кованый засов. Железо лязгнуло, прочно запечатав выход.

«Так кто же там осадил борг?» – в предчувствии ответа беглец прильнул к бойнице...

* * *

Предводитель данов стоял за строем своих воинов в добротной кольчуге и в шлеме с неполной бармицей.⁵¹ Массивная серебряная фибула держала на его плечах шерстяной плащ темно-зеленого цвета.

К ярлу Атли подошел его хевдинг Асбьерн Весло, прозванный так за свой высокий

⁵¹ Бармица – кольчужная защита, прикреплялась к шлему. Полная бармица защищает и лицо, и затылок; неполная бармица – только шею.

рост и необычайно длинные руки с широченными ладонями, напоминающими лопасть весла.

– Я приказал воинам рубить таран, – доложил он ярлу.

Атли поправил повязку, закрывавшую его пустую правую глазницу.

– Хорошо, как будет готово, дай знать.

Два десятка данов спешно рубили деревья в ближайшем к боргу леске. Остальные воины, охватив Альдегьюборг плотным кольцом, ждали приказа к штурму.

Атли догадывался, что в борге не должно быть больше двух сотен воинов, он не сомневался, что возьмет крепость штурмом, но вначале решил попробовать иначе. Он выступил вперед из-за строя своей дружины и, сделав несколько шагов к воротам борга, поднял вверх щит и громко воскликнул:

– Я – Атли, сын Лейва, по прозвищу Косой, ярл Лунда! А кто ваш ярл?

Ему ответили не сразу. Ярл оглядел защитников, показавшихся из-за укрытий, опустил щит и повторил:

– Кто ваш ярл? Или он настолько труслив, что скрывает свое имя, дабы не опозорить своего отца?

Наконец ему ответили из-за стены:

– Наш ярл Гутрум, сын Сельви, по прозвищу Тур! Но его сейчас нет в борге!

Ярл данов повернул голову в сторону раздавшегося голоса и прищурился, стараясь рассмотреть отвечавшего. Наверху, на трехметровой стене борга стояли несколько десятков воинов. Они стояли не опасаясь, высунувшись почти до середины груди.

– А не он ли так лихо проскочил через мои драккары, бросив вас? – Атли громко рассмеялся.

– Нет! Не он, – ответил тот же голос из-за стены, – это мы как раз за ним послали, чтобы он пришел и сломал тебе шею, Косой!

Атли Лейвссон перестал смеяться и, заметив говорившего, сделал несколько шагов, чтобы приблизиться.

– Вы что же, решили отсиживаться за стенами и подолами ваших женщин? Выходите и бейтесь как подобает викингам! – глядя на альдегьюборгца с рваной ноздрей, бросил вызов Атли.

За спиной ярла одобрительно зашумели даны. Некоторые даже принялись колотить оружием по щитам, – мол, выходите, разомнемся.

– А ты что, по стенам лазать не умеешь? Или тебя испугали подолы наших женщин? – ответил защитник борга.

– Грязные подолы ваших шлюх меня не волнуют, а вот твою вторую ноздрю я бы вырвал с удовольствием, – произнес это, Атли хищно улыбнулся.

– Ты и я! – вскипел Хамунд, указывая рукой на ярла данов.

– Вылазь из своей норы, – почти равнодушно вымолвил Атли, – посмотрим, на что ты еще годен, старый пень!

Рваная Ноздря исчез со стены, в борге слышались какие-то крики, а затем ворота Мьельнир открылись. На ровную площадку перед воротами вышли два десятка викингов во главе с Хамундом. Он был одет в кольчугу и шлем, в руках держал большой круглый щит и меч. Видя приближение поединщика, Атли расстегнул фибулу, освобождаясь от плаща.

Викинги ярла и альдегьюборгцы, не соприкасаясь друг с другом, встали в круг, быстро организовав пространство для поединка.

– Ну что, Рваная Ноздря, может, скажешь, как твое имя? – спросил ярл, вынимая меч из ножен.

– Хамунд, сын Бьерна, – зло ответил варяг, становясь в боевую позицию, – запомни, расскажешь Одноглазому.

Противники начали медленно сходитьсь, мягко переставляя ноги, готовые в любую секунду отразить нападение или перейти в атаку. Зрители в круге и на стенах борга, охваченные азартом предстоящего действия, подбадривали своих предводителей, громко выкрикивая их имена. Даны вновь принялись колотить оружием по щитам.

Они кружили несколько секунд, постепенно сближаясь.

– Ну что, старый пень, покажи, на что способен, – подначивал ярл противника, пытаясь спровоцировать оскорблениями на атаку.

Но опытный Хамунд не поддался на провокацию. Он молча продолжал обходить дана, стараясь поставить его против солнца. Никто не решался произвести первый выпад.

– Давай, Хамунд, вдарь ему! Эй-хо! Вдарь! – кричали со стен борга.

– Атли, развали этот трухлявый пень! – слышались голоса данов.

Наконец ярлу надоело ждать. Он резко вскинул далеко вперед свой щит, якобы намериваясь ударить им, и нанес удар мечом. Хамунд разгадал его маневр, принял оружие дана на щит и сам пустил в дело меч. Атли мгновенно сделал шаг вперед, отбил удар и с силой пнул противника, целясь в колено. Хамунд едва успел отступить, как меч ярла вновь устремился к нему. Хускарл прикрылся щитом, на миг закрыв себе обзор, но этого оказалось достаточно. Дан молниеносно перевел свой щит в горизонтальное положение и врезал торцом по руке врага. Удар пришелся в предплечье альдегьюборгцу, он отдернул поврежденную руку и тут же получил по ней мечом. Его пальцы разжались, оружие выпало, а из руки обильно потекла кровь. По рядам защитников борга прокатился выдох сожаления.

– Атли!!! – раздались радостные крики данов.

Видя, что победа близка, ярл усилил натиск. Теперь на хускарла поочередно сыпались удары меча и щита. Хамунд отступал, прикрываясь своим щитом, он даже попытался ударить им в ответ, но его противник легко уклонился от взмаха. В следующий миг острая боль обожгла левую ногу хускарла. Дан ударил под щит. Хамунд сжал зубы, но устоять не смог. Он припал на одно колено, подгибая подрубленную конечность, и тяжело оперся щитом о землю.

– Ты проиграл, Хамунд, сын Бьерна, – довольно произнес Атли из-под шлема. Он замахнулся мечом, намереваясь перерубить противнику шею. – Передай привет Одноглазому!

Зрители разом притихли, а меч коротко пропел в воздухе и обрушился на хускарла. Как ни могуч был этот последний удар, но срубить голову врага Атли не смог. Он перерубил крепкую шею Хамунда лишь наполовину. Его голова неуклюже свесилась набок, из поврежденной артерии хлынула кровь. Но глаза альдегьюборгца оставались открытыми – продолжали смотреть вверх, на удаляющееся белое облако.

– Решайте, викинги! – победно воскликнул ярл. – Или вы защищаете свой борг, и тогда вас всех ждут чертоги Валгаллы, или сдаетесь. Я отдам вам один драккар, и кто хочет, может уходить. А кто останется, может служить мне!

– Наш ярл Гутрум вернется! – выступил вперед молодой воин.

Атли посмотрел на него и, указав мечом на окровавленное тело поверженного Хамунда, ответил:

– Забирайте вашего воина и подумайте! Даю вам время до захода. – И, повернувшись спиной к боргу, ярл данов зашагал прочь из круга.

Его дружина разомкнула строй и последовала за ним, освобождая место закончившегося поединка.

Двое защитников борга подошли к телу Хамунда, осторожно перевернули его и принялись снимать с него поясной ремень с бронзовыми накладками. Они также сняли с головы хускарла шлем.

Альдегьюборгцы сложили два щита вместе, подняли на них тело убитого товарища и медленно направились к воротам. На месте поединка, аккуратно сложенные вместе, остались лежать вещи Хамунда: меч, щит, шлем и наборный пояс – они теперь принадлежали победителю.

Рядом с трофеями стояла лужица крови – утоптанная земля плохо впитывает влагу.

* * *

Дав защитникам Альдегьюборга время подумать над его словами до захода солнца, ярл Атли не собирался штурмовать борг ночью. Он особенно не надеялся, что они откроют ему ворота еще до темноты, и про себя решил, что даст воинам ярла Гутрума поразмыслить до утра. Атли был уверен, что на сбежавшем драккаре был именно ярл Альдегьюборга, спешно покинувший обреченный борг. Ярл данов прекрасно понимал, что волчья стая распадется без вожака или будет искать нового. А новый вожак – это он, Атли, ярл датского Лунда, и он предоставил им выбор, справедливый выбор: остаться и погибнуть или покинуть борг.

Атли распорядился устанавливать лагерь так, чтобы защитники борга видели его многочисленные костры, рассчитывая, что это вселит в них неизбежность поражения. Даны сносили со своих «драконов» походные палатки и размещали их напротив борга, у кромки леса, чуть дальше, чем на полет стрелы. Воины Атли установили металлические треноги и повесили на них клепаные походные котлы. Они принялись мирно готовить себе ужин из того, что послал им Один, а великий Одноглазый был сегодня как нельзя более благосклонен к данам – в брошенных домах посада были обнаружены несколько овец, забытых хозяевами в спешке бегства. Однако даны не забыли выставить вокруг осажденных крепкие заставы на случай, если те наберутся дерзости и попытаются выйти за ворота.

Два оставшихся драккара альдегьюборгцев даны перегнали выше по течению и присоединили к своим. Варяги Гутрума видели со стен борга, как враги расположились на берегу у стоянки своих драккаров, выставив надежное охранение. Увели даны и все лодки, что находились на берегу у пристани борга. Они не поленились и спустили их на воду, привязали к ладьям и отбуксировали на общую стоянку своего флота. У защитников крепости не осталось ни малейшей возможности вырваться из окружения по воде.

* * *

Все это время беглец провел в башне, оставаясь незамеченным. Он слышал, что в башню заходили и выходили воины, но никто из защитников Альдегьюборга не пытался проникнуть в спасительную для него комнату. Из бойниц беглец видел все, что происходило на поле перед крепостью. До него доносились отдельные слова, которые он вполне мог различить и понять, так что он сложил себе определенную картину всего происходившего.

Стремительно темнело, и лагерь осаждающих притих, лишь горящие костры выдавали присутствие людей. Теперь самое интересное происходило в самом борге. Беглец сменил точку обзора и пристроился к бойнице, выходящей внутрь Альдегьюборга.

Между тем в борге закипали нешуточные страсти. После того как тело Хамунда было предано огню и его душа вознеслась с дымом в чертоги Валгаллы, защитники вспомнили о словах ярла данов. Мнения резко разделились, образовались три неравные партии. Одни ратовали за то, чтобы защищать борг до последней крайности и ожидать подхода Гутрума с остальной дружиной. Сторонники этой идеи даже выдвигали смелые предположения о том, что когда Бьярни сообщит брату о подходе врага, тот сумеет заставить подвластных Альдегьюборгу чудинов выставить в подмогу ярлу своих воинов. Сторонников этой партии набралось добрых пять десятков – это были опытные старые вояки, которым резко претила мысль об оставлении борга, тем более что за десять лет многие уже успели «пустить корни» – обзавелись женами и детьми, обросли хозяйством и бросать в одночасье все они не хотели.

Вторые высмеяли эти заявления. Они настаивали на оставлении борга и намеревались воспользоваться предложением Атли уйти на одном драккаре на соединение с Гутрумом, чтобы сообща решить, что делать дальше. «Наш Тур точно придумает, как вернуть борг и выгнать этого Атли с его данами», – говорили они. Этим набралось чуть более трех десятков, но и среди них были семейные. Они видели в обещаниях Атли отпустить желающих реальный шанс спасти не сколько себя, сколько своих родных.

Третья, самая малочисленная, около двадцати человек, партия состояла в основном из молодых крикунов, которые пытались склонить остальных перейти на службу к ярлу данов. «Наш ярл Гутрум неведомо где, – доказывали они свою правоту, – Бьярни сбежал якобы

разыскивать его, но вернутся ли они? Так чего же мы ждем? Нет ничего зазорного в том, чтобы идти к Атли. Он сильный ярл и дружина у него крепкая. Может, с ним мы будем ходить в походы и возьмем много добычи, а не будем сидеть, протирая штаны в борге, карауля этих чудинов и словен».

Страсти накалялись. Ни одна из сторон не хотела уступать, с пеной у рта доказывая свою правоту. Солнце спряталось за дальний лес, стемнело. Спорщики уже и позабыли об отведенном им времени и, запалив во дворе борга костер и факелы, продолжали свой импровизированный тинг,⁵² благо, что Атли решил не предпринимать никаких действий до утра, но в крепости об этом не знали, им было не до того. Масла в огонь подлил один из стоящих на карауле возле хозяйского дома молодой варяг. Он заявил, что видел, как Олаф выбегал из дома Гутрума с тяжелым мешком. Тут же нашлось еще несколько человек, которые видели то же самое. Догадка пришла мгновенно.

– Казна, – пролетел отчаянный выдох по рядам альдегьюборгцев.

– Казна ярла Гутрума!?

– Бьярни украл казну, – предположил кто-то.

– Раз брат ярла забрал казну, – громко воскликнул молодой варяг с редкой темной бородкой, предлагавший до того перейти всем на службу к данам, – то никто выручать нас не придет.

Эта чудовищная мысль о возможном предательстве Бьярни добавила к партии «перехода к Атли» еще несколько человек. Но даже это известие не могло смутить сторонников партии «защиты борга».

– Если Бьярни и сбежал, как трусливая мышь, то Гутрум все равно вернется, – заявили они. – Тур никогда не бросал своих хирдманов в беде.

Спор разгорелся с новой силой. Нашлось даже несколько добровольцев, которые, сходя в дом ярла, подтвердили пропажу казны.

– Сундук пуст, – почти хором ответили они.

Заколебались и те, кто хотел воспользоваться обещанием Атли предоставить уходящим из города драккар. Они не знали, где искать Гутрума, а Бьярни знал, но где он теперь?

Старики из партии «защитников борга» принялись издеваться над своими трусоватыми товарищами:

– Идите, идите, просите у данов драккар, – говорили они, – так Атли и даст вам его. Да чтобы даны отдали просто так что-нибудь – такого не бывало никогда. А нарушить свое слово – так за ними это и раньше водилось.

Все громче подавали голос молодые крикуны:

– Атли не обманет! Если бы он хотел, то напал бы сразу, а не затевал хольмганг⁵³ с Хамундом.

Накал страстей не спадал. Уже почти все, кто раньше помышлял уйти на предоставленном Атли драккаре, теперь стали вдруг высказываться за то, чтобы остаться и защищать борг. Они опасались обмана данов.

Наконец устав и надорвав глотки, варяги стали потихоньку расходиться, напоследок выбрав старшего над обороной – седого и опытного Торира. Он-то и объявил, что поутру выпустит всех желающих за ворота. Молодежь попыталась было возразить, заявив, что, дескать, они уйдут к Атли немедленно.

– Если не передумаете – уйдете утром, – пообещал им Торир, – и хватит споров.

Центр внутреннего двора, место импровизированного тинга постепенно пустело. Некоторые расходились по домам, а кто-то спешил сменить товарищей на стенах и на посту

⁵² Тинг – древнескандинавское собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области. Тинги, как правило, имели не только законодательные полномочия, но и право избирать вождей или конунгов.

⁵³ Хольмганг – священный бой, поединок один на один.

у ворот. Семейные варяги, негромко переговариваясь, отправились в один из дружинных домов, где ютились их жены и дети, срочно эвакуированные из жилищ на посаде. Только около двух десятков молодых воинов, желавших перейти на сторону данов, дружно удалились к угловой башне, сели на щиты и принялись что-то вполголоса обсуждать. Главной темой для тайного сближения послужил отказ нового коменданта борга выпустить их за стены немедленно. В этом отказе они уличили некий подвох и нежелание Торира вообще выпускать кого бы то ни было за ворота. И кроме того, Атли мог и осерчать, ведь времени он дал на принятие решения – до захода солнца. А что если ярл данов не примет их на службу? После долгих перешептываний было принято единогласное решение покинуть Альдегьюборг как можно быстрее, тем более что солнце уже начинало всходить.

Поднявшись со щитов, все восемнадцать варягов направились к воротам борга. Караульных было трое, они сразу приметили решительно идущих воинов. Ультимативное заявление молодых – открыть ворота и выпустить их, не встретило понимания и одобрения со стороны воротных сторожей. Они потребовали разрешения от Торира, то есть его личного слова. Никакие уговоры и угрозы не подействовали, и тогда несколько молодых выхватили топоры и, вскинув щиты, кинулись силой пробивать себе дорогу.

* * *

Заварушка назревала серьезная, и беглец решил незамедлительно воспользоваться суматохой. «Другого шанса может и не быть», – сказал он себе и решительно отодвинул засов. Выйдя на парапет крепостной стены, он огляделся – сторожей не было видно. Почти вплотную прижавшись к стене, беглец стал быстро продвигаться к надвратной башне. Именно оттуда он смог бы спуститься вниз и под шумок проскользнуть в ворота. Он прекрасно видел, что у ворот началась стычка, он надеялся, что атакующие сумеют прорваться, а вместе с ними уйдет и он. Следовало только незамеченным добраться до лестницы и там немного выждать исхода боя.

Караульные оказались опытными воинами, они тут же сомкнулись в короткий строй, громко прокричали: «Измена! На борг напали!» и приняли удары на щиты. Завязалась неравная схватка. Но караульные, прижавшись спинами к воротам, охладили первый пыл нападавших. Они зарубили одного из них. Меч рассек ему шею, и он, издав какой-то невнятный хрип, рухнул как подкошенный под ноги своих атакующих товарищей.

– Измена! – еще раз во все горло прокричал один из караульных, принимая сразу два топора на щит. Он сумел их отбить, но третий топор расколол его шлем. Второй страж выпучил глаза, из его рта вывалился язык, и он, опустив оружие, упал. Сначала на колени, но следующий удар повалил его тело на бок.

Нападавшая молодежь сумела разъединить воротных стражей и теперь наседала на них со всех сторон. Вскоре они лишились еще одного из своих, до которого дотянулся меч караульного. А в следующую секунду нападавшим удалось сбить двоих с ног ударами щитов и топоров.

– Измена! – успел выкрикнуть последний из воротных стражей в предсмертной агонии.

Молодые торопились. На крик к воротам уже бежали защитники борга с Ториром во главе. Со стен и угловой башни полетели первые стрелы. Прежде чем им удалось скинуть засов, трое упали пронзенные стрелами. Торира и бежавшие за ним с десятков воинов были без доспехов, лишь немногие успели надеть шлемы. Они быстро приближались, извергая проклятия на головы предателей, размахивали мечами, топорами и копьями.

В это время беглец, согнувшись в три погибели, спустился почти до последней ступеньки. Он видел, что помощь воротным сторожам вот-вот придет и решил действовать. Как раз в этот момент атакующие успели приоткрыть одну воротную створку. Ждать больше было нельзя. У юноши появился шанс проскочить между сражающимися воинами и юркнуть в приоткрытую воротную створку. Он едва разогнул спину, чтобы рвануться к спасительным воротам, как позади него неожиданно раздался чей-то голос:

– А это еще кто?

Юноша резко обернулся и увидел прямо перед собой двоих воинов с обнаженными мечами в руках. Он совершенно не слышал, как им удалось бесшумно оказаться за его спиной, но это уже не имело ни малейшего значения. В следующую секунду тяжелый кулак с зажатой в нем рукоятью меча стремительно обрушился на его голову. Беглец покачнувшись, а второй удар окончательно вывел его из равновесия. Ноги подкосились, и юноша упал на ступеньки лестницы.

* * *

Подоспевшие к месту боя воины во главе с Ториром врезались в нестройную толпу предателей. Как соколы, ворвавшиеся в стайку перепуганных перепелок, они крушили все на своем пути. Раздались первые предсмертные крики. Ураган атаки в мгновение ока лишил пятерых молодых жизни. Не служить им в дружине Атли. Торир рвался к воротам – их следовало немедленно закрыть. Но в приоткрытую створку, наружу уже устремились самые ловкие.

– Бей их! – в азарте атаки воскликнул Торир.

– Бей сучье отродье! – поддержали его защитники Альдегьюборга и их мечи и топоры заработали еще быстрее, не оставляя шансов на спасение.

В этой безумной схватке своих со своими сторонники Торира потеряли двоих воинов, но уложили почти всех пытавшихся вырваться из борга. Лишь пятерым, самым шустрым, удалось проскочить в створ ворот, и теперь они со всех ног, побросав щиты, неслись в лагерь данов. Но добежали только трое из них. Двоих свалили лучники со стен, обильно утыкав их тела стрелами, словно пытались выместить на них злобу за подлое предательство.

В лагере данов тоже уже не спали. Сам ярл Атли Лейвссон в сопровождении двух десятков своих воинов вышел из лагеря оценить обстановку. Через небольшое поле, которое отделяло борг от передних палаток данов, бежали трое. Ярл сложил руки на груди и с равнодушным видом поджидал беглецов. Преодолев последние метры, те остановились на расстоянии вытянутой руки от ярла.

– Мы хотим... служить в твоей дружине, – задыхаясь от бега, вымолвил тот, что был выше всех ростом.

– Мы пробились с боем... – поддакнул второй, – но Торир всех порубил...

– Торир? – коротко спросил Атли.

– Вчера на тинге... его выбрали главой над обороной борга, – ответил третий беглец.

Ярл Атли улыбнулся и, обернувшись к своим воинам, произнес:

– Слышали! У них еще и тинг был! – он рассмеялся громко, во весь голос.

Даны хором подхватили, и раскаты задорного смеха сотрясли весь строй.

– У них был тинг, – утирая слезы, едва смог выговорить Атли, – тинг был! И что решили?

– Они будут защищать борг, – неуверенно ответил высокий перебежчик.

Ярл данов оборвал смех, дружинники тут же утихомирились. Атли оглядел всех троих варягов, пристально посмотрел им в глаза. Он увидел в них страх.

– Вы трусы и предатели, – твердо произнес ярл, – а такие мне не нужны!

И заметив смятение в глазах беглецов, он повернул голову к своим воинам и коротко приказал:

– Их ждет Водитель дружин.⁵⁴

Даны мгновенно выхватили оружие. Самый высокий из перебежчиков получил копьем вниз живота, он попытался дернуться, высвободиться, но широкий наконечник застрял глубоко. Он так и затих на копье.

⁵⁴ Водитель дружин – одно из имен бога Одина.

Двое других, что стояли чуть поодаль, услышав приказ Атли, кинулись бежать прочь. В спину одному прилетела метко запущенная сулица, с силой отбросив его вперед. Он упал, пытался ползти, но к нему уже спешили двое данов, чтобы прекратить его мучения.

Третьему удалось отбежать на несколько десятков метров, когда ему в ногу впиалась стрела. Он замер лишь на миг и продолжил бежать, привлекая раненую конечность. Один из данов под одобрительные возгласы товарищей кинулся за ним. Он приблизился на расстояние броска и вскинул топор. Беглец вовремя обернулся и, заметив взмах руки дана, упал на землю. Топор пролетел мимо. Варяг вскочил и продолжил путь к спасительным воротам борга, надеясь, что ему помогут. Промажнувшийся дан не спеша подошел и подобрал свое оружие. Позади него быстрыми шагами приближался Атли с воинами. Последнему из беглецов оставалось меньше полусотни шагов до ворот борга, когда топор все же нагнал его, жадно впившись между лопаток. Его рука непроизвольно потянулась за спину, пытаясь нащупать и вытащить топор. Но рука не дотягивалась. Беглец обреченно опустил руки и повернулся к своим преследователям. В его пустых, бесцветных глазах уже не было жизни, но он продолжал стоять.

Первым к нему подошел Атли. Он коротко глянул на стоявшего мертвеца и, положив руку тому на лоб, легонько толкнул. Варяг упал назад, еще глубже вгоняя топор в бездыханное тело. Ярл заметил, что со стен борга наблюдают за происходящим на поле перед воротами.

– Вы достойные воины! – воскликнул Атли. – Вы решили защищать свой борг, я уважаю ваш выбор, ибо сам поступил бы так же. Ваш ярл может гордиться, что у него... – он сделал короткую паузу и обернулся. За ним стояла почти вся его дружина, готовая по сигналу ринуться в бой. Заметил ярл и приготовленный таран.

– Гутрум может гордиться, что у него такие воины, как вы! БЫЛИ такие воины! – закончив речь, он взмахнул рукой.

Дружина данов с воплями «Один!!!» ринулась на штурм борга...

Глава третья **Казна ярла Гутрума**

За золото можно купить любой меч – тысячи мечей, тысячи воинов.

А тысячи воинов добудут нам еще золота.

Персидская поговорка

Драккары с новгородцами Радея и вепсами Павла на полпути к устью Волхова, в аккурат сразу за полдень повстречали шедшую навстречу одинокую ладью с полосатым парусом. На переднем драккаре находился сам новгородский воевода и десятник Вадим в начищенной до блеска кольчуге, которая досталась ему как законный военный трофей от ярла Гутрума.

– Это что еще там за гости? – удивился Радей, разглядывая приближающийся драккар, который был как две капли воды похож на те, что Вадим захватил у Гутрума.

– А это, воевода, кажись, варяги, заждались своего ярла и теперь спешают его отыскать, – с улыбкой ответил Вадим.

– Очень похоже на правду, – заметил воевода, – и ладья у них такая же.

– С ихнего боргу ладья, – подал голос стоящий рядом бородач Валуй, – не сомневайся, воевода.

Радей что-то пробурчал себе в бороду и уже громче добавил:

– Перун сам ведет их в наши руки. Прикажи, Вадим, трубить в дудки.⁵⁵

⁵⁵ Трубить в дудки – подавать сигнал к атаке.

– Не спеши, воевода, – мягко ответил десятник, – давай подождем, по всему видно, они нас за Гутрума приняли. Пусть подойдут поближе, так их легче будет взять изметом.⁵⁶

Радей перестал созерцать драккар варягов и повернулся к Вадиму.

– Дело говоришь, – похвалил он, кладя руку на плечо десятника, – молодец – голова!

Вадим от такой отеческой похвалы расплылся в довольной улыбке.

– Палей! – раскатистым басом приказал воевода рулевому, указывая вперед: – Держи на ту ладью.

– Держу, воевода, – перекрикивая ветер, заверил Щербатый, – держу!

Ветер сопровождал встречному драккару и он, забирая его полным парусом, спешил в расставленную ловушку. Новгородцы же шли на веслах, выстроившись в линию, так, чтобы варяги не смогли проскочить мимо. Лишь когда расстояние между ними сократилось до полета стрелы, на варяжском драккаре почуяли неладное, ибо ярл Гутрум никогда не водил своих «драконов» подобным образом.

Радей, заметив, что варяги стали убирать парус и ставить весла, тревожно спросил:

– Неужто разгадали?

Но ему никто не ответил. Вадим отвернулся и, взмахнув обеими руками, скомандовал:

– Навались, мужики! Быстрее!

Гребцы, поняв его, налегли на весла. На их драккаре, кроме новгородцев, сидящих на веслах, было еще два десятка вепсов, расположившихся на дне корабля.

– Валуй, – тихо прошептал Вадим своему заму, – готовь людей к бою.

Бородач, перешагивая через сидевших и полулежавших вепсов, двинулся назад, к рулевому веслу, на ходу приговаривая:

– Готовьтесь, токмо не вставайте... готовьтесь, тихо... токмо не вставать!

Когда корабли сблизились настолько, что можно было без труда разглядеть фигуры, Радей и Вадим заметили на носу встречного драккара плотного викинга, обряженного в явно коротковатую для него кольчугу. Он был без шлема и ветер трепал его давно нечесаные кудри.

– Этот кудлатый больно похож на Бьярни, брата Гутрума, – шепнул воевода Вадиму, – надо его брать.

Но плотный викинг разглядел, что на повстречавшихся ему драккарах брата явно не его брат с дружиной, и что-то коротко прокричал. Варяги ударили веслами, разворачивая свой драккар. Теперь скрываться было ни к чему, и Валуй поднял вепсов, а те осыпали варягов стрелами. Между тем три драккара новгородцев принялись обходить вражеское судно, преграждая ему путь к бегству. Еще несколько сильных взмахов – и головная ладья новгородцев почти вплотную приблизилась к противнику. Новгородцы и вепсы пустили в ход крючья, надежно связывая два судна для абордажной схватки.

– Вяжи весла! – прокричал воевода, выхватывая меч.

Стоявший рядом с воеводой Вадим ощутил прилив сил, по коже пробежали крупные мурашки. Он был весь в нетерпении – кровь бурлила. Теперь только одно – вперед! Рубить – убивать!

– Валуй, пошли! – приказал Вадим и, не глядя назад, выхватил подарок Конди из ножен и перепрыгнул на драккар варягов. Валуй и еще с десятков новгородцев и вепсов последовали за ним. Вадим приземлился не очень удачно, прямо на щит одного из викингов. От нехрупкого тела новгородского десятника варяг не устоял и повалился на дно драккара. Вадим, не раздумывая, саданул своим щитом по открытому горлу, брызнула кровь. Его тут же атаквали сразу два врага, но Валуй с подмогой были уже рядом, они стали оттеснять варягов от Вадима и от борта.

– Руби их в песи, круши в хузары! – яростно воскликнул Вадим, вспомнив старинный боевой клич, слышанный им в каком-то фильме про гусар. Но это кино, всего лишь кино, и

⁵⁶ Изметом – неожиданно, внезапно.

оно осталось где-то далеко-далеко...

А в этом, настоящем действе, варяги опомнились и перешли в контратаку. Вадим успел бросить взгляд в сторону, с другого борта варяжского судна подходил драккар, на котором шел Павел. Он даже заметил своего друга, стоявшего на носу, в шлеме и в кольчуге. Вадим невольно поймал себя на мысли, что забавно видеть Пашу в полном вооружении. Друг спешил на помощь.

Вадим был вне себя от ярости, как и тогда при обороне Каргийоки. Новгородский десятник, плотно прикрывшись щитом, врезался в строй врагов. Справа был Валуй, уже ставший неотлучным при нем за все прошедшие события и бои.

– Навались! – услышал Вадим бас воеводы, который дождался, когда воины свяжут весла и перекинут эти сходни на корабль врага.

– Навались, новгородцы! – гремел голос Радея, возглавлявшего подкрепление.

Вадим принял тяжелую секиру на щит, тот треснул, но выдержал. Десятник наложил свой щит на ударившего его варяга, придавил, но мечом воспользоваться не смог, слишком тесно было для замаха. Тогда Вадим сильнее нажал щитом и двинул коленом противнику между ног. Вадим из-за шума боя не расслышал его стона, но почувствовал, что тот стал оседать. Десятник все же улучил момент, когда стоявший справа от него Валуй чуть сдвинулся в сторону, освобождая место для размаха. Вадим отдернул свой щит и рубанул, рубанул коротко и зло. Варяг упал, но Вадим уже не смотрел на него. Краем глаза он уловил движение сбоку, викинг замахнулся двуручной секирой, целясь в его зама. Десятник вытянул руку со щитом, прикрывая Валуя, и в следующий миг лезвие секиры с треском развалило щит почти пополам. Рука предательски дрогнула от столь мощного удара и опустилась, было чертовски больно. Вадим качнулся, но устоял, в кулаке осталась перекаладина с умбоном. «Цела», – мелькнула мысль, когда он бегло оглядел руку. Валуй широко шагнул к варягу с секирой, прижал его щитом к борту и ударил гардой меча в лицо, еще раз, и еще, и еще... а напоследок добавил щитом, и тот полетел за борт – бултых! «Как куль с говном», – вспомнил Вадим бабушкину присказку, провожая взглядом тело поверженного Валуем викинга. Но предаваться воспоминаниям было некогда. Противник вновь пытался контратаковать.

Вадим запрыгнул на рум⁵⁷ и заметил, что драккар Павла уже сцепился с варяжским. Друга Вадим не увидел.

– Руби их в песи... – Десятник, перепрыгивая с рума на рум, оказался посередине вражеского судна, у самой мачты, где плотный варяг без шлема и в короткой кольчужке рубился с новгородцем в кожаном шлеме. Несмотря на дородность, тот вполне ловко орудовал мечом, перехватив его обеими руками. Вадим лишь на мгновение остановился, чтобы оглядеться, как этот варяг уложил новгородца, разрубив его череп. Вадим не колебался ни секунды. Он спрыгнул с рума и оказался перед викингом в короткой кольчуге. Они встретились взглядами. «А он не похож на своего брата», – сам не зная почему, подумал Вадим и тут же нанес удар. Бьярни попытался отступить, но места не хватило, и он принял удар на меч, отвел оружие десятника в сторону и вниз, погасив его энергию. Викинг высвободил свою левую и перехватил правую руку нападавшего чуть выше локтя. Вадим попытался вернуть меч и высвободиться из захвата, но тот вцепился в него, как утопающий за последнюю надежду. Тогда Вадим сам подтянул варяга к себе и, откинув голову, с размаху засадил ему шлемом в лоб. Рука Бьярни еще несколько секунд держала хватку, а затем ослабла, но он продолжал стоять, хотя его глаза начали блуждать, как у пьяного. Вадим решил добавить. Мощно вдарил еще разок шлемом. Варяг пошатнулся, его «копченный» взгляд потерял всякую осмысленность, но он стоял! Только третий удар шлемом подкосил Бьярни и он, словно огромный мешок с репой, громыхнулся на дно драккара.

Вадим быстро огляделся, голова немного кружилась от столь мощных ударов.

⁵⁷ Рум – скамья для гребцов.

«Подшлемник надо бы потолще», – мельком подумал десятник. Лоб у варяга оказался чересчур крепким.

Бой на ладье викингов затихал. Здесь, у мачты уже орудовал Валуй с новгородцами, добывая трех оставшихся противников. Десятник посмотрел в сторону, на корму вражеского судна – там он увидел друга. Павел, размахивая руками, руководил пленением двух варягов. Вадим перевел взгляд на нос драккара, откуда он начал абордаж. Там возвышался Радей и его бас разлетался вокруг:

– Всех мертвяков за борт!

От столпившегося народу и от трупов на дне, корабль заметно осел, лениво покачиваясь на боковых волнах. Новгородцы и вепсы, услышав приказ воеводы, стали освобождать тела врагов от доспехов и украшений, а потом швырять трупы за борт. Вадим устало опустил на ближайший рум, снял шлем и обтер ладонью мокрый лоб.

– Валуй, – позвал десятник, когда тот с двумя новгородцами выбросил за борт труп очередного варяга, – посмотри, что там за мешок у ног этого толстяка.

Валуй не стал возиться с веревками на мешке, достал нож и перерезал узел.

– Славная добыча, Вадим! – с улыбкой изрек бородач, открыв и заглянув в мешок.

– Что там? – вытянув шею, спросил десятник.

– Серебро.

Находившиеся рядом новгородцы и вепсы обступили Валуя, с интересом разглядывая, как Валуй роется в мешке и комментирует:

– Тут и золото есть. Кубок, рог... гривна шейная, еще рог... еще гривна....

– Ну, что столпились? – пробасил воевода, расталкивая зевак. – Кидайте этих за борт, – он указал на трупы варягов.

Радей застыл над мешком.

– Казна? – спросил он, оборачиваясь к Вадиму.

– Да вроде того, – ответил десятник, безразлично пожав плечами.

– Добро. А этого кто утихомирил, уж не ты ли, Вадим?!

Десятник кивнул.

– Ну ты воец, – похвалил воевода, – расскажу князю, как ты подманил их, – Радей хитро улыбнулся, – быть тебе воеводой, Вадим! Только чур уговор, после меня будешь,⁵⁸ – и он подмигнул десятнику.

– Да я и не тороплюсь, – почти равнодушно ответил Вадим, но на душе все равно потеплело.

«Ишь ты как, воевода Вадим – звучит гордо», – представив себя в роли военачальника, подумал Вадим.

Подошел Павел, отчего-то тоже весьма довольный и улыбающийся.

– А мы двоих захватили, – гордо заявил он воеводе по-словенски, уперев руки в бока.

– Молодцы, – коротко похвалил Радей и тут же спросил: – Потери есть?

– Шестеро убитых, – ответил Павел, продолжая улыбаться и щуриться от яркого солнца.

Воевода кивнул и принялся крутить головой в поисках кого-то.

– Палей! – громко позвал он, узрев Щербатого. – Что у наших?

– С ладьи пятеро наших и одиннадцать чудинов, – отрапортовал Палей.

Воевода задумался, поглаживая бороду ладонью и созерцая, как Валуй продолжает копаться в мешке. Тот вытаскивал на свет колечки, монеты, браслеты и, недолго их разглядывая, отправлял назад в мешок.

– Хватить zenки пялить, – отрезал Радей. – Валуй, вяжи мешок и давай на нашу ладью.

⁵⁸ В данном случае Радей намекает на воеводское старшинство, так сказать, на старшинство при производстве в чин. На Руси были большие или старшие воеводы, которые руководили всеми дружинами князя, и малые воеводы, которые командовали отдельными отрядами, впоследствии полками – полками правой или левой руки.

Вадим! – он посмотрел прямо в глаза сидящему на руме десятнику. – Этот будем топить, – воевода топнул по дну драккара. – Снесите все барахло на нашу ладью и топите.

Воевода Радей решил лично допросить взятых в плен викингов, правда, проку от этого вышло не много. Воевода не знал по-варяжски, а те не понимали по-словенски.

– Вот шиши⁵⁹ окаянные, – осерчал Радей Ослянович, – лопочут не по-нашему. – Он зло оглядел двоих связанных.

– Вот интересно, почему Бьярни оставил борг и сам, с казной в придачу, брата кинулся искать? – озабоченно спросил Вадим и тут же предположил: – Может, Боривой уже турнул их из борга?

– Нет, – не поверил воевода, – не может того статься, чтобы князь без нас дело начал.

– Тогда что они тут делают? – не унимался десятник. – Не погулять же вышли.

– Ага, на рыбалку, – предположил Павел.

– Дойдем до места, узнаем, – решил Радей, продолжая разглядывать пленников, – а ну-ка, ребята, давайте-ка этих с глаз долой.

Четверо стоявших рядом новгородцев поняли приказ буквально. Они подняли связанных варягов, перевалили их за борт и скинули в воду. Воевода не возражал.

– До борга уже не далеке, – констатировал Радей, – дойдем, поглядим, что там к чему. Да и князь уже должен быть поблизости. Надо поспешать.

Ветер резко изменился и теперь дул попутно. Четыре драккара с десантом, поймав парусами легкий бриз, поплыли к намеченной цели. А драккар Бьярни с прорубленным дном, медленно набирая воду, погружался все глубже. И когда Вадим обернулся, то увидел над поверхностью озера только конец мачты.

Глава четвертая Битва под Альдегьюборгом

*Война вечна. Войны будут всегда. И пока будут войны, князьям
будут нужны храбрые воины.*

Воины ярла Атли Лейвссона, разбив ворота Альдегьюборга тараном, ворвались вовнутрь. И хотя силы были неравны, варяги яростно защищали свой борг, прихватив с собой в Валгаллу немало врагов. Даны быстро заполнили внутренний двор, вскарабкались на стены, сметая оттуда защитников борга. Викинги кололи, рубили, душили друг друга, призывая на помощь одного и того же бога. Но великий Предводитель воинов чаще помогает большим дружинам. Великий Один сегодня был на стороне данов. Усилив натиск, викинги Атли завершили разгром врага и взятие борга. Ярл посмотрел на солнце – возня со штурмом заняла время до полудня. Ему доложили, что живых варягов в борге нет, включая их детей и жен, что умертвили себя в одном из длинных домов.

– Тем лучше, – равнодушно ответил Атли, и тут он все же заметил одного из оставшихся в живых.

Старик, прикрыв глаза, сидел на скамье, прижавшись спиной к углу дома, и что-то шептал. На коленях он держал старый заплатанный заплечный мешок, и его старческие пальцы не спеша перебирали веревку, которая крепилась к котомке.

– Ты еще кто такой? – властно спросил ярл, подходя к старику и снимая на ходу шлем.

Старик не ответил, глаза не открыл.

– Ты что, старик, глухой? – Атли подошел почти вплотную, заслонив старику солнце.

– Храбрым дорога одна, к битвам и славе ведет она... – тихо проговорил старик, открыв глаза.

– Ты, старик, верно, сошел с ума?! Что ты там лопочешь?

⁵⁹ Шиш – вор, разбойник.

– Я – скальд, мое имя Вемунд, – спокойно ответил старик.

– Сказитель! – искренне удивился Атли. – Что ты забыл в этой дыре?!

– То же, что и ты, – все так же спокойно молвил скальд.

Ярл откинул упавшие на лоб волосы и рассмеялся.

– То же, что и я, – он продолжал смеяться. Несколько данов, поняв шутку, поддержали веселье командира. Остальные молчали, или не расслышали, или не поняли, в чем смысл.

– Это хорошо, что ты тут оказался, скальд, – Атли перестал смеяться. – Сегодня ты видел славную битву, ты сложишь про этот день достойную сагу.

Старик не ответил, лишь согласно кивнул головой.

– И про нашу победу узнают многие. – За его спиной послышались одобрительные возгласы, кто-то даже ударил оружием по щитам – мол, да, здорово придумал ярл!

– Я дарю тебе жизнь, – подняв вверх руку, торжественно произнес Атли Лейвссон, – но смотри, чтобы твоя сага понравилась мне. Иначе я велю приковать тебя цепью к воротам, и ты будешь как пес охранять их.

– Ты услышишь мою сагу, ярл Атли, – невозмутимо ответил скальд, – но прежде тебе предстоит совершить еще один подвиг.

Предводитель данов усмехнулся:

– Так ты еще и предсказатель, скальд! И что это будет за подвиг?

Старик прикрыл глаза и глубоко вздохнул:

– Не ты один собрался нынче захватить борг Гутрума.

Скальд склонил голову набок и протянул правую руку к стене, которая выходила на реку.

– Я уже слышу плеск весел...

Атли напрягся, вслушиваясь в тихую речь скальда.

– Я слышу плеск весел, – повторил Вемунд, – они близко...

И в подтверждение его слов со стены, на которую указывала рука скальда, раздались голоса данов.

– Ладьи на реке!

– Ярл, у нас гости!

Рука Сказителя опустилась, он плотно прикрыл глаза и, казалось, задремал, потеряв всякий интерес к происходящему.

Атли резко развернулся и почти бегом поспешил на стену. Почти все даны последовали его примеру, плотно сгрудившись вдоль всей стены, что выводила на реку и пристань борга. Ярл насчитал восемь круглобоких ладей, шедших к боргу на веслах. Взгляд его единственного левого глаза упал на противоположный высокий берег реки, на котором он сразу заметил несколько десятков конных. А через минуту на открытый берег из леса выехало еще несколько десятков всадников. Атли Лейвссон на глаз пытался оценить расстояние до приближающихся незнакомых ладей, когда его отвлекли новые крики с дальнего конца стены:

– Драккары!

– Чужие драккары!

– Четыре драккара от озера!

Атли растолкал дружинников, чтобы лучше разглядеть новую опасность. По реке, от озера, откуда сутки назад пришел он сам, шло четыре черных драккара под полосатыми парусами.

– Не соврал старый Сказитель, – едва слышно изрек ярл, – не соврал...

«Теперь бы еще узнать, что это за гости к нам пожаловали?! И заодно ли они?» – подумал ярл.

Атли Лейвссон был решительным полководцем, а посему не стал выжидать и терять время. Он решил проверить все лично. Быстро раздавая команды на ходу, ярл спустился со стены. Оставив в борге всего пятьдесят воинов, он с остальными немедленно поспешил вниз, к своим драккарам. Даны не бежали, они летели. Некоторые даже побросали щиты, лишь бы

успеть. Ярл вовремя разглядел опасность. Ближе всего к его судам были четыре черных драккара, шедшие от озера. Атли знал, что оставленной охраны будет недостаточно, чтобы отбить нападение, и тогда он лишится разом всех своих кораблей. Атли спешил. У пристани Альдегьюборга стоял в охранении один из его драккаров, он тоже мог стать легкой добычей для нападавших. Ярл решил дать бой на воде. Идущие на веслах ладьи слишком тяжелы, а его «драконы» стремительны, как стрелы, на воде у него больше шансов. Про маячившую на другом берегу конницу ярл не думал. Река широка и брода тут нет, а значит, им не переправиться, с этого направления борг был в безопасности.

Атли одним из первых добежал до своих «драконов», еще издали крича охранению:

– На весла! Отталкивай! Отталкивай!!!

Бывшие в охранении даны, едва увидев бегущих товарищей во главе с ярлом, поднялись и, услышав приказы Атли, принялись сталкивать драккары в воду. Благо они носами сидели неглубоко на берегу, и им удалось столкнуть два корабля прежде, чем Атли во главе дружины оказался рядом.

Подоспевшие викинги навалились разом. Через несколько минут на воде было уже восемь драккаров, и как раз вовремя. Четыре черных судна были уже близко. И все сомнения ярла по поводу, кто это такие, развеялись моментально. В данов полетели стрелы, много стрел. Атли прикрылся щитом и обернулся, посмотреть, далеко ли ладьи. Знаками он приказал двум своим драккарам следовать к пристани борга. Стрелы врагов барабанили по щитам, впивались в борта, однако большого урона пока не наносили. Вражеские драккары шли в линию по двое, и ярл решил охватить их с двух сторон. Атли что-то громко прокричал, указывая рукой на черные суда противника. Хевдинги с его кораблей услышали и поняли. Шесть судов данов, разделившись, стали охватывать приближающихся противников. Свой флагманский драккар «Торгейр»⁶⁰ Атли направил на шедшую чуть впереди остальных черную ладью.

* * *

Новгородцы и вепсы щедро осыпали данов стрелами, но те почти не отвечали.

– Ну вот, мы вовремя! – громко сказал Вадим, указывая вдаль, где из-за поворота реки выходили большие ладьи новгородцев.

– Да, князь уже тут! – ответил Радей. – А эти, кажись, решили на реке силами помериться, – воевода кивнул на драккары викингов, – вот только откуда их здесь так много?

Они едва успели спустить парус и приготовиться к бою, как две ладьи викингов почти одновременно зацепили их крюками. Лучники вепсов в упор разрядили свои луки, уложив сразу нескольких врагов.

– ОДИН!!! – разнеслось над рекой, и на ладью воеводы с двух сторон посыпались северяне.

– Новгород! – воскликнул Радей.

– Новгород!!! – подхватили боевой клич словене.

– Юмал! – прокричали вепсы.

Так получилось, что удар с правого борта принимали новгородцы, а с левого – вепсы. Радей, Вадим и Валуй, стоявшие на носу, приняли атаку викингов одновременно с обеих сторон. Напротив Вадима приземлился дан, но не очень удачно, прямо на борт. Каким-то чудом он устоял, не упал и уже хотел спрыгнуть на дно драккара, но Вадим несильно толкнул его щитом, и тот, качнувшись, полетел в воду, выронив топор. Десятник перехватил меч под щит и поднял оброненный топор. Цель нашлась сразу. Викинг едва успел оттолкнуться от своего борта, как метко пущенный топор угодил ему в ключицу. Он так и не закончил свой прыжок, оказавшись в воде. Вадим быстро обернулся, за его спиной воевода и

⁶⁰ Торгейр – копье Тора.

Валуи отбивались от трех викингов. Чуть дальше он заметил, что и драккар, на котором плыл Павел, также подвергся нападению с двух сторон. Второй раз за день Вадим ощутил огромный прилив сил – его тянуло в драку. Мышцы напряглись, он готов был убивать, только убивать. Чувство и азарт боя полностью овладели его разумом! Слева от десятника упал вепс, его подрубленная мощным ударом голова свесилась набок. Воин осел на колени. Вадим сам оттолкнул бездыханное тело вепса и занял место в строю. Сваливший вепса викинг уже поднимал свою секиру, чтобы обрушить ее на Вадима, но тот, подняв щит и уперев в него шлем, боднул с разгону в один шаг. Викинга отбросило на борт и только теперь Вадим, опустив щит, рубанул с оттягом, от души. В отчаянье дан решил отбить удар толстым древком секиры, переведя ее в горизонтальное положение. Подарок Конди угодил прямо по кулаку северянина, перерубив фаланги пальцев и древко секиры. Раненый дико взвыл, и Вадим добавил ему еще раз прямо по ключице, утихомирив бойца окончательно.

– Один! – вновь услышал десятник боевой клич северян и обернулся.

Оставшиеся два драккара викингов сошлись вплотную с двумя новгородскими. Связанные крючьями для абордажной схватки суда сносило течением, они удалялись от борга.

Вадим помог одному вепсу справиться с викингом, обрушив на того серию мощных ударов. Меч десятника рассек противнику предплечье, а топор вепса, с хрустом пробив кожаный шлем, вошел в череп. И тут на Вадима кто-то навалился сзади. Он резко развернулся, занося меч для удара... и тело воеводы, потеряв опору, грузно упало на рум. Десятник глянул под ноги. Радей потерял щит, но меч не выпустил, а из его живота торчало копьё. Вадим, прикрывая начальника, шагнул вперед, переступая тело воеводы, и тут же заметил убийцу. Викинг, так удачно использовавший свое копьё, потянулся к поясу, извлекая из меховых ножен скрамосакс. Щита у него не было, и десятник мгновенно этим воспользовался. Он сделал обманное движение, якобы намереваясь ударить щитом, а сам нанес косой рубящий по ногам викинга. Меч, словно хорошо отточенная коса, прошелся по голени дана, подрубив ее. Сжав зубы, викинг взвыл, как оборотень из фильмов ужасов, и свободной рукой ухватился за борт, чтобы не упасть. Его глаза налились такой злобой, что готовы были выскочить из орбит. Он выставил вперед скрамосакс, намереваясь защищаться до конца. Вадим ударил и легко вышиб оружие из рук врага, ребром щита он саданул викинга в грудь, а затем еще раз приложил мечом. В ярости десятник огляделся, занося подарок Конди для нового удара, ища глазами, кого бы еще угостить. Но в прямой досягаемости противника не нашлось. Вадим отступил на шаг назад и вполоборота глянул на воеводу. Пока десятник разбирался с убийцей, тело новгородца сползло со скамьи. Копьё пробило кольчугу и поддоспешник воеводы, засело глубоко, из раны обильно текла кровь. Вадим опустил на одно колено, прикрыв и себя и Радея щитом.

– Радей! – громко позвал Вадим и несильно постучал наверху мечом по плечу воеводы. – Радей!

Военачальник новгородцев открыл сначала один глаз, потом другой.

– Вадим... – устало вырвалось из его груди, – это не Гутрум... не его люди...

– Радей!

Но воевода больше не ответил. Его глаза продолжали смотреть на десятника, но он был уже далеко, на пороге Ирия.⁶¹

– Суки! – в сердцах воскликнул Вадим. – Суки!

Он прокричал так громко, что обернулись и свои, и чужие. Но лишь на секунду....

Десятник резко поднялся с колена. Через три рума от себя он заметил Валуя, у которого обломался меч, но он продолжал даже с обломком сидеть на викинга в кольчуге. Вадим в три прыжка оказался рядом, и когда от очередного удара Валуя викинг уклонился, десятник приложил его от души. Шлем дана выдержал, но он покачнулся, а Валуи, тут же

⁶¹ Ирий – аналог христианского рая у древних славян.

воспользовавшись моментом, вогнал свой обломок меча ему в горло.

– Валуй! Давай за мной! – скомандовал Вадим и, не раздумывая ни секунды, перемахнул на вражеский драккар.

Бородач новгородец, так и не вытащив свой обломанный меч из горла умирающего врага, последовал за десятником, на ходу вырвав меч из ослабших рук викинга.

– Новгород! – пробасил Валуй, спрыгивая с борта на рум датского драккара.

– Новгород! – подхватили воины, и еще с десятков новгородцев перепрыгнули следом.

– Надо вот того утихомирить, – указал Вадим на высокого викинга в кольчуге и в шлеме с бронзовыми узорными накладками, когда Валуй оказался рядом, – кажется, он у них за главного.

– Сделаем, – зло процедил бородач, сплевывая за борт.

* * *

Ярл Атли наблюдал за речным сражением, стоя на носу своего «Торгейра». Он рассчитал все правильно – охватил переднюю ладью врага с двух сторон. Он почти сразу приметил крепкого воина в кольчуге, в шлеме и с ярко-красным щитом, на котором красовались золотые солнечные лучи. Ярл данов, услышав боевой клич врага, уже знал, с кем имеет дело. Он слышал о них, о словенах из Хольмгарда, слышал, но раньше никогда не встречал.

«Это их ярл», – безошибочно определил Атли того, кто командовал хольмгардцами. Ярл послал пятерых своих хускарлов, коротко приказав им: «Убить!» Атли пришлось ждать долго. Ярл хольмгардцев защищался, как пардус, убив двоих его лучших воинов. А еще от ярла хольмгардцев ни на шаг не отходил этот бородастый, который тоже уже зарубил одного из хускарлов.

Ярл данов поднялся на рум, чтобы лучше разглядеть ход боя. Один из его драккаров быстро расправился со своим противником и стал подходить на помощь соседу. Теперь у хольмгардцев осталось только три корабля и к каждому из них прилепилось по два драккара данов.

«Хорошо», – подумал Атли и, вытянув шею, посмотрел на удаляющийся борг. Течение сносило их, но ярл все же разглядел, как три его «дракона» уже начали терзать неповоротливые ладьи хольмгардцев. Ведь на тех ладьях тоже должны быть именно хольмгардцы, а кто же еще?

«Подготовились. Решили выбить Гутрума из его гнезда», – пробормотал себе под нос Атли и тут же радостно воскликнул:

– Молодец, Кнуд! Молодец!

Кнуд, его хускарл, славившийся своим умением обращаться с длинным копьем, проткнул ярла хольмгардцев. Атли видел, как тот упал на дно драккара с копьем в животе. Но в следующую минуту ярл данов уже жалел о потере своего лучшего копьеборца. Кнуд был убит воином в кольчуге. Но переживать было некогда. Ярл продолжал руководить битвой, стоя на руме и разглядывая с высоты убивающих друг друга воинов. Все шло замечательно. На драккаре хольмгардского ярла становилось все меньше защитников. Данам уже удалось захватить драккар до мачты, и тут Атли вновь услышал страшный клич: «Суки!» Он обернулся на звук и опять увидел того воина в кольчуге, который убил Кнуда.

Атли решил, что это его последний крик отчаяния, его воины дожимали врага, хотя и сами несли значительные потери. Ярл данов прищурил свой единственный глаз в полумаске шлема и заметил, как от соседнего корабля хольмгардцев отходит только один его драккар. Второй так и остался дрейфовать пустой, мертвой хваткой вцепившись в судно врага. Но пока счет был в пользу данов, два потерянных драккара хольмгардцев против одного. Освободившийся от противника драккар данов, сделав поворот, стал сближаться с «Торгейром». Но тут отчаянные хольмгардцы перешли в контратаку и перепрыгнули на флагманский корабль данов. Атли вовремя заметил опасность. На «Торгейре» рядом с ним

было всего пять воинов, все остальные либо погибли, либо добивали врага на его судне. А десяток хольмгардцев, во главе с победителем Кнуда, ринулись на ярла, явно намереваясь убить его. Атли не был трусом, никогда не был, но он должен закончить бой и победить не только этих, но и тех, на ладьях, что уже подошли теперь уже к его боргу. Ярл данов запрыгнул на борт, встав одной ногой на свой, а другой на чужой борт.

– Один! – воскликнул ярл, вскинув руку с обнаженным мечом, призывая своих воинов.

Натиск хольмгардцев был подобен урагану. Вдесятером они навалились и, орудуя щитами, потеснили данов. Ярл Атли Лейвссон не посмел спрыгнуть на дно захваченного драккара хольмгардцев, тем самым выйдя из боя, это было бы слишком. Но его призыв уже был услышан, даны перепрыгивали на свой драккар, и ярл решил вмешаться. Он спрыгнул с борта на рум, рубанул, ударил щитом, опять рубанул, на сей раз более удачно. Хольмгардец упал. Атли сошел с рума и оказался перед воином в кольчуге, зарубившим его хускарла Кнуда.

– Валуи! – позвал окольчуженный, и ярл данов увидел рядом с ним того бородача, что дрался плечом к плечу с ярлом хольмгардцев.

Атли мгновенно ударил бородача щитом, а меч обрушил на воина в кольчуге. Щитом ему удалось чуть отодвинуть бородача и в образовавшуюся прореху тут же протиснулся дан с секирой. Теперь Атли остался один на один с победителем Кнуда. Ярл, прикрывшись щитом, всем телом прыгнул вперед, намереваясь свалить противника. Но тот, отставив правую ногу назад, уперся, словно баран, и принял ярла на щит. Они столкнулись, щиты ударились умбонами. Атли попытался рубануть наотмашь сверху, но хольмгардец поднял свой щит выше. Удар не получился. Тогда ярл навалился сильнее и саданул ногой под щит. Но его противник в этот же миг сделал то же самое и их ноги столкнулись. Ярл сразу отвел щит чуть на себя и принялся делать резкие, короткие толчки, пытаясь вывести противника из равновесия. Несколько мгновений они бодались щитами, словно бараны в брачный период, пока рядом с ярлом не возник бородач, управившийся с даном с секирой. Атли почувствовал взмах и молниеносно отпрянул от хольмгардца в кольчуге. Потеряв опору, на которую тот давил щитом, окольчуженный немного провалился вперед. Но могучий удар бородача уже нельзя было остановить. Ярл сделал еще шаг назад, и меч бородача врубился в ребро щита хольмгардца в кольчуге. Атли хотел отступить еще на полшага, чтобы лучше замахнуться, но задел за рум, оступился и, не удержав равновесие, плюхнулся на скамью. Меч бородача крепко застрял в щите, и хольмгардец, отбросив его, кинулся на ярла...

* * *

Глава медвежьего рода видел, как викинги выкосили два драккара, убив на них весь экипаж. Но и здесь, на его драккаре было не лучше. Северяне быстро подавили сопротивление почти бездеспешных и плохо обученных вепсов. Павел чуть не плакал, наблюдая, как гибнут его воины. Лишь немногим из них удалось убить нескольких врагов. Викинги работали слаженно, им было не в новинку вести сражение на воде. А вот вепсы совсем не были мореходами и биться в тесном пространстве ладей были не приучены. Павел узрел, как пять или шесть вепсов, не выдержав натиска противника, побросали оружие и кинулись за борт в надежде найти спасение на берегу.

На его драккаре лишь новгородцы бились с врагами на равных, не подпускали тех к носовой части, где стоял глава медвежьего рода. Рядом с Павлом, прикрывая его щитом, дико озираясь по сторонам, стоял Юски, последний из вепсов, оставшихся на корабле. И все же викинги шаг за шагом теснили новгородцев, хоть те и храбро отдавали свои жизни, перегородив собой ширину драккара. На миг Павел заметил на соседнем драккаре друга, который, взмахнув мечом, вскочил на борт вражеского судна, увлекая за собой воинов, а затем он сам едва успел уклониться от брошенной сулицы. Северяне прекрасно видели, кого так яростно защищают бойцы, и пытались поразить главу медвежьего рода. Вторую сулицу Юски принял на щит. Наконечник глубоко засел в досках, но вепс не опустил потяжелевший

щит.

– Кажется, кранты, – прошептал Павел, видя, как новгородцы, потеряв еще двоих ратников, подались на шаг назад.

Третья брошенная сулица вонзилась в носовую фигуру драккара всего в нескольких сантиметрах от головы Павла. Глава рода видел того, кто бросал, и его обуяла такая досада от своей беспомощности, что он именно в этот момент пожалел, что не упросил Вадима показать ему пару приемов. Павел схватил застрявшую сулицу двумя руками, раскачал и выдернул. Он раньше только один раз пробовал кидать копье, в Выборге, на фестивале. Услужливые реконструкторы дают за пару целковых попробовать свои силы. Павел со всей накопившейся злостью метнул сулицу в викинга. Бросок на «дурака» к великому изумлению Павла попал в цель. Наконечник с силой ударил северянина в шлем. Защита выдержала, сулица отскочила, но воин качнулся и упал с рума прямо на щиты своих товарищей. Падающее тело придавило двоих викингов, образовалась брешь в строю, чем и воспользовались новгородцы. Сразу несколько секир опустились, добывая упавших. Юски тоже сумел использовать этот короткий миг сумятицы в строю викингов. Он опустил щит, с трудом, но все же извлек из досок торчащую сулицу.

– Давай еще разок, – предложил вепс, протягивая копье.

Павел принял сулицу, но тут с вражеского драккара прилетел топор. Лезвие больно садануло в левое плечо, но, хвала Юмалу, кольчуга выдержала.

– Ёпти, – Павел поморщился от боли, но, заметив бросавшего топор викинга, он, на миг забыв про боль, размахнулся и послал сулицу в цель.

Копье полетело неуклюже, как-то под углом и все же умудрилось воткнуться викингу в бедро. Правда, совсем неглубоко. Северянин выдернул сулицу из плоти и, перехватив ее в боевое положение, хотел было размахнуться. Но глава медвежьего рода был так зол, что, пока викинг возился с сулицей, подобрал ударивший его топор и запустил в обидчика. Пока топор кувыркался, Павел успел вспомнить слова друга: «Топор обоюдоопасное оружие, как ни попадет, все равно больно, лишь бы посильнее кинуть». А кинул Паша будь здоров! Топор не докрутил всего пол-оборота и вломил обухом викингу в грудь. Пашин обидчик согнулся, хватаясь свободной рукой за ушибленное место. Он опустился на колено и, чтобы не упасть за борт, уперся о копье. В его сторону Павел больше не смотрел. Во-первых, заныло плечо от удара топора, а во-вторых, перед ним и Юски осталось всего трое новгородцев.

– Снимай бронь! – крикнул ему Юски, а сам, вскинув щит и меч, встал рядом с новгородцами.

– Снимай! – еще раз прокричал вепс, принимая удар меча на щит.

«Бежать... плыть, плыть...» – лихорадочно стучало в мозгу Павла, и он стал через голову стягивать кольчугу. Пока он освобождался от лишнего веса, викинги успели поразить двоих новгородцев. Пространство, отделяющее главу рода от наступающих врагов, угрожающе сократилось. Один из северян даже попытался достать его секирой на длинном древке, ударив через голову Юски. Но вепс, вовремя заметив взмах, в последний момент щитом отвел удар в сторону. Последний оставшийся новгородец обернулся, заметив, что Павел успел скинуть и обувь и уже готов прыгнуть в воду.

– Сигай с ним! – крикнул новгородец вепсу.

Юски, не раздумывая, наотмашь ударил одного из атакующих, затем с силой метнул в него щитом. Вепс отступил за спину новгородца, запрыгнул к Павлу на скамью и они одновременно плюхнулись в осенние волны Волхова.

Когда они вынырнули метрах в десяти от драккара, Павел, жадно хватая ртом воздух, оглянулся. Новгородец, прижатый к борту, продолжал отбиваться от наседавших викингов. Они с Юски, делая огромные гребки, устремились к берегу, а через несколько секунд, за их спинами раздался предсмертный крик новгородца, который заплатил своей жизнью за их спасение.

Отбросив щит с застрявшим в нем мечом Валуя, Вадим перехватил подарок Конди двумя руками, подпрыгнул и всем весом обрушил удар на щит викинга. Меч со звоном рассек умбон и повредил северянину руку. Воин в шлеме с бронзовыми узорными накладками, закусив до крови губы, не издал не единого звука. Он откинулся назад корпусом, согнул ноги в коленях и из положения сидя резко разогнулся. Его ноги, словно из катапульты, выстрелили вперед, ударив пятками Вадима в грудь. Десятник отпрянул, но устоял. Валуи в тот же миг попытались двинуть викинга щитом, но тот бросил ему навстречу свой покореженный, лишенный умбона щит, повернулся на бок и из очень неудобного положения сумел рубануть мечом. Брошенный щит столкнулся со щитом Валуя, на секунду перекрыв ему обзор, меч викинга концом пришелся бородачу по бедру, выдрав кусок мяса. Льняные серые штаны новгородца от крови быстро окрасились бордовым. Вадим, заметив ранение товарища, решил не дать противнику подняться с рума. Десятник, как заправский каратист, заехал викингу пяткой в полумаску и добавил мечом аккуратно в купол шлема. Викинг что-то прорычал, но добить его еще одним хорошим ударом ему не дали. Пока они вдвоем с Валуем возились с этим крепким одноглазым, его дружки подчистую вырубili весь перепрыгнувший на этот драккар десяток новгородцев. Впрочем, и на собственно новгородском драккаре тоже не осталось ни вепсов, ни воинов воеводы Радея.

Когда Вадим уже замахнулся, чтобы нанести последний удар одноглазому, ему в левый бок мягко, словно и не было на нем кольчуги, погрузилась сталь. Широкий, с ладонь, наконечник копья пробил броню и на треть вошел в тело. Мгновенно забыв про воина в дорогом шлеме, он перевел удар на копыеносца, но тот, выдернув копье из тела десятника, отступил назад. Меч Вадима разрубил пустоту, сам он качнулся, подавшись по инерции вперед, в глазах пошли большие, ажурные, переливающиеся всеми цветами радуги круги. Вадима качнуло, а следующий удар топором в шлем сбил его с ног. Он почувствовал, что проваливается в глубокую, глубокую бездну. Солнечный свет погас, наступила темнота. Холодная, продирающая до костей темнота... И он упал на самое дно подземного царства. «А умирать не страшно. Совсем не страшно», – тихо сказал, словно пропел внутри голос... как будто не его голос.

Валуи не увидел, как падал на дно драккара его десятник. За секунду до того он не сумел отбить удары сразу трех мечей викингов. Вернее, один он все же отбил, но два других пропустил. Первый разрубил ему кожаную рубаху с нашитыми поверх нее металлическими пластинами и разорвал грудные мышцы. Валуи и после этого умудрился врезать обидчику щитом, и даже вполне удачно, но второй меч пришелся по кривой в шлем. Удар был такой силы, что голова бородача откинулась набок, колени дрогнули и он упал на скамью для гребцов. Тело новгородца распласталось на узком руме, драккар качнуло и он скатился под соседнюю скамью.

– Собачий выродок! – выругался Атли, сняв свой дорогой шлем и, разглядев, какую вмятину оставил на нем меч этого хольмгардца.

– Один! – услышал ярл возглас радости, долетевший с соседней сцепки драккаров.

Ярл данов обернулся. Его воины уничтожили всех нападавших. Атли взглянул дальше на реку. Их отнесло почти до поворота, откуда все еще был виден борг на высоком холме и снующие внизу ладьи и драккары.

– Один сегодня добр к нам! – торжественно произнес ярл. – На весла! Надо помочь нашим парням у борга!

Даны торопливо рассаживались по скамьям и разбирали весла. Как не жаль было оставлять захваченные дракары, но времени, чтобы их притянуть к берегу, не было. У ярла оставалась надежда, что их не вынесет в озеро, а прибьет к берегу. «И тогда я за ними вернусь», – решил Атли.

После этой кровопролитной речной битвы даны потеряли два полных экипажа своих драккаров. Без малого сотни бойцов лишилась дружина ярла Атли.

– Шевелись! – покрикивал он. – Шевелись, мы сделали только полдела.

Ярл обернулся. Сильное течение Волхова унесло за поворот шесть драккаров – два датских и четыре хольмгардских. Сердце Атли сжалось, заныла раненая рука.

– Вшивый пес! – выругался ярл, оглядывая изуродованную руку с перебитыми фалангами. Он только теперь заметил, что на руке не хватает мизинца, но кровь, как ни странно, уже не шла.

Четыре оставшихся после схватки драккара данов, словно расправив крылья, полетели на веслах к боргу, где еще три их корабля кусали круглобокие ладьи хольмгардцев. Один из дружинников извлек из-под носовой скамьи мешок, достал оттуда кусок чистой тряпицы и помог ярлу перевязать руку.

– Быстрее, быстрее, – торопил Атли своих людей.

Приближаясь, даны узрели, что два их драккара с обеих сторон окружены ладьями противника и там уже идет рукопашная схватка. Третий кружил вокруг, не подпуская к себе, и сыпал стрелами.

– Быстрее, быстрее, – ярл сжал кулаки, повязка на раненой руке намокла от крови, но Атли не обратил внимания.

Над головой с криком пронеслись две чайки. Атли Лейвссон инстинктивно поднял голову и обомлел. Противоположный берег был усыпан пешими и конными воинами. Это войско что-то кричало и размахивало оружием, явно подбадривая своих на ладьях.

– Сожри их Гарм,⁶² да сколько же их тут собралось, – в сердцах выругался Атли.

На мгновение ярл засомневался в успехе, но потом ясная мысль осветила его северный мозг. Пешие и конные без ладей не смогут перебраться на другой берег и угрожать только что захваченному им боргу. Не смогут. Значит, следовало уничтожить все ладьи хольмгардцев. И хвала великому Одину – водителю небесных дружин, его воины в борге не сидели сложа руки. Покинув стены, почти все даны устремились к стоянке своих драккаров, где без дела стояли еще три из них. Но тут новая догадка поразила предводителя данов. Драккары!!! Унесенные течением драккары. На том берегу могли видеть, что они брошены на произвол судьбы. И если хотя бы пару из них прибьет к их берегу, то хольмгардцы получат способ к переправе. И тогда... О боги! Их слишком много! И тогда они смогут взять в осаду борг!

«Торгейст» почти поравнялся со стоянкой драккаров, где воины, вышедшие из борга, уже грузились в один из них. Атли подозвал ближайшего воина:

– Стейн, – положив руку на плечо дружинника, начал ярл, – ты должен доплыть до них и передать мой приказ...

Воин смотрел прямо в глаза вождю, не перебивая.

– Они должны, – продолжил ярл, – немедленно изловить все ушедшие по течению драккары и перегнать их на наш берег. Ты понял, Стейн? ВСЕ драккары!

Дружинник кивнул.

– Пусть оставят десять человек в охране и сразу возвращаются, – ярл оглянулся, – здесь еще много славной работы.

Стейн молча кивнул. Он снял доспехи, оружие и, оставшись в одних плотно облегающих кожаных штанах, сиганул в сентябрьские воды Волхова. Ярл же что было сил свистнул, привлекая внимание своих воинов на берегу. Его заметили. Атли обеими руками указал на плывущего в их сторону Стейна. На берегу сразу несколько данов подняли вверх руки, – мол, поняли, видим. Ярл еще раз посмотрел на занятый хольмгардцами берег. Но те, хвала богам, были заняты созерцанием битвы на реке и не помышляли о бесхозно уплывших кораблях.

* * *

⁶² Гарм – мифологический пес на страже подземного царства.

Боривой Буйславич, новгородский князь, руководил битвой, стоя на корме самой большой ладьи, на борту которой размещалось шесть десятков воинов. Радовало князя, что его ладьям удалось охватить два корабля северян и взять их на abordаж. Перевес был на стороне новгородцев и Боривой не сомневался, что эти два драккара обречены. Огорчало, однако, что третий никак не давался, ловко маневрировал среди ладей и сыпал стрелами направо и налево, видно, на этом судне собралось немало лучников...

Наконец новгородцам удалось прижать неуловимого беглеца почти к самому берегу и сразу на двух ладьях приготовили крючья. Но тут пришло новое огорчение...

Еще в самом начале боя Боривой видел, как шесть кораблей викингов устремились навстречу четырем черным судам под полосатыми парусами. Князь ждал воеводу Радея на захваченных Вадимом драккарах Гутрума, и это были они, Боривой не сомневался. И вот теперь из шести ушедших на их перехват драккаров четыре возвращались назад. А это могло означать только одно, что воеводу разбили. Князь твердо верил, что Радей не мог отступить, а значит, он оплатит его... после победы.

Две ладьи новгородцев все же прижали неуловимый доселе драккар северян и, забросив на его борта крючья с веревками, стали подтягивать к себе. Вскоре там началась отчаянная рукопашная схватка.

У Боривоя оставалось только две незадействованные в сражении ладьи, но четыре драккара были уже совсем рядом. Князь оглядел поле битвы, взмахнул рукой. Жалобно пропел рог, и две ладьи устремились на перехват драккаров. Другого выхода Боривой не видел.

Он приказал своему рулевому держать прямо, но викинги не уstraшились, не отклонились. Два корабля столкнулись. Более массивная ладья новгородцев мощно врезалась в драккар, оттолкнув его от себя. Северяне попытались осушить весла и получили еще раз. Несколько досок в обшивке драккара не выдержали, треснули и дали течь. На этом маневрирование закончилось. Драккары, как голодные волки, вцепились в добычу, прилепились к бортам новгородцев.

– Новгород! – хором воскликнули воины на ладьях.

– Один! – ответили им с драккаров.

Боривой обнажил меч, но его никто не атаковал. Рынды⁶³ плотно обступили князя, прикрывая его от стрел и сулиц щитами и своими телами. Князь посмотрел на реку. Шесть его ладей, схватившиеся чуть ранее с двумя драккарами викингов, все еще вели бой. «Пора бы им уже... что же они так долго возятся», – в нетерпении подумал князь.

И хотя численный перевес был на стороне новгородцев, бой шел на равных. А князю именно сейчас ох как нужна была подмога. Викинги с двух сторон прыгали на его ладью, но столкнуть копьями удавалось не всех. С яростными криками, призывающими своих богов, северяне упрямо лезли на ладью. А Боривой все поглядывал на воду мутного Волхова. Князь ждал. Вот он увидел, как новгородцы на одном из дальних драккаров дружно вскинули оружие и радостно огласили округу бравым кличем. Это порадовало князя – значит, первая победа. Новгородцы стали быстро покидать захваченный драккар, они грузились обратно на свои ладьи. Через несколько минут от борта вражеского корабля отошла только одна ладья. И это огорчило Боривоя. На второй собралось не больше десятка (или меньше, отсюда он не видел), и князь понял, что им не сдвинуть ладью с места. Но первая уже спешила на помощь.

Солнце давно миновало верхний предел и теперь неумолимо катилось на запад. С озера подул крепкий ветер, настолько крепкий, что течение Волхова вдруг встало и, поддавшись этой силе, обратилось вспять. Сцепленные между собой корабли противников стало сносить в сторону, к берегу, занятому новгородской пешей и конной ратью.

Боривой скользнул взглядом по драккарам викингов, посмотрел на замерших перед

⁶³ Рында – телохранитель.

ним четырех телохранителей. Пятый рында уже лежал на боку, из его шеи торчала стрела. Князь повел плечами, разминая их. И тут он одновременно с двух сторон услышал вновь это дикое:

– Один! Одииинн!

С той и с другой стороны, с бортов вражеских драккаров на его телохранителей обрушилось по трое викингов. Князь успел заметить, что двое из них были голые по пояс и без шлемов. Взлетев, как коршуны, шестеро викингов навалились на четверых рынд, буквально сразу же подмяв их. Началась возня на палубе ладьи, у самых ног Боривоя. Клубок тел извивался, а князь, подняв меч, улучил момент и рассек спину одного из северян. Потом он услышал два коротких сдавленных хрипа и понял, что лишился двоих телохранителей. Клубок борющихся тел еще окончательно не распался, когда рядом с князем пропела стрела. Он инстинктивно пригнулся, вжав голову в плечи, но вторая стрела все же попала ему в шлем и, переломившись от удара, упала к его ногам.

Рынды сумели подняться на колени и буквально вколотили головы двоих викингов в просмоленные доски ладьи. Боривой вновь увидел перед собой голую спину врага, замахнулся, ударил. Но тот, словно почуяв неладное, прыгнул вперед, широко раскинув руки. Щитом он зацепил одного, а мечом достал второго из рынд. Повалил их обоих, перекатился и рукояткой меча сунул в лицо телохранителю. Князь кинулся вперед. Викинг в кожаной рубахе вскинул топор, но тут же опустил. Княжеский меч вспорол ему брюхо. Воин упал на колени, из его живота длинной вереницей поползли кишки. И он как зачарованный смотрел вниз, на собственные внутренности, выпадающие на палубу. Боривой оттолкнул тяжело раненного и тот упал ниц, размазывая под собой содержимое чрева.

Двое обнаженных по пояс викингов в эту секунду изрубили последнего рынду, так что кольчуга на нем свисала бесформенными кусками. Рука у ребят была крепкая...

Увидев своего телохранителя, на котором плоть и кровь перемешались со звеньями кольчуги, князь сглотнул и сильнее сжал меч.

Берсеркеры ярла Атли Лейвссона атаковали Боривоя одновременно...

* * *

Скальд Вемунд остался один. Даны спешно покинули Альдегьюборг. Старик слышал доносящиеся с реки крики, стоны, лязг оружия и плеск волн. Сказитель сидел на той же скамейке, у стены того дома, где застал его ярл Атли после взятия борга. Его глаза были все так же закрыты, казалось, старик, утомленный думами, мирно дремал. И весь этот шум и переполох, там, внизу, на реке, нисколько ему не мешал. А может, даже наоборот, вдохновлял. Может быть, именно сейчас, в дремоте, скальд слагал свои висы, которые сольются потом в великую сагу и обойдут все фьорды, передаваемые из уст в уста. И эту сагу будут помнить не в одном поколении славных сынов Одина. Даже имя Вемунда Сказителя могут забыть люди – пусть, но останутся его слова, сплетенные в строки, а значит, он не умрет. Он будет жить в этих словах, в этих строках.

– И взмах его подобен ветру...

Губы скальда едва заметно дрогнули. Он приоткрыл глаза, выгнул брови:

– Сам Тор⁶⁴ ковал ему топор...

Глаза Вемунда открылись, щурясь от заходящего солнца, он заморгал. Затем прикрыл очи ладонью. Медленно, будто нехотя, он отклонился от стенных бревен и так же медленно, пару раз по-старчески крякнув, встал. Повернувшись спиной к солнцу, он опустил руки и, склонив голову набок, прислушался. На реке все еще шло сражение. Скальд, что-то бурча себе под нос, неторопливо направился к лестнице, которая вела на крепостную стену, выходящую на реку. Чем же там могло все закончиться? Впрочем, скальд Вемунд по

⁶⁴ Тор – один из асов, скандинавский бог молнии и грома.

прозвищу Сказитель это уже знал.

Поднявшись на верх стены борга, старик обозрел пространство реки в обе стороны. Справа, где река делала поворот, уходя дальше, к озеру, тянулся длинный караван драккаров. К переднему, шедшему и под парусом, и на веслах, были цепочкой привязаны сразу четыре корабля. Буксирный драккар тяжело поднимался к боргу, едва справляясь с грузом.

Слева, где река тоже делала поворот, но не такой крутой, драккары данов, перемешавшись с ладьями хольмгардцев, вели бой. Люди добывали себе славу. Скальд горько вздохнул:

– Охо-хо... Людям быстрее надоедает пить, есть, танцевать и даже любить, чем воевать...

Старик посмотрел на противоположный берег. Там сустились пешие и конные воины, размахивающие руками и что-то орущие. Затем Вемунд заметил, как ладьи хольмгардцев, неожиданно расцепив хватку с драккарами ярла Атли, устремились к берегу. Даны хотели было преследовать эти три оставшиеся ладьи, но пехота с берега уже спускалась к воде, на ходу осыпая данов стрелами. И ярл решил не рисковать оставшимися у него четырьмя кораблями.

– О-хо-хо, – вздохнул старик, – славная будет песнь...

Даны прекратили преследование. Они поймали три своих безлюдных, дрейфующих драккара и еще одну осиротевшую хольмгардскую ладью, надежно скрепили их веревками и потащили к пристани борга. Но скальда сейчас больше занимало то, что происходило на другом берегу. Три ладьи, уткнувшись в узкий песчаный пляж, втянули в свое чрево длинные весла. Воины устало покидали свои корабли, прыгая с бортов на твердую землю. К ним тут же подбежали пешие воины. Они страшно кричали – ругались. Даже сюда, на самый верх крепостной стены долетали голоса. Но как ни напрягал скальд свой тонкий поэтический слух, слов было не разобрать. Хотя нет. Одно слово старик все же уловил. Уж больно часто оно повторялось – МАТЬ! Четко, резко, как удар плашмя веслом по воде, как щелчок кнута, разлеталось над рекой это словенское – МАТЬ! Скальд знал это слово, знал он и то, что хольмгардцы применяли его, вплетая в свои, только одним им понятные ругательства....

Еще драккары данов, ведущие на поводу пустые корабли, не добрались до пристани Альдегьюборга, как ругань и крики на том берегу разом стихли. С одной из ладей, бережно придерживая, воины сняли тело. Скальд был стар, и зрение его уже подводило, он различил лишь отблески заходящего солнца на броне снимаемого с борта тела. Воины снизу подхватили, отнесли в сторону и осторожно опустили тело, а затем Вемунд увидел, как они стали снимать с голов своих шлемы и шапки. Они долго стояли с непокрытыми головами.

– О-хо, – устало вздохнул скальд, – славный был воин...

Хольмгардцы покрыли головы и вновь принялись что-то бурно обсуждать, но скальд, опустив голову, глянул вниз. К пристани борга швартовались драккары данов. Первым на дощатый настил соскочил ярл Атли. Кажется, он был доволен. Пока даны вязали своих «драконов», со стороны озера по реке подошел караван.

– Где еще два? – крикнув, спросил ярл.

– Не достали! Эти-то едва догнали, – ответили воины с подходящего драккара.

Глава пятая Хват хейтир ту?

Что в имени тебе моем?..

А. С. Пушкин

– Ты был прав, старик, – в полный голос произнес ярл Атли, поднимаясь на стену.

Как только он с дружинниками вернулся с пристани в борг, он сразу заметил на крепостной стене скальда и поспешил к нему.

– Ты был прав, старик, – повторил Атли, – мы разбили хольмгардцев и убили их

конунга!

Ярл указал рукой на противоположный берег, где у двух ладей сустились воины.

– Теперь они уйдут, – уверенно изрек Атли, – им не переправиться и не взять борг.

Ярл был доволен, его губы расплылись в довольной улыбке. Повязка с правого глаза сползла, обнажив пустую глазницу.

– Что ты молчишь, старик? – спросил ярл данов. – Ты предсказал мне подвиг, и я совершил его, теперь дело за сагой. Старик?

Вемунд оторвался от созерцания речных волн, обернулся к Атли.

– Ты хочешь сагу? – тихо спросил он.

– Ты издеваешься, старик?! Конечно, такой славной битве нужна сага! Сколько храбрых воинов отправилось сегодня в Валгаллу, – ярл указал пальцем на небо, – пировать в его чертоги!

– Хорошо, – невозмутиво ответил Сказитель и, отвернувшись от собеседника, стал смотреть на изгиб реки. Где-то там, за несколькими поворотами находилось озеро.

Атли поправил ремень.

– Что ты там увидел, старик?

Скальд закинул за спину сначала одну, затем вторую руку, сцепил их в крепком замке.

– А разве ты убил всех, славный ярл Лунда? – почти шепотом спросил он.

– Ха... Зачем всех?! – ярл рассмеялся совсем не искренне. – Теперь, когда я лишил их конунга, некому вести их на битву.

Атли перестал смеяться и уже более серьезно добавил:

– Ты же сам видел, как они прекратили битву...

– Видел, – равнодушно поддакнул Вемунд.

– Теперь пойдут в свой Хольмгард, зализывать раны, – уверенно предположил Атли, – но ничего, я до них и там доберусь...

– Я вижу, ты ранен, храбрый ярл? – спросил Сказитель.

– Пустое, – отмахнулся Атли, – одним пальцем больше, одним меньше...

– Ты храбро бился, – польстил ему Вемунд.

– Дружина не ходит за трусом, – с гордостью начал ярл, – и мы бы не забрались так далеко от родного Лунда, но, – единственный глаз ярла пробежал по противоположному берегу, – но и тут хорошая земля и крепкий борг. Здесь нужен хозяин. Настоящий хозяин!

Оба замолчали, глядя, как на противоположном берегу хольмгардцы пришли в движение. Они осторожно подняли тело своего конунга и переместили его на самую большую ладью. Затем оба уцелевших в битве корабля оттолкнулись от берега и, выйдя на середину реки, пошли вверх по течению, в сторону Хольмгарда.

– Вот видишь, старик, я был прав, – довольный собой, произнес Атли, провожая взглядом уходящие ладьи, – они не будут биться без конунга.

Скальд не ответил, он смотрел, как конные воины быстро скрылись в лесу, а вскоре и оставшиеся на том берегу пешие последовали за ними. Берег опустел.

Ярл данов уже было развернулся, чтобы покинуть крепостную стену, но тут Вемунд неожиданно громко спросил:

– Так ты говоришь, славный ярл, что сегодня убил не всех своих врагов...

Атли замер, резко повернулся к старику.

– А на тех черных драккарах, что пришли от озера, ты тоже убил не всех? – продолжил Сказитель, указывая на речной поворот.

Ярл посмотрел прямо в глаза скальду и опять рассмеялся:

– Ха... Зачем тебе это знать, старик? Какая разница, остались ли там живые...

Вемунд прищурился, но взгляда не отвел. Атли сделался серьезным.

– Тех, кто не выпрыгнул за борт, словно трусливые кошки, мы всех убили, хвала Одину! – резко подытожил ярл данов, развернулся и пошел к лестнице.

Солнце коснулось горизонта, с реки подул холодный ветер, разметав седые космы скальда. «Холод тревожит раны и пробуждает», – подумалось Вемунду, он полной грудью

вдохнул сырой воздух, зябко передернул плечами, но со стены не сошел.

* * *

Внутри крепостных стен дружина данов освобождала занятый ими борг от трупов. С варягов ярла Гутрума снимали доспехи и украшения, а тела сносили на поле перед боргом. Тела же своих товарищей даны переносили на пристань и укладывали на один из драккаров. Ярл Атли решил отправить своих павших дружинников в чертоги Одина на корабле, с богатыми дарами, как того требовали древние обычаи. Он еще никогда не был так щедр, но это была хорошая битва, память о которой должна жить долго.

Даны обшаривали все дома, постройки и сундуки, освобождая их от всего ценного. Трудились, как пчелки, и казалось, их совсем не обременяет усталось от целого дня, проведенного в боях. Сначала штурм и захват Альдегьюборга, затем битва на реке...

Добычу сносили на небольшую центральную площадь борга, прямо на расстеленные на земле шкуры. Атли устроился на той же скамейке, где утром он застал скальда, и лениво поглядывал на растущую кучу добытого барахла. Иногда он бросал быстрый взгляд на крепостную стену, где все еще торчал Сказитель. «Что он там вынюхивает?» – подумал ярл. Его единственный глаз недобро блеснул, и Атли подозвал к себе одного из воинов.

– Олаф, тащи-ка этого скальда сюда, – приказал ярл.

Через минуту Вемунд стоял перед новым хозяином Альдегьюборга.

– Хватит впустую тратить время, – грозно изрек Атли, – садись рядом со мной, старик, и пошире открой глаза. Мы взяли хорошую добычу – смотри, расскажешь об этом в своей саге!

Вемунд молча повиновался – сел рядом с ярлом данов. Между тем воины продолжали сносить добычу. Особенно радовало Атли, что им досталось много оружия – крепкие, добротные шлемы и мечи, двуручные секиры и около десятка почти целых кольчуг.

Ярлу доложили, что кладовые борга полны припасов, а в леднике обнаружилось несколько свиных и овечьих туш. А когда вслед за этим нашлось еще шесть бочек с медовой брагой, Атли, довольно хлопнув себя по коленкам, громко изрек:

– Сегодня же ночью устроим пир и проводим наших павших воинов к Одину, как и подобает!

Воины, услышав слова ярла, огласили борг дружными криками радости.

– А ты что загрустил, старик? – обернувшись к скальду, спросил Атли. – Или ты не рад?!

– У тебя есть еще одно дело, ярл Лунда, – спокойно ответил Сказитель.

– Опять предсказание? – ярл нахмурил брови. – Сколько можно? Уймись, старик!

Но Вемунд, не обращая внимания на угрозы, повторил:

– Еще одно важное дело...

Атли порывисто вскочил.

– Какое еще важное дело, старик? Разве может быть что-то важнее того, как привести свою дружину к победе! Очнись, старик! Мы взяли большой борг! Мои люди обрели новый дом!

Скальд спокойно глянул прямо в глаза новому хозяину Альдегьюборга и, протянув вперед руку, невозмутимо произнес:

– К тебе спешит твой хёвдинг.

Ярл данов проследил взглядом за протянутой рукой Сказителя. К ним действительно спешил хёвдинг ярла Асбьерн, по прозвищу Весло. Он тяжело бежал, припадая на одну ногу и размахивая своими необычайно длинными руками.

– Атли! – еще издали позвал хёвдинг. – Атли! Мы нашли варяга... в погребке, – он добежал до ярла и остановился.

– Ну и что? – нетерпеливо спросил новый хозяин Альдегьюборга.

– Он едва живой, – отвечал Асбьерн, тяжело дыша, – ничего не говорит... странный

какой-то...

– Где нашли?

– Сидит в погребке, наши парни сунулись туда проверить, а он там...

– Так веди его сюда! – приказал ярл.

– Атли, так я же говорю, он едва живой...

Ярл посмотрел на скальда:

– Ну? Что ты там еще напрогочил?

– Можно я пойду с вами, – попросил Вемунд, игнорируя вопрос ярла. И не дожидаясь ответа, встал.

– Веди, – кивнул Атли хёвдингу.

Асбьерн провел их мимо двух длинных домов, за которыми виднелась двухскатная крыша, плотно вросшая в землю. Двери погреба были раскрыты, у входа стояли трое воинов и пытались зажечь факел.

– Здесь, – указывая на дверь, уточнил хёвдинг, – здесь он и сидит.

Им пришлось немного подождать, пока дружинники справятся с факелом. Наконец им это удалось и хёвдинг, взяв зажженный факел, первым вошел внутрь. За ним последовали Атли и скальд.

– Осторожно тут, – предупредил Асбьерн.

Крутая, узкая и ветхая от времени лестница вела вниз, в темное чрево погреба. Рубленые из бревен стены погреба были мокрыми, а свет факела выдергивал из мрака попадающиеся по дороге зеленые сгустки плесени.

Спустившись на земляной пол погреба, хёвдинг поднял факел выше, чтобы осмотреться. Пространство помещения не превышало три на три метра, вдоль стен виднелись пустые полки, многие из которых давно прогнили и обвалились. Воздух был влажным и наполненным запахом гниения дерева, и еще... резким запахом мочи и кала. Под ногами скальда что-то хрустнуло. Викинги мгновенно обернулись. Факел осветил Сказителя и он, убрав ноги, обнаружил, что раздавил в темноте глиняную миску.

– Где он? – спросил Атли, и тут же чертыхнулся: – Ну и вонь. Мы что, в Хель⁶⁵ спустились?

– Да вот же он, – ответил хёвдинг, отступая в дальний угол погреба. Он наклонил факел, и ярл узрел человека. Тот сидел с низко опущенной головой, поджав под себя ноги и плотно вжавшись в угол. Человек был грязен, от него несло потом и мочой. Его худое изможденное тело прикрывали рваная шерстяная рубаха и штаны, цвет которых угадать было невозможно. Длинные рыжие волосы полностью закрывали лицо узника, он был бос, а на пальцах ног виднелись следы укусов – явно крысиных. Человек, казалось, не дышал и не подавал никаких признаков жизни.

– Трель?⁶⁶ – предположил ярл.

– Не знаю, – пожав плечами, ответил Асбьерн.

– Это не трель, – уверенно произнес скальд, протискиваясь вперед. Он присел на корточки напротив человека, осторожно откинул с его лица грязные спутанные волосы. Открывшееся лицо было ужасно – в синяках и кровоподтеках.

– Скорее пленник, – уточнил Сказитель после беглого осмотра.

Веки пленника едва заметно дрогнули. Вемунд взял его руку, нащупал пульс.

– Река его жизни еще течет, – тихо изрек скальд, – но ему нужна помощь, и срочно...

– Ты что же, старик, решил, что я буду возиться с поганим трелем? – резко оборвал его ярл.

Атли в презрении даже отступил на шаг назад и вляпался во что-то мягкое.

⁶⁵ Хель – в скандинавской мифологии подземный мир, ад.

⁶⁶ Трель – раб.

– Посвети! – рявкнул он.
Хёвдинг наклонил факел.
– Сожри его Ермунганд,⁶⁷ – выругался ярл, – понасрал тут говна! О-о-о боги!
– Хорошая примета, – не оборачиваясь, проронил скальд, – быть тебе богатым, ярл.
Атли пару раз провел испачканным ботинком по полу, пытаясь очистить обувь:
– Да иди ты, старик... со своими предсказаниями. Пошли отсюда, Асбьерн...
– Ты говорил с ним? – вмешался скальд, обращаясь к хёвдингу.
– Да, – ответил тот, – я спросил, кто он такой, но он молчит.
Вемунд наклонился ближе к пленнику и спросил сам:
– Хват хейтир ту?⁶⁸
Человек застонал, дернулся, но не ответил. Скальд повторил вопрос – пленник молчал.
– Можешь возиться с этим трелем, старик, если хочешь, – сказал Атли, – он мне не нужен.
Вемунд успел ощупать руки и ноги пленника.
– Целы, – пробормотал он себе под нос, – все целы...
– Пойдем, Асбьерн, – повторил свой приказ ярл и первым направился к лестнице.
Хёвдинг двинулся следом. Скальд поднялся, выпрямился:
– Он не трель, ярл, – бросил им в спину Вемунд, – он воин!
– Был воином, – ответил Атли, не оборачиваясь и вступая на первую ступеньку.
– Ты сегодня убил многих, ярл, но одного ты упустил...
Ярл данов замер. Он порывисто обернулся и, оттолкнув хёвдинга, подлетел к скальду.
Атли схватил Сказителя за грудки и хорошенько встряхнул:
– Ты надоел мне, старик, – проревел он, – надоел со своими предсказаниями! Я велел тебе сложить сагу о нашей славной победе, а не забивать мне голову никому не нужным трелем. Ты меня понял, старик?!

Для пущей убедительности ярл тряхнул старика еще разок, так, что затрещала рубаха скальда, тряхнул и отпустил. Вемунд одной рукой провел по щеке, утирая брызги ярости ярла со своего лица.
– Ты упустил сегодня одного воина, – не страшась, продолжил Сказитель, – этот воин твой враг, ярл. И он вернется.
– Клянусь своим мечом, ты сошел с ума, старик! – Атли наигранно хохотнул. – У меня было много врагов, но они уже давно в Валгалле, а за мной Один еще не присылал своих Валькирий.⁶⁹ Так что ты возмнил, старик, что я убоюсь еще одного врага?!

– В нем еще течет жизнь, – скальд указал на пленника, – и если ты позволишь мне излечить его, то он приведет тебя к твоему врагу, которого ты упустил сегодня.
– Ха! Хорошая шутка, старик! – Атли еще раз усмехнулся.
И тут пленник громко застонал, дернулся, его ноги, до того сжатые в коленях, выпрямились. Он попытался открыть глаза, казалось, что ему трудно выйти из дремоты. Его веки, наконец, приоткрылись и часто заморгали – свет факела мешал ему. Когда он полностью открыл глаза, его туманный, безразличный ко всему взгляд упал на ярла.
– Дайте пить, – устало выдавил из себя пленник.
Его не поняли. Ярл вопросительно посмотрел на скальда:
– На каком языке он говорит?

⁶⁷ Ермунганд – в скандинавской мифологии чудовищный змей, живущий в глубинах Океана, который омывает землю.

⁶⁸ Как твое имя?

⁶⁹ Валькирии – в скандинавской мифологии крылатые девы, посланницы Одина, забирающие души павших воинов в Валгаллу.

Вемунд опустился на корточки, склонился к пленнику.

– Я не знаю, – искренне ответил скальд, не оборачиваясь.

– Дайте пить, – повторил узник.

– Усай ду?⁷⁰

– Воды, – едва слышно сказал пленник по-скандинавски.

– Ах, ему воды захотелось, – усмехнулся Атли, – ага, а потом пожрать попросит.

Тем временем скальд извлек из своей котомки кожаную флягу, открыл ее и поднес к губам незнакомца.

– Пей, – сказал Вемунд, наклоняя флягу и вливая воду по капле в рот варяга.

Тот сначала осторожно проглотил несколько капель, а затем, распробовав вкус прохладной влаги, припал к сосуду и жадно выхлебал ее содержимое почти до самого конца.

– Ладно, – махнул рукой ярл, – можешь возиться с ним.

С этими словами Атли и хёвдинг поднялись по лестнице наверх, оставив скальда колдовать над незнакомцем.

Уходя, они унесли и факел, в погребке воцарилась кромешная мгла. Вемунд слышал в темноте усталое дыхание пленника. Он закрыл флягу и вернул ее на место.

– Так как же тебя зовут и откуда ты? – вновь решился спросить Сказитель.

Пленник осторожно дернулся, видимо меняя положение, послышался легкий хруст в костях.

– Что тебе за дело до меня, добрый человек? – вяло, вопросом на вопрос ответил пленник.

– Ты говорил на незнакомом мне языке, – не унимался Вемунд, – я видел много разных людей, говоривших на разных языках, но твоего слова я не понял. Варяги говорят на понятном мне языке. Кто ты? Как твое имя?

– Сигурд, – едва слышно ответил он.

– Сигурд? – отчего-то удивленно переспросил скальд.

– Сигурд, – подтвердил пленник чуть громче.

– Кто ты?

– Эх, – тяжело вздохнул пленник, – рассказать, так ты не поверишь...

Глава шестая

Новый хозяин Альгьюдегборга

*Вся жизнь твоя как на ладони,
Вот только где твои ладони?*

В только что взятом на щит Альдегьюборге ярл Атли, по прозвищу Косой, сын Лейва, устроил празднично-поминальный пир. Многих славных воинов лишила дружина ярла за две битвы, отзвеневшие в один день под стенами Альдегьюборга. Все сделал, что обещал Атли своим воинам. Он привел их к славной победе и большой добыче. И те, что погибли и вознеслись в Чертоги Одноглазого, тоже получили свою долю.

Ярл Атли снарядил в последний путь два драккара, где разместились его павшие воины с богатыми дарами. Двести сорок восемь данов, половина всей дружины сгорела в поминальном костре и с дымом взошла на пир Водителя дружин.

– За наших храбрых воинов! – с гордостью произнес Атли, вставая из-за стола. – Пусть им будут сладки поцелуи валькирий!

И двести глоток дружно гаркнули:

– Скэль! Скэль! Скэль!

Ярл выпил, громко хлопнул глиняной кружкой об стол, сел. Даны пировали прямо под

⁷⁰ Что ты сказал?

открытым небом, во дворе крепости. Не было в Альдегьюборге такого большого дома, чтобы вместить всех. Собранные со всех домов столы стояли во дворе неровным крестом. Столов было много, но все равно на всех не хватило. Чтобы все могли разместиться на пиру, викинги соорудили походный вариант – вкопали бревна в качестве ножек, на них прибили или привязали продольные жерди и уже сверху положили щиты.

– Самое время послушать скальда! – перекрикивая шум пира, изрек Атли. – Где старик Вемунд?

– Скальд! Вемунд! – дружина поддержала своего ярла.

Скальд вышел к гостям и не заставил себя долго ждать. Он начал, когда еще не все голоса стихли:

Скальд, что под именем Вемунд известен,
Видел поля, что наполнены кровью.
Хугин и Мунин над ними кружили,
Души убитых стремились на волю.

Голоса пирующих воинов практически смолкли, лишь за дальними столами еще кто-то восхвалял свои и чужие подвиги.

Ту среди браней признают достойной,
Что блеском стали свет солнца затмила!
Реяло знамя средь копий сверканья.
Во взорах смешались и ярость, и сила!

Скальд на секунду задержал дыхание и повел сагу дальше. Викинги внимали его словам.

Одину Лунда земля подарила,
Ясень кольчуги, что Атли зовется.
Диса обручий любая готова,
На ложе взойти, коль ему приглянется!

Все громче звучали слова Сказителя, все ярче разгорались глаза слушателей.

Атли, могучему сыну, будто от Локки
Взгляд хитроумный и мудрость достались!
Силой одарен он великого Тора!
Власть и удача от предков остались.

Хольм Боривоем зовется недаром:
Столько держаться под натиском Атли!
Кони волны как щиты затрещали!
Ран их на сушу не пустит обратно!

За столами одобрительно загудели, – мол, молодец, давай, скальд. И ярл Атли тоже с большим удовольствием внимал словам скальда, начало саги ему очень понравилось. Не ошибся ярл в таланте старого Вемунда.

Ведьмы щитов позабавились знатно!
Змеи кольчуги отведали крови!
Злее Фенрира, быстрее, чем Слейпнир,

Бились суровые воины-герои!

Взглядом холодным и властной рукою
Ярл, что вождем был поставлен богами,
Клёнов мечей в жар клинков направляя
Сам не боялся безудержной стали!

Даны хором взревели: «Скель!!!», Атли сдержанно улыбнулся. Ведь это была не лесть, это была правда. Скальд воздел обе руки вверх, призывая викингов слушать дальше. Голоса смолкли, и он продолжил:

Асы в кольце облаков наблюдали
Битву людей, восхвалявших их имя.
Один валькирий своих дожидался:
Воины в Валгаллу к нему приходили!

Хирдманов доблесть в летах не померкнет! —
Для Одноглазого битва звенела!
В вихре секир ярость Тора являя,
В каждой стреле весть о смерти пропела!

И снова одобрителное «Скель!!!» разнеслось над Альдегьюборгом. Викинги пьянели от слов скальда, словно от крепкой, хорошо выдержанной браги.

Земля Альдегьюборга Славным добыта,
Кровью оплачена, он в ней хозяин!
Норны для Атли плели благосклонно
Нити судьбы и победные вязи!
Хольм же хотел поживиться добычей.
Атли его безбородым оставил!
Смелого конунга женщины краше,
В лодке дырявой до дома отправил!

— Один! Один!! — взревело двести глоток.
Многие смеялись, как дети, до слез.
— В лодке дырявой, ха-ха... до дома отправил! Ха, ха... хо-хо!
Вемунд на сей раз не призывал к тишине. Он спокойно дал воинам выплеснуть свои эмоции.

Но они могли продолжать еще долго, и сам ярл решил вмешаться.
— Хватит ржать! — рявкнул он.
Атли для пущей убедительности хватанул кулаком по столу.
— Хватит ржать! — повторил он.
И когда вопли и выкрики смолкли, ярл обратился к Сказителю:
— Продолжай, скальд!
Вемунд посмотрел на ярла, глубоко вздохнул, набрав полные легкие воздуха, и продолжил:

Те же из гардов, что трелями стали,
До смерти видеть во сне будут битву!
В северных землях под асовой властью,
Гардские боги не слышат молитву!

Атли могучий со славной дружиной,
Клады Фафнира домой привозивший,
Мёда поэзии будет достоин!
Скальды прославят победу добывших!

И вновь воины одобрительно загудели, но на сей раз негромко. Вемунд еще раз набрал в легкие побольше воздуха и победно закончил свою сагу:

Брага хмельная, что в кубки польется,
Пиру победы врата открывает!
Воинам достойным Фрейи застёжек
Взгляды восторга и ласки подарят!⁷¹

Первым вскочил из-за стола ярл Атли. Он взял свой наполненный кубок и подошел к скальду.

– Твоя сага наполняет наши сердца священным трепетом. Это лучшее, что я слышал до этого.

– Вемунд молодец! – разнеслось над столами. – Хорошая сага!

– Не солгали языки, говоря о твоём слове, – продолжил ярл. – Выпей, старик, за наших воинов и за нашу славную победу!

Вемунд принял подношение, слегка поклонился.

– Благодарю тебя, храбрый ярл.

Сказитель лишь слегка пригубил напиток и так же с поклоном вернул кубок владельцу.

– Благодарю тебя, ярл Атли.

– Твоя сага порадовала наши сердца, – ответил ярл, – займи место за нашим столом.

Он шагнул в сторону и воскликнул:

– А ну-ка, дайте место Сказителю Вемунду!

И, уже обращаясь к скальду, добавил:

– Пойдем, старик, сядешь рядом со мной.

Он положил руку на плечо Сказителю и легонько хлопнул его. Викинги сдвинулись, освобождая для гостя пространство за столом...

* * *

Викинги не унимались. И хотя хмель поборол уже многих, и они храпели кто под столом, а кто рядом, но еще оставалось несколько десятков самых стойких бойцов. Хвалебные тосты перемежались с песнями.

Конунг старый и больной,
Взял на ложе молодуху,
Малость он попиrowал,
От нее уже не слуху.

Покрутился, повертелся,
Конунг старый и больной,
И наутро оказался,
Он уже совсем с другой!

Гоготали даны над песенными шутками так, словно хотели разбудить самую Валгаллу.

⁷¹ Стихи Жанны Дедовой.

Те же, кто не мог гоготать, задорно икали в такт песням.

Ярл Атли не заметил, куда подевался скальд Вемунд. Он прищурил свой единственный глаз, поискал его опьяненным взглядом – ну нет скальда! Атли что-то пробурчал себе под нос, громко рыгнул и принялся хлопать в ладоши, рукоплеская очередному куплету.

Конунг так ее и саяк!
Намотал на руку косу.
Только вскоре он иссяк,
А она ему по носу!

Хмельной ярл гоготнул вместе со всеми. И тут, словно кованный гвоздь впился в его одурманенный мозг.

– Вемунд... Вемунд! – громко позвал ярл и попытался подняться.

Не вышло. Ноги, словно ватные, не слушались грозного повелителя Альдегьюборга. Атли плюхнулся обратно на скамью.

– Вемунд... что он там бормотал про какого-то воина?

Ярл силился вспомнить, о чем они говорили со скальдом. Но «гвоздь» в голове дернулся, кольнул еще сильнее.

– Кого-то я упустил? Кого? – спросил сам себя ярл. – Кто он?

Атли потянулся за кубком, но отдернул руку на полпути.

– Ах да, – «гвоздь» задел нужную точку, – да, да... этот трель в вонючем погребе...

При воспоминании о грязном погребе, ярл поморщился.

– Тьфу ты, сожри его Ёрмунган! Трель этот... тоже еще...

Веко ярла, опухшее от чрезмерного возлияния, тяжело опустилось.... Поднялось, опустилось. «Ух, я разберусь с этим трелем, сожри его Ёрмунган», – подумал он, и «гвоздь» выпал из головы нового хозяина Альдегьюборга.

Атли Лейвссон сложил руки на столе и уткнулся в них головой. Ярл устал – ярл спал.

Девка шустрая попалась.
Убежала к молодому!
Конунг старый и больной,
Тут же сделался хмурной!

Последние строки песенки Атли едва различил сквозь сон. Но....

«Девка... девка», – нашептывал тихий голос.

Ах да, он совсем забыл. Старая ведьма – Оска! Да, да, она обещала ему какую-то девку! Хотя, может, обманула, эта колдунья? Но нет, не было у ярла повода сомневаться в ее словах. Еще в прошлом году, когда ничто не предвещало беды для рода Атли Лейвссона, она напроорочила ему бегство из родного Лунда. Ох уж эти прозорливые шведы, будь они прокляты. Шведы! При горьком воспоминании о потере своей вотчины у Атли даже во сне до боли в деснах заскрежетали зубы. Нет теперь его Лунда, нет его усадеб, нет могилы предков. Все вытоптали и сожгли враги. И как ведь подло напали! Когда он с большой дружиной находился в походе. Ему часто снилось то возвращение домой. Вот и сейчас опять... ни детей, ни жен, никого больше не осталось. А вход в родную гавань перегородил вражеский флот. Огромный флот, в двадцать с лишним кораблей! Не было у Атли сил схватиться с врагами, не было. Жаль и противно до омерзения! На дальнем мысу от его уже сгоревшей усадьбы он высадился ночью и пошел к Оске. Он хотел спросить совета, найти способ отвоевать обратно родной Лунд.

Да, именно она, Оска, первой сказала ему о том, что крутилось у многих на языках: «Уходи!» Это Оска указала ему путь на восток.

«Ты потерял многое, ярл. Ты умер, ярл. Иди, там, на востоке ты найдешь новую землю себе и твоим людям! – спокойно изрекла тогда колдунья. – Там ждут тебя победы. Там ты

обретешь новую силу и вновь заживешь. А еще ты встретишь юную деву, которая должна родить славного на многие века воина!»

«И я буду отцом этого воина?» – спросил Атли.

«Боги не дают ничего просто так, – рассмеялась тогда Оска, – тебе придется потрудиться...»

Ярл приподнял голову, но глаз не открыл. Принюхался. Он, словно слепец, поводил головой по сторонам, будто пытаясь кого-то вынюхать, ощутить чей-то запах. Запах тревоги. Но нет. Ничего. Пусто. «И где взять эту девку?» – вопрос в голове ярла остался без ответа. Ярл не знал, где искать желаемое, хотя...

Атли Лейвссон вновь сложил руки на столе и уткнулся в них головой. Ярл устал – ярл спал.

Глава седьмая **Воскрешение из мертвых**

*Иногда живые выглядят, как мертвые,
А мертвые, как живые...*

Пир длился довольно долго. Уже давно зашло небесное светило и в сентябрьском чистом небе ярко зажглись звезды. Одна, вторая, третья... И вот уже весь небосвод был усеян мерцающими точками. Одна из них сорвалась с места и стремительно полетела вниз, все ускоряясь. Он летела быстро, и одиноко сидевший у распахнутой двери погребца человек не успел загадать желания. Хотя нет. Он загадал его уже давно. Еще там, внизу, в холодном и сыром погребке. Он загадал свое желание еще до того, как его стали бить. А били часто, и он снова думал, что это в последний раз. Вот сейчас в последний раз ударят – и все! И больше не будут... не будут никогда, потому что ему тогда станет уже все равно. Не будет боли и страха, не будет жизни, ничего... Ничего для него.

Но они продолжали бить! Аккуратно, чтобы не сдох! А потом его вновь кидали в этот затхлый подвал, где он мерз и, как мог, отбивался от крыс. Он держался, не спал по ночам, потому что болело все тело. Наступало мерзкое оцепенение и жалость. Щемящая жалость к самому себе. О боги, за что? «Нет! – говорил он себе. – Надо держаться!»

Его сломали на вторую неделю. Потому что он больше не мог. Никто бы не смог. Да, в кино они могут – супергерои, супербойцы. Вот их бы сюда, под удары палок! Он сказал, объяснил, как умел. Кто он и откуда. Но, ха! Разве ему поверили?! Бьярни Сельвссон, брат Гутрума, владельца Альдегьюборга, рассмеялся ему прямо в лицо. Вместе с ним смеялись и его воины. Не поверили. Да и как они могли поверить, если он и сам толком не осознавал, как очутился здесь.

Он лежал на земляном полу и ждал, что умрет. Он уже почти чувствовал, что умирает. Нет – уже умер! Но все круто изменилось, и к нему вернулась надежда. Надежда на жизнь...

* * *

Во дворе борга жарко полыхали костры. Огонь жадно пожирал короткие бревна, которыми викинги кормили огонь. Недавний узник смотрел, как опьяненные победой и брагой новые хозяева Альдегьюборга веселились у костров. Приплясывали и горланили песни о далекой покинутой родине, о прекрасных валькириях, о великой славе в предстоящих походах и сражениях...

Ему, оборванному и чудовищно грязному, которого не раз называли обидным словом «трель», это веселье казалось сейчас дьявольскими плясками. «Пир во время чумы», – мелькнула знакомая фраза.

Его никто не сторожил. Не сторожил со вчерашнего дня, когда к нему в погреб спустился этот новый ярл. Да и еще с ним был добрый старик. Дверь его тюрьмы осталась

открытой, и вот сегодня он еще засветло заставил себя выйти наружу. Тело чертовски болело, но он выполз на свет. Он был несказанно рад, когда солнечный свет резанул глаза. И пусть это солнце уже не грело, но его измученное тело радовалось и этому. Узник, прикрываясь от осеннего солнца руками, долго сидел, ждал, когда глаза привыкнут к ослепительному миру. Но солнце его обмануло. Оно быстро потухло, скатившись за горизонт.

А викинги все пировали, возносили хвалу Одину и поминали своих товарищей. Что им за дело до грязного человека?! Он закрыл глаза. Голова кружилась, клонило в сон и еще чудовищно хотелось есть. Желудок уже давно пережег все запасы жиров, и уже наверное, истреблял самого себя.

– Сигурд, ты не спишь?

Он лениво открыл глаза, повернул голову.

– А, это ты...

– Да, я, – ответил старик.

Он подошел ближе.

– Меня зовут Вемунд, если ты не помнишь.

– Ага, я помню, – устало ответил Сигурд.

– Вот и хорошо.

Сказитель снял с плеча принесенную небольшую шкуру. Он расстелил ее на земле и, не обращая внимания на робкие протесты юноши, пересадил его. Затем Вемунд извлек из своего походного мешка новенький шерстяной плащ.

– Вот так-то будет лучше, – произнес Сказитель, накидывая плащ на плечи бывшего узника, – носи себе.

Сигурд машинально укутался поплотнее, стало теплее, уютнее. Скальд поправил висевшую через плечо сумку, сел рядом.

– Пора бы тебе и подкрепиться, – продолжил скальд, извлекая провизию, – а то исхудал ты очень там, – он кивнул головой на вход в погреб.

От пиршества викингов недавнему узнику достался большой ломоть хлеба, немного сыра и кусок жареной телятины.

– И вот еще, – Вемунд снял с плеча кожаную флягу и протянул Сигурду.

Он не то чтобы обрадовался браге, и все же это было лучше, чем слизывать капельки воды с прогнивших бревен погреба.

– Спасибо тебе, скальд, – поблагодарил Сигурд.

Еда была великолепна, восхитительна, божественна. Главное, съесть немного, только едва утолить голод, а то...

– Я слышал твою сагу, – с набитым ртом сказал Сигурд.

– Понравилось?

– Да. Вот только я не все разобрал. Я плохо знаю ваш язык.

Сказитель понимающе качнул головой. Он терпеливо ждал, когда юноша насытится, и молча созерцал горящие невдалеке костры. А вопросов у него накопилось изрядно.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Сигурд, отстраняясь от еды, – уф, тяжело-о-о.

Он откинулся на стенку погреба и блаженно закрыл глаза.

– Ты тоже хочешь узнать, откуда я прибыл сюда? – первым спросил Сигурд.

Скальд повернул голову, посмотрел в глаза юноше и кивнул.

– Я чувствую, что в тебе сидит великая тайна. И мне бы хотелось ее знать.

– Чтобы сочинить еще одну сагу?

Вемунд улыбнулся в усы:

– А почему бы и нет....

* * *

– Значит, ты из далекой страны и попал сюда не по своей воле?

– Да, – ответил Сигурд.

Ему с трудом удавалось подобрать нужные скандинавские слова, чтобы рассказать скальду свою историю. Юноша видел, что Вемунд силится понять его, и, видимо, не без результата. Хотя скальду многое приходилось домысливать самостоятельно.

– Тебе надо учить наш язык, – посоветовал Сказитель, – многое из твоих слов не понятно мне, а хотелось бы знать всю правду.

– Да пойми ты, – занервничал Сигурд и стал вновь путать русские и скандинавские слова, – я не отсюда, эа иаркли, не из твоего времени! Эк ком, башня была большая... тад ригнир... коген, и кажись гробанулись мы с парнями вниз, эа иаркли. Ну вроде того... сва эр ку комит. А потом с конунгом Хольмградским пошли эр фердир... в поход. Потом меня долбануло в бою, ор бутор, и я потерял друзей... или это они меня потеряли... эа иаркли.

Он говорил еще что-то, часто повторяясь, пытаясь втолковать скальду, что мир, из которого он прибыл, другой, не похожий на этот. Вернее он похож, вот только время другое, совсем другое...

– Так, значит, твои друзья могут считать тебя погибшим? – переспросил скальд Вемунд после того, как Сигурд окончил свой рассказ.

– Может и так, – пожал плечами недавний узник, – да только как проверить. Я даже не знаю, где они.

Сказитель медленно разгладил седую бороду. Костер, вокруг которого веселились самые стойкие из викингов, затухал. Сами же воины, притомленные брагой и плясками, наконец уgomонились и мирно похрапывали кто где. Скальд посмотрел на стену – не всем сегодня выпала удача наполнить свое чрево пенными напитками. Вемунд заметил несколько факелов, блуждающих в ночи на крепостной стене, – стража бодрствовала.

Вемунд ждал, когда Сигурд совладает со своим волнением и продолжит. И он продолжил. На сей раз он говорил медленно, тщательно подбирая знакомые скандинавские слова. Сигурд хотел, чтобы скальд понял его и, быть может, помог, подсказал. Нет, не то чтобы Сигурд безоглядно стремился назад в свое время, но он хотел чего-то понятного, определенного... трудно ведь вот так начинать новую жизнь в прошлом, с потери друзей и этого холодного погребя.

Вемунд слушал внимательно и, кажется, начинал понимать, что по воле богов случаются странные и запутанные вещи. Миры сдвигаются, перемешиваются, как и было предсказано еще давным-давно. Он слышал нечто подобное еще от своего деда, который, как ему тогда казалось, потешал детей своими рассказами. Да, миры сходятся, и вскоре многое может измениться окончательно. Уж боги об этом позаботятся, вот только зачем это богам?!

Вемунд слушал Сигурда, слушал и размышлял. Древо жизни уходит корнями глубоко, пронзает все миры, по его ветвям струится время и часто переплетается. Кто мы без предков? Никто. Что бы мы знали без предыдущего поколения? Ничего. А впереди еще много колец, вплетенных в судьбы богов и людей. «Эх, великий Ясень Иггдрасиль,⁷² – мысленно вздохнул Сказитель, – долго ли еще твой ствол будет соединять небо, землю и подземный мир? Что же должно измениться?»

– Ты слышишь меня, скальд? – внезапно спросил Сигурд.

Ему показалось, что Сказитель погряз в своих мыслях и потерял нить рассказа.

– О да, – ответил скальд, – я слушаю тебя, слушаю...

Старик закашлялся, отвернулся, пряча лицо в ладони.

– Прости, – продолжил Вемунд, когда приступ кашля прошел, – становится холодновато.

– Да уж, – зябко поежился Сигурд, – и все же ты слушал меня? Тебя ничего не удивляет?

⁷² Согласно скандинавским мифологическим представлениям, основой вселенной является мировое древо – ясень Иггдрасиль, ветви которого простираются над всеми мирами. Иггдрасиль соединяет верх (небо), середину (земля) и низ (подземный мир).

– Люди ярла Гутрума взяли тебя в плен в бою?
– Я же тебе говорил, без памяти я был, ранило меня. Видать, они сперва приняли меня за своего. Очнулся я только на ладье. Меня вначале даже перевязали, напоили. А уже когда в борг пришли, тут-то меня и опознали. Ярл Гутрум меня в погреб и упрятал да пытать начал – кто я да откуда.

– Приняли за своего? – не понял скальд.

– Конечно, – кивнул Сигурд, – вот.

С этими словами он извлек из-под своих лохмотьев серебряный молот Тора.

– Приняли за своего, ясно, – растягивая слова, согласился Сказитель, – можно взглянуть?

Сигурд снял мьельнир с шеи и протянул скальду:

– На, смотри. Только чего там смотреть, молот как молот.

Вемунд осторожно принял в свои ладони мьельнир. Он близко поднес его к глазам, пытаясь разглядеть. Света от угасающих костров было недостаточно, чтобы полностью рассмотреть все узоры на серебряном амулете. Скальд повертел молот, а затем перевернул его и тщательно ощупал оборотную сторону, больше доверяя своим рукам, чем глазам в темноте.

– А что здесь, Сигурд? – спросил старик. – Какой-то узор, кажется, петля...

– Да, – спокойно ответил Сигурд, – эта петля вроде даже из золота, называется символ бесконечности. Йохан, мастер, что делает молоточки Тора, всегда ставит этот знак на обороте своих изделий.

– Странно, – тихо протянул скальд.

– И ничего тут странного, – отвечал юноша, – на всех мьельнирах Йохана есть такие знаки.

– Мастера Бирки и Готланда тоже ставят свои клейма на изделия, я много чего видел, но вот такого... – Скальд на мгновение задумался. – Хотя купцы из Миклогарда⁷³ привозили. – Он опять задумался, явно что-то припоминая. – Ах да, кажется, это был шейный амулет...

– Ну и что с того? – перебил Сказителя Сигурд. – Мало ли что купцы возят по миру.

– Нет, конечно, они возят многое, – продолжил скальд, – только знак, что на твоём мьельнире, был в том амулете помечен кругом...

– Ай, – равнодушно махнул рукой юноша.

– Редкий знак.

Вемунд вновь задумался о странной воле богов. «Разные миры, – думал скальд, – а знаки едины...»

– Твой мир непонятен мне, но я не усомнюсь в том, что он есть, ведь ты его подтверждение, – искренне признался Сказитель.

– Я и мои друзья...

– Твоих друзей я не видел. А вот то, что ты восстал из мертвых, это видят мои глаза.

– Восстал из мертвых? О чем это ты? – искренне изумился Сигурд.

– Ты умер в своем мире, и боги забрали тебя сюда. А теперь ты жив и дышишь – так не спрашивай ни о чем, а радуйся, что боги дали тебе еще время.

– Хороша радость сидеть в погребке, – воскликнул Сигурд.

– Все проходит, – философски заметил Сказитель, – теперь главное – что ты жив. Воскрес из мертвых! Хотя ты все еще в начале пути...

– А почему ты сказал, что я умер в своем мире?

– Может, тебе больше по душе слово «ушел»? Пусть будет ушел...

Они молча переглянулись. Сигурд и сам много раз, сидя в погребке, силился осознать свое положение в этом мире. Как? Зачем? Почему? Вопросы, вопросы, одни только

⁷³ Миклогард – скандинавское название Византии.

вопросы... Конечно, он, как истинный реконструктор, каковым он себя искренне считал, хотел, даже мечтал, хотя бы одним глазком заглянуть в прошлое. А разве не интересно увидеть, как было на самом деле?! Любопытно же!

Разговор как-то оборвался и больше не клеился, сказывалась усталость – хотелось спать. Скальд зябко поежился под плащом, положил руку на плечо собеседнику.

– Пойдем, Сигурд, я устрою тебя на ночлег.

Глава восьмая Побег

*Тот, кто никуда не стремится,
Всегда остается на месте.*

Андрей спал крепко. Его никто не тревожил. Скальд Вемунд уютно устроил его подальше от людских глаз, в маленькой избе, которая некогда служила баней. Постель его была из досок, жесткая, но зато широкая и не шла ни в какое сравнение с сырым и холодным погребом. Ему снился чудовищно длинный сон. Такие сны могут приходить только от огромной усталости и истощения. Нет, не физического, а духовного истощения. Он чувствовал себя пустым и разбитым, но главное – он спал. Спал почти сладко, как не спал уже давно.

Во сне он сидел на берегу большого озера и кидал в воду маленькие камешки. Было так забавно смотреть, как очередной упавший в озеро камень ныряет в воду и круги бегут, бегут... Они расходятся все шире и шире, увеличиваются и, наткнувшись на берег, затихают, потеряв силу. Иногда ему казалось, что в отражении озера он видит двоих – мужчину и женщину. Они веселятся, улыбаются. Им хорошо, они держатся за руки и целуются. Андрей пригляделся. Вновь пошли круги от брошенного камушка. Круги мешают ему разглядеть лица, но он не может остановиться и продолжает монотонно кидать камни в воду. Вот на очередной волне мужчина повернулся лицом к воде, и он узнал в нем Павла. А вот кто был рядом с ним? Он так и не смог разглядеть, как не силился...

Эта медленно развивающаяся ночная иллюзия заставила его подняться над озером. В стороне он заметил черный корабль, на дне которого без движения распласталось тело. Мужчина лежал на боку. Невидимая камера снизилась, и он увидел кровь. Совсем свежую, только что вытекшую из раны, она лужицей стояла у тела мужчины. Знакомое лицо... Вадим?! Андрей пригляделся – сомнений не осталось, это был Вадим...

А в стороне от озера сон показал ему разрушенный античный амфитеатр. Трибуны были пусты, но одиноко стоявший на подиуме актер продолжал что-то декламировать. Сон приблизил картинку, и он услышал стихи:

Кто не играл, тот не способен мыслить,
Кто не играл, тот ничего не находил,
Кто не играл, тот лжец, иль просто трусит,
Что в жизни этой много потерял!

А я играл! Нет – я играю! Посмотрите!
Как благородна моя роль! Меня услышьте!
Вы – вчерашние кумиры.
И оцените красоту игры...

Страх дернул его изнутри и Андрей резко проснулся. Он открыл глаза, но его окружала полная мгла. В черной пугающей темноте одиночества не раздалось ни звука.

«Вот мы и доигрались...» – мелькнуло у него в голове.

И тут неожиданно темнота ответила:

– Доброе утро, Сигурд.

Андрей вздрогнул и резко открыл глаза. Сквозь неплотно прикрытую дверь в избу проникал слабый утренний свет.

– Скальд, ты должен помочь мне бежать!

– Что?

– Мне больше некого просить, – горько ухмыльнулся Сигурд, – мне надо найти своих друзей!

Вемунд пристально посмотрел в глаза юноше.

– Ты еще слаб, – заметил скальд, – вряд ли тебе удастся уйти далеко...

– Это мое дело, – резко оборвал его Сигурд, – мне надо!

Скальд хотел было возразить, но юноша вновь прервал его.

– Не спорь, старик, я так решил. Я знаю, ты и так сделал для меня уже много. Но я прошу тебя, помоги мне еще раз, а дальше... дальше я сам! Может быть, на этот раз мне повезет больше.

– Что?

– Я уже однажды пробовал отсюда бежать...

– Ты мне не говорил.

– Неважно, – отмахнулся юноша, – да и не так давно это было... Перед самым штурмом борга. На этот раз, я думаю, все получится.

– На все воля богов, – спокойно ответил Вемунд, видя решительность недавнего узника. Скальд поднялся. – Подожди меня, я скоро.

Не оглядываясь, скальд вышел во двор, низенькая дверь едва слышно скрипнула за ним.

«Бежать, обязательно бежать», – одна мысль колотилась в голове Сигурда, как пойманная в клетку птица: «Бежать!» Сейчас он не думал, как он сможет найти друзей, один в незнакомой местности, и вообще, где они, эти друзья? Куда их раскидали стремительные события прошлого, или уже настоящего? Впрочем, это было неважно, главное – выбраться на свободу, а там...

Его мысли прервало возвращение скальда.

– Вот, возьми, – старик протянул калиту, – здесь немного еды и одежда, в твоём рванье будет холодно.

– Спасибо, – Сигурд вежливо поклонился и, схватив сумку, стал вытаскивать оттуда плотную, почти новую рубаху и суконные штаны.

– И обуйся, – позаботился старик, подавая пару кожаных ботинок, – босым по лесу много не набегашь.

– Вот спасибо так спасибо.

Быстро переоблачившись и обувшись, Сигурд закинул калиту за спину.

– Ну, я пошел.

– Постой, – остановил его скальд, – вот еще, – старик разжал ладонь и Сигурд увидел маленький нож с грубой деревянной рукояткой.

– Еще раз спасибо, Вемунд, – поблагодарил юноша, – невелико оружие, но может сгодиться.

– Я провожу тебя, – предложил скальд, но Сигурд запротестовал:

– Нет, не надо! Если что пойдет не так, я не хочу, чтобы нас застукали вместе.

Сигурд еще раз поправил калиту и подошел к двери. Легонько приоткрыл ее, прислушался.

– Прощай, скальд, – произнес он вполголоса.

Сигурд выскользнул из маленькой баньки, в которой его устроил ночевать Вемунд, и тут же прижался спиной к стене. Осеннее солнце только-только показалось из-за леса. Сигурд огляделся. Во внутреннем дворе борга не было ни души, вернее эти души лежали на щитах и храпели у едва тлеющих костров. Беглец глянул на стены. Он заметил троих сторожей, двое из которых лениво прохаживались взад и вперед, а третий, похоже, спал,

оперевшись о стену. Сигурд осторожно прошел вдоль избы, свернул за угол и вдоль длинного дома проскочил под тень крепостной стены. Все это у него заняло не больше минуты, вот только поврежденная нога предательски хромала. Оставаясь в тени, он прохромал до ворот борга и тут услышал голоса. У наспех заделанных после штурма ворот стояли двое викингов. Другого выхода у Сигурда не было, как только протиснуться сквозь воротную баррикаду. Подниматься на стену и пытаться спрыгнуть – бред, расшибешься, а веревки у него не было, да и где ее взять? Минуту он стоял, плотно вжавшись в бревна крепостной стены, и лихорадочно соображал: что делать? Ничего путного на ум не шло, и он решил взять напором. Быстрота и натиск! Левой ногой он наступил на небольшой камень. «Сойдет!» – мелькнуло в голове. Он поднял камень и сделал несколько шагов вперед.

Солнце краем зацепило верхушки угловых башен, теперь Сигурд отчетливо видел двух молодых парней, что стояли у ворот и переговаривались вполголоса. Оба без шлемов, в толстых кожаных рубахах, поверх которых они накинули плащи. Их щиты стояли в стороне, а из оружия в руках у сторожей были только сулицы.

Размахнувшись, Сигурд с силой метнул камень. Примитивное оружие удачно вломило ближнему викингу в ключицу. Парень дернулся, выронил копье и, озверев, забежал глазами. Вприпрыжку, чтобы не наступать на больную ногу (не дай боги подведет в бою), Сигурд устремился в атаку. Он на ходу снял калиту и, размахивая ею, как кистенем, обрушился на второго сторожа. Северянин успел перехватить свое копье в боевое положение и даже попытался первым нанести удар. Сигурд уклонился, как заяц, отпрыгнув в сторону. Его калита, описав круг, саданула викинга по голове. Тут же юноша отдернул свое импровизированное оружие и, не дав воину опомниться, крутанул... На сей раз холщовая калита лопнула о крепкий череп сторожа и на викинга посыпались куски хлеба и мяса, четыре яблока, три луковицы, головка чеснока, пара вяленых рыб и еще какая-то снедь...

Не теряя драгоценного времени, беглец нырнул под бревно, что подпирало разбитые ворота, обхватил его и со всей яростью оттолкнул. Оба воротных сторожа опаматовали и перешли в контратаку, однако их пыл мгновенно погасило падающее бревно. Один из сторожей все же не успел отскочить...

Секунды... секунды... драгоценные секунды, выигранные падением бревна, бежали, а Сигурд все еще не преодолел баррикаду. Он остервенело отшвыривал доски, отделявшие его от свободы, а позади уже слышал, как сторожа подняли крик. В воротном проеме оказалось еще одно загородившее проход бревно. Беглец навалился на него плечом, оно на удивление быстро поддалось и, увлекая за собой несколько досок, обрушилось за спиной Сигурда. Путь был свободен. Однако бежать по открытому месту было бы полным самоубийством. Сигурд свернул влево и, насколько ему позволяла поврежденная нога, вприпрыжку припустил вдоль стены. Позади раздавались яростные крики, впрочем, как и со стены. Он даже слышал, как наверху по дощатому настилу топали ноги. Вскоре первая стрела, пущенная сверху, пропела совсем рядом, а затем и вторая жалобно простонала и зарылась в траву. Сигурд на бегу оглянулся – из ворот показались несколько викингов.

Секунды, секунды... драгоценные секунды, но нога... Беглец прикусил нижнюю губу от боли и стал налегать на обе ноги. Он бежал, уже не оглядываясь. Солнце окрасило осенним блеском борг и его окрестности. Сигурд с разгону влетел в кусты – и кубарем полетел с обрыва в овраг, лишь в последнее мгновение успев сгруппироваться.

Падение продолжалось пару секунд и прекратилось, когда тело плюхнулось в воду. Небольшая речушка на дне оврага обдала беглеца холодом. Моментажно намокнув, Сигурд не растерялся, а парой гребков достиг противоположного берега и углубился в прибрежные камыши. И, как оказалось – вовремя. Наверху оврага послышались голоса, а затем вновь зашуршали стрелы, пущенные наугад. «Не хватало еще схлопотать стрелу в спину», – подумал Сигурд. Не успела эта мысль проскочить в сознании, как Сигурд упал на землю и затаился. Время замерло, он почти не дышал, однако викинги не спешили спускаться по обрыву. Несколько лучников продолжали методично всаживать стрелу за стрелой в заросли камыша. Два боевых жала, срезав несколько стеблей, впились в землю всего в паре

сантиметров от беглеца.

– Кучно бьют, сволочи! – процедил сквозь зубы Сигурд, слыша, как викинги сыплют на его голову не только стрелы, но и отборные ругательства.

Вдруг, неожиданно для самого беглеца, голоса разом стихли, и юноша тут же этим воспользовался. Он осторожно, стараясь не сильно колыхать камыши, стал выбираться на сушу. И все же предательски сухие заросли выдали его передвижения. Вновь раздался голоса, а через мгновение сразу несколько огненных стрел прошли заросли камыша. Высохшие стебли разом занялись огнем. Спину тут же стало припекать, и Сигурд решил больше не таиться. Он резко вскочил и кинулся прочь от разбушевавшегося моря огня. Вдогонку ему полетели стрелы, и беглец, как огромная лягушка, принялся прыгать из стороны в сторону. Спасительные кусты, а за ними и молодые деревца наконец прикрыли его от смертельных «укусов» стрел. Пробежав несколько сотен метров, Сигурд спрятался за ствол крупной ели. Остановившись, он отдышался и прислушался. Как ни странно, но погони не было, или она отстала? Он не стал испытывать судьбу и продолжил бег. Нога предательски подводила, но Сигурд, продолжая сжимать зубы, темпа не сбавлял. На бегу он осознал, что двигается вдоль Волхова, а это весьма опасно, при желании его могли легко нагнать на драккарах. Осознание этого резко изменило его маршрут. Сигурд сразу же свернул в сторону от реки. «В лес! – стучало сердце. – Подальше в лес!»

Нога щемила от напряжения, и он, не в силах бороться с нахлынувшей болью, сбавил обороты. Он быстро и с опаской пересек лесную дорожку. Огляделся еще раз – тихо! Прихрамывая, Сигурд ковылял, пока лес не вывел его на обширное поле.

– Упс, – тяжело выдохнул юноша.

Трава на поле была тщательно скошена, что говорило о близости поселения. Однако попадаться на глаза кому бы то ни было в планы беглеца не входило. Юноша обвел взглядом пространство. Поле оказалось довольно большим. Конечно, захотелось стремительно пересечь его и вновь углубиться в лес, ибо идти в обход мешала занывшая нога. Некоторое время постояв на краю поля, Сигурд выбрал золотую, как ему показалось, середину. Он прошел несколько сотен метров по лесу, оставаясь под прикрытием деревьев, и наконец добрался до места, где поле сужалось. Именно тут он решился срезать путь. Силой воли взяв себя в руки, беглец, налегая на обе ноги, рванул через открытое пространство.

Его безумный темп продолжался ровно до середины этого узкого отрезка поля, как неожиданно где-то сбоку он услышал ржание лошадей. Как и откуда вынырнули пять всадников, Сигурд не успел сообразить.

– Черт, черт, – зло выругался юноша, видя, как всадники, приметив беглеца, устремились к нему.

До спасительного леса оставалось совсем чуть-чуть, но, как не старался беглец, идущие галопом лошади нагнали его у первых же деревьев.

– Стой! – грозно прокричал передний всадник в шлеме и с топором в руке.

Говоривший послал коня вперед и тот едва не сбил грудью беглеца. Первой мыслью юноши было попытаться рвануть в лес, ведь до него оставалось рукой подать. Но четверо викингов, направив копыта на Сигурда, преградили ему все пути к отступлению.

– А ты ловок, мрзя,⁷⁴ – изрек викинг с топором, – вяжите его, парни!

Повинуясь приказу, двое викингов спрыгнули с коней и подступили к Сигурду с веревкой. Мгновенно юноша вспомнил о подарке скальда и выхватил нож.

– Ну, давайте! – воскликнул беглец, – берите меня!

Подходившие воины переглянулись и, усмехнувшись в усы, потянулись к мечам.

– Велено живым брать! – подал голос викинг с топором.

Вытянутые было наполовину клинки ушли обратно в ножны. Двое нападавших еще раз

⁷⁴ Мрзя – здесь хитрец; славянское ругательство, впоследствии трансформировавшееся в слово – мразь, имеющее совершенно иное значение.

переглянулись и стали обходить беглеца с двух сторон. Сигурд, выставив правую руку с ножом чуть вперед, принял оборонительную позицию, переведя центр тяжести тела на здоровую ногу.

– Ну!

Они бросились к нему одновременно. Сигурд отпрыгнул назад, пропуская мимо одного викинга, и тут же быстро метнулся в сторону, к тому, что оказался ближе всего. Юноша отвел руку и резко выкинул нож вперед, целясь в грудь противнику. Но викинг разгадал его прием. Молниеносный перехват, удар и нож беглеца, выбитый из руки, полетел в траву. Огорченный столь быстрой потерей единственного оружия, Сигурд не растерялся и пустил в ход кулаки. Пока второй нападавший разворачивался и занимал новую позицию, юноша успел произвести короткую серию ударов. Викинг защищался умело, видно, не впервой ему приходилось на кулаках махать, и все же один удар он пропустил. Удачно вылетевший кулак саданул его в область солнечного сплетения, на миг он прекратил атаку и отступил. Однако в дело тут же вступил второй боец. Его пудовые кулаки пролетали перед лицом Сигурда с такой скоростью и силой, что юноша едва успевал уворачиваться. Его движения, напоминающие взмахи крыльев ветряной мельницы, обдавали беглеца смертельным ветерком. Сигурд крутился, как только мог, и настолько ловко, насколько позволяла его больная нога.

Улучив момент, юноша применил запретный прием. Он сделал ложный замах рукой, а сам врезал здоровой ногой по причинному месту нападавшего здоровяка. Но то ли удар был недостаточно силен, или у него там была защита, как бы то ни было, викинга этот прием вовсе не остановил, а скорее напротив, даже озлобил.

– Ах ты залыга! – воскликнул воин и сам ударил ногой.

Вот этого Сигурд не успел предусмотреть. Он пропустил пинок под коленку – и ведь бил прямо по больной ноге, сволочь! Нога предательски согнулась, и в эту секунду второй нападавший съездил ему аккурат по уху. Звон в ушах стоял такой, что утренние птицы в лесу встрепнулись, а от второго удара в это же ухо разлетелись в разные стороны. Здоровяк тут же отвесил второй пинок, и нога беглеца окончательно подкосилась – Сигурд упал на колени. Но он, решив защищаться до конца, согнул руки в локтях и выставил блок. Еще несколько ударов он отразил, а затем упал на бок и, в надежде уйти от побоев, откатился в сторону под копыта коней.

– Что-то долго ты в этот раз возишься, Торир, – насмешливо изрек викинг с топором, обращаясь к приятелю-здоровяку.

Верховые ответили дружным хохотом. Торир зло сплюнул и стал угрожающе приближаться к беглецу.

– Уже все!

Сигурд, схватившись за узду ближайшего коня, поднялся. Он вновь принял боевую стойку, по-боксерски выставив кулаки. Ушибленная нога болела и оттого стойка получалась немного «пьяной».

– Велика честь, все на одного, – проговорил Сигурд, сплевывая кровь.

Торир тут же остановился и сделал знак второму нападавшему.

– Этот залыга хочет чести! Отойди, Гуннар!

Как только Торир оказался на нужном расстоянии, юноша оттолкнулся и, пригнувшись, нырнул под кулаки противника. Плечом он с разгону уперся здоровяку в грудь и попытался его уронить. Викинг под напором пошатнулся, но устоял. Он схватил Сигурда за подмышки, отставил одну ногу для упора назад и крикнул, отрывая юношу от земли. Попад в цепкие лапы здоровяка, Сигурд разжал захват и попытался высвободиться, нанося удары в бока противника. Но удары из такого неудобного положения не наносили викингу ни малейшего ущерба. В следующую секунду Торир отшвырнул от себя беглеца, как котенка. Пролетев пару метров, Сигурд больно ударился оземь и несколько раз перекувырнулся.

И все же он решил встать и продолжить бой, хотя и понимал, что развязка уже близка.

– Давай, Торир, вяжи его, – слышались подбадривающие голоса викингов, – хватит

возиться! Ярл ждет!

Кто-то подал Ториру веревку и тот нагнулся к поверженному беглецу. Сигурд нашел в себе силы, приподнялся и даже угодил обидчику кулаком в живот, но в ту же секунду страшный удар в челюсть заставил его обо всем забыть. Торир приложил его для верности еще раз по лицу, и весь мир заходил ходуном. Викинги... лошади... Торир... веревка... шепот леса и взбудораженные птицы... чьи-то выкрики и веселый смех, все завертелось в тошнотворном круговороте.

Последнее, что услышал связанный беглец, был короткий приказ:

– В борг!

Глава девятая Будем жить!

Изменчивость – это сущность людей...

Первое, что увидел Сигурд, открыв глаза, был яркий свет горящей рядом лучины.

– А, уже пришел в себя, – услышал он знакомый голос, – это хорошо, очень хорошо.

Скальд подставил рядом с его ложем табурет, сел.

– Ничего, ничего, – утешал он неудавшегося беглеца, – не так уж и сильно они тебя приложили.

Вемунд стал осторожно менять повязку на его голове.

– Где я? – едва слышно спросил Сигурд, пытаясь оглядеться.

– Лежи. Ты там, откуда сбежал.

«Опять подвал? Неужели?» – подумал юноша, но затем различил крепкие бревна, из которых была сложена изба, и старую печку-каменку. «Я в бане», – осенила беглеца счастливая догадка. Все же, как ни крути, в бане куда уютнее и теплее, чем в сыром подвале.

– Меня казнят? – спросил Сигурд и тут же понял глупость своего вопроса – раз не убили сразу, значит, он для чего-то понадобился ярлу.

– Нет, – ответил старик, продолжая колдовать над ссадинами, – не казнят.

– А что тогда?

– При побеге ты зашиб бревном одного воина – Сёльви, кажется, так его звали...

– Какого еще Сёльви? Я его даже не знаю.

– А ты и не спрашивал, когда бревно на него уронил. Признаешь?

– И что?

– Да ничего, – равнодушно ответил скальд, – бревно расшибло ему голову и он отправился к Одину, а его брат Торир теперь жаждет мести. Ярл распорядился устроить хольмганг.

– А что за Торир такой?

– Ты его уже видел и даже успел сразиться с ним, правда, в кулачном бою.

При упоминании о здоровяке с пудовыми кулаками у Сигурда заныла вся голова, от челюсти до макушки. Страшно было подумать, как этот Торир мог управляться, например, с двуручным топором. «М-да, задача не из легких», – подумал юноша, а мозг инстинктивно начал прикидывать, чем противостоять такому противнику. Перед глазами стали мелькать различные картинки – позиции, стойки, удары, контрвыпады.

– М-да...

– Что? – не расслышал Вемунд.

– Все нормально, скальд, все нормально... Значит, выход только один?

Скальд пожал плечами.

– Хольмганг.

– Здорово! А если я убью этого Торира, меня отпустят?

Вемунд закончил перевязку и протянул юноше кружку с водой. Сигурд, не дождавшись ответа, жадно выпил.

– Так что же, меня отпустят? – отбросив кружку и приподнявшись на локтях, вновь спросил он.

– Не знаю, – честно признался старик, – не знаю.

– Так, значит, я опять пленник?

– Нет, – ответил скальд, – ты можешь свободно передвигаться внутри борга, а Ториру запрещено подходить к тебе.

– А если я снова убегу?

Сказитель отрицательно покачал головой.

– Тебя убьют на месте, а в поединке у тебя есть шанс.

Сигурд вдруг ощутил приступ дурноты, голова слегка закружилась, и он опустился на постель.

– Ты бы не ерзал пока, – предупредил Вемунд.

– Так ты думаешь, у меня есть шансы?

– Конечно, Сигурд. Ты воин и тебе нечего терять, кроме жизни. Победив, ты обретешь уважение, а что может быть важнее для воина, чем уважение?

– Свобода! – Сигурд сжал кулаки. – Свобода, скальд, важнее.

– Ты молод и оттого глуп. Нет такого воина, который бы не мечтал получить уважение к себе от своих же врагов.

– Я и не мечтал, чтобы ярл Атли и его воины стали моими врагами, – с иронией в голосе произнес юноша.

– На все воля богов...

– А когда бой?

– Когда ты сможешь встать и держать в руках оружие.

– М-м-м, – из груди юноши вырвался стон.

– Так или иначе, – продолжил Сказитель, – но мне поручено ярлом скорее поставить тебя на ноги. А дальше – как решат боги.

– О, боги! – процедил Сигурд сквозь зубы. – Им до всего есть дело.

– Так устроен мир, – философски изрек скальд и встал со своего места.

* * *

Девять раз небесное светило, дарованное людям богами, поднималось над лесами и полями Альдегьюборга и девять раз пряталось от людских глаз, прежде чем Сигурд смог нормально ходить и держать в руках меч.

Ярл Атли через Сказителя передал свое настойчивое желание увидеть битву через три дня. Сигурду не оставалось ничего другого, как приступить к тренировкам. Ему принесли щит и меч и разрешили упражняться на небольшом участке возле стены. Первый день юноша посвятил физподготовке – бегал, прыгал, отжимался – одним словом, приводил в порядок одеревеневшие после лечения мышцы. Единственным допущенным до общения с пойманным беглецом по-прежнему оставался лишь скальд. Остальные обитатели борга старались не замечать его, и если Сигурд все же ловил чьи-то взгляды, то не мог избавиться от чувства, что викинги смотрели на него как на покойника. От этих взглядов по коже пробегали мурашки размером с бегемота, но Сигурд каждый раз сжимал кулаки, пытаясь внешне оставаться спокойным.

«Все нормально, – говорил он себе, – все нормально. Победа будет за нами!»

На второй день юноша взял в руки оружие. Сделав несколько выпадов, он остался доволен. Меч ему дали вполне хороший, острый, а щит, диаметром около восьмидесяти сантиметров, был в меру увесист, что тоже немаловажно.

Поупражнявшись с мечом и щитом, Сигурд завершил день пробежкой и отжиманием. Он с удовлетворением заметил, что мышцы ожили.

Третий, решающий день он с самого утра посвятил фехтованию. Принес от бани, где жил, несколько увесистых чурбаков и соорудил из них манекен-мишень. Наблюдавший со

стороны скальд видел, как юноша выплясывает вокруг манекена, выводя замысловатые па, то и дело нанося удары. Сигурд старался двигаться быстро. Он прекрасно понимал, что именно от его скорости зависит благоприятный исход боя. Именно скорость и высокий темп в борьбе с тяжеловесом Ториром может принести ему победу, а значит – жизнь! Он крутился, как волчок, менял углы атаки, сменял темп и рубил – резко и хлестко, да так, что к концу тренировки чурбаки превратились в обстроганные поленья.

– Ты хороший воин, – заметил Вемунд, подходя ближе, когда Сигурд, выбившись из сил к концу дня, остановил свой поединок с манекеном.

– О! Ты еще не видел меня в настоящем бою, – иронично усмехнулся Сигурд, восстанавливая дыхание, – в бою я лев!

Сказитель улыбнулся ему в ответ.

– Охотно верю, юноша, охотно верю.

– На сегодня – все! – подытожил Сигурд. – Будем считать, что я готов.

* * *

По древнему обычаю священный поединок – хольмганг – проводился один на один, и без посторонних глаз, ну, если не брать во внимание, когда один воин из противоборствующего отряда бросал вызов другому. Тогда – да, поединок происходил перед строем, на глазах всей дружины. Но в случае кровной мести, коим считался этот хольмганг, закон предписывал поединщикам уединиться и лучше бы на острове, где никто и ничто не могло помешать воле богов. Однако ярл Атли посчитал иначе. Именно он распорядился взять беглеца живым и пообещал Ториру, брату убитого при побеге Сёльви, что поединок состоится, но только внутри борга и при всей дружине. Торир не возражал, и сам направился на поиски Сигурда, что, впрочем, ему и удалось.

В назначенный день, ровно в полдень, вся дружина заняла свои места, образовав широкий круг в центре борга. Дружинники стояли в ожидании поединщиков, стража взидала вниз с крепостных стен, а ярл Атли, удобно устроившись впереди всех на короткой скамье, дал знак начинать.

Первым в круг вышел Торир, без шлема и обнаженный по пояс. Он был вооружен щитом и мечом. Ударом меча о щит он приветствовал ярла и всех собравшихся. Затем в круг пропустили ответчика. Сигурд был также без одежды. Он спокойно прошествовал в противоположную от Торира сторону и занял позицию.

– Я Торир, сын Ульфа, – прогремел бас, – обвиняю этого человека, называющего себя Сигурдом, – при этом он тыкнул мечом в сторону ответчика, – в смерти моего брата Сёльви.

Ярл согласно кивнул.

– Отрицаешь? – обратился Атли к Сигурду.

– Нет! – громко отвечивал юноша.

– Хорошо. Пусть боги даруют вам справедливость. Начинайте! – ярл небрежно махнул рукой.

Вскинув щит, Торир широкими шагами устремился на ответчика. Сигурд принял боевое положение, готовый в нужный момент отпрянуть в сторону от надвигающейся скалы.

– Один! – взревел нападавший викинг и широко размахнулся.

Он надеялся на мощь своего удара. Меч, описав широкую дугу, разрубил пустоту. Сигурд словно ждал этого богатырского замаха. Он обманно выкинул щит вперед, якобы намереваясь принять удар, а сам юркнул назад и в сторону, одновременно выбрасывая свой меч по косо́й. Он практически все рассчитал правильно. Викинг промахнулся и чуть провалился вперед, но меч Сигурда оказался не таким длинным. Лишь краем лезвия он достал Торира и вспорол ему кожу на правом предплечье. Дружина единогласным выдохом поддержала это первое и столь стремительное кровопускание. Легко раненный Торир от досадного промаха взревел, как лось в брачный период. Он разозлился мгновенно, собственно именно этого и добивался Сигурд. Юноша невольно улыбнулся своей удаче, что

окончательно вывело Торира из себя. С невероятной прытью для своего громоздкого тела он подскочил к ответчику и на сей раз не промазал. Сигурд едва успел подставить щит, как сильнейший удар едва не расколол пополам доски щита. «Только не пугаться», – сказал он себе и тут же отскочил в сторону. Он старался скакать вокруг разъяренного здоровяка, не давая ему нанести точный удар. Они кружились в смертельном кольце, как танцоры. Наконец Сигурд сделал шаг навстречу противнику и позволил еще раз нанести удар. Он специально выставил левую ногу далеко за кромку щита, и Торир не преминул воспользоваться этой, якобы нечаянной оплошностью врага. Меч угодил точно в голень, но для того, чтобы нанести такой удар, викингу пришлось немного наклониться вниз и вперед. Этого Сигурд только и ждал. Он подпрыгнул как можно выше и ударил сам. Каким чудом Торир успел на пару сантиметров приподнять щит, никто не понял, но меч Сигурда серединой врубился в край досок. Лезвие раскололо защиту и вновь лишь слегка коснулось плеча. Кожа лопнула, полилась кровь. Даны разом выдохнули. Второе кровопускание, устроенное их опытному Ториру никому не известным воином, повергло многих в удивление. Но то, что этот юнец не только мужественно сражался с матерым волком, но и сумел дважды ранить его, придало зрителям больше азарта.

– Ты смотри, каков, – услышал Сигурд позади себя.

Лестно? Конечно, но радоваться было еще рано. Сигурд мгновенно выдернул оружие из щита противника и очень вовремя отскочил назад. Меч Торира просвистел совсем рядом, так рядом, что юноша даже втянул живот, дабы его не задело.

Дружинники, охваченные зрелищем, один за другим принялись подбадривать поединщиков звонкими ударами оружия о щиты.

Отражая выпады беспрестанно пытающегося атаковать викинга, Сигурд на миг потерял чувство пространства и неожиданно для себя оказался спиной у щитов окружения. Он даже кому-то наступил на ногу. Секунда, всего секунда замешательства, и Торир уже рядом. Юноша заслонился щитом. Крепкий удар – и сразу две доски на щите не выдержали и отлетели в сторону. Надо было срочно уходить от второго удара. Сигурд резко упал на колени и кубарем откатился в сторону, но меч Торира уже нельзя было остановить.

– Ты что, спятил?! – заорал один из дружинников, на щит которого пришелся удар.

Но Торир не услышал его. Он стремительно развернулся и наотмашь рубанул пустоту, видимо, полагая, что противник уже готовит удар в спину. Однако ответчик уже отошел подальше. Викингу вновь пришлось начинать атаку заново. Ослепленный яростью, Торир рванул напролом. Сигурд опять было дернулся в сторону, но на этот раз маневр не прошел. Поединок разгадал его замысел, пресек взмахом меча и сразу же нанес удар ребром щита. Неудачно, очень неудачно для юноши пришелся этот удар. Ребро вражеского щита угодило прямо по фалангам пальцев правой руки. На миг Сигурду показалось, что пальцы сами разожмутся и он от боли вот-вот выронит меч. Заметив действенность удара, Торир его повторил. На этот раз юноша встретил летящий щит правой ногой – отбил и сам угостил противника отменным ударом. Сигурд вскинул остатки своего щита вверх, упал на колени и мечом, словно косой, рубанул по ногам.

Падая, Торир все же обрушил меч на врага, в надежде пробить ошметки щита и поразить ответчика, но удар пришелся в умбон. Железка прогнулась, повредив Сигурду руку. На мгновение они оба оказались на коленях, друг против друга. Из разрубленной ноги викинга обильно лилась кровь, а руки Сигурда с перебитыми фалангами пальцев предательски подрагивали, и из них тоже текла кровь. Но Торир еще был способен прикончить врага, и его меч вновь угрожающе поднялся. Время для Сигурда как будто остановилось, или это он стал на удивление быстр. Он с силой швырнул свой изрубленный щит в лицо викинга и, пока он летел, закрывая тому обзор, перехватил меч двумя руками и, словно шило, вогнал его в открытый бок противника. Он вложил в удар всю силу, всю энергию тела, и лезвие вошло в плоть почти по рукоятю.

Торир так и замер с занесенным мечом над головой. Его глаза злобно прищурились, и Сигурд поймал его взгляд, полный яда ненависти. Затем ему показалось, что полумертвый

воин злорадно улыбнулся...

– Один! – как проклятие, как последний призыв вылетело из уст викинга, и его меч стал медленно опускаться вниз.

Как Сигурда осенило швырнуть щит в лицо врага, он не мог объяснить. Вскинув обе руки вверх, он, как домкратом, подпер опускающуюся с мечом руку Торира. Они так и застыли, словно два титана, подпирающие небо. Незримая борьба продолжалась еще пару секунд. Викинг пытался давить вниз, а Сигурд вверх, не давая мечу поразить себя. Со стороны казалось, что они застыли в этой позе навечно. Наконец давление ослабло, и глаза Торира погасли. Из его груди вырвался последний выдох, а кровь из раны, вытолкнув все остатки жизни, практически перестала течь. Сигурд почувствовал, как тело его поединщика обмякло, и он разжал хватку. Юноша отвел руку умершего в сторону, и тяжелый меч увлек тело к земле. Торир упал.

Сигурд испытал огромное облегчение, а почти две сотни мечей продолжали монотонно стучать о щиты.

– Один! Один! Один!

Возгласы прекратились только тогда, когда в центр круга прошествовал сам ярл. Он повелительно поднял правую руку, призывая дружину к тишине.

– Мы все видели, и боги тому свидетели, – начал Атли, – что этот воин по имени Сигурд одержал славную победу. Один рад будет встретить Торира в своих чертогах.

Даны вновь огласили округу радостными выкриками и принялись барабанить мечами по щитам.

– Один! Один! Один!!!

От строя отделились трое дружинников. Они подошли к поверженному поединщику и, сложив свои щиты в виде носилок, поместили тело Торира на них. Ярл коротким взглядом проводил процессию и обернулся ко все еще сидящему на земле Сигурду.

– Ты храбрый и искусный воин, хотел бы я иметь такого в своей дружине.

Он произнес это как бы невзначай, видимо желая отдать должное мужеству победителя.

Набежавшая изнутри волна ударила Сигурда в самое сердце, разум его на секунду затуманился. В этом тумане запечатлелся красивый образ: кикимора что-то тихо прошептала, а Сигурд повторил вслух:

– Согласен.

Морок тут же пропал, в голове прояснилось, а стоящий рядом Атли от неожиданного ответа даже приподнял брови.

Глава десятая

Путь воина

*У тебя есть друг?
Лучший друг – это твой меч!*

Несколько дней Сигурд оставался в своей старой баньке, где скальд Вемунд хлопотал над его покалеченными руками.

– Пустяки, заживет, – шептал Сказитель, трижды в день меняя повязки и нанося свежую мазь.

Однако, несмотря на всю заботу со стороны скальда, юноша заметил, что после победы в хольмганге старик как-то по-другому смотрит на него. И что больше всего тревожило Сигурда, так это то, что они перестали разговаривать по душам. Потому, улучив подходящий момент, юноша решил спросить:

– Ты осуждаешь меня, что я пошел в дружину к ярлу?

– Нет, – спокойно ответил скальд, – ты воин, а место воина в дружине.

– Тогда скажи, Вемунд, что не так? Я же вижу, что что-то не так.

– Что начертано тебе судьбой, того не изменишь....
– Да перестань ты! Опять за свое, – перебил его Сигурд, – ты мне толком скажи!
Сказитель склонил голову набок и с прищуром посмотрел на юношу.
– Ты убежал, чтобы вернуться, или ты все же хотел найти своих друзей?
– Да не знаю я, где их искать, – зло ответил Сигурд, – и потом, я почувствовал, что поступлю правильно, если останусь.

Скальд проигнорировал слова нового дружинника ярла Атли. Он молча снял повязки с рук Сигурда.

– Пошевели.
– Работают, как новые, – отозвался юноша, опробовав движение фаланг пальцев, – спасибо!

– Ты полностью здоров, и я тебе больше не нужен.
– Что?
– Я ухожу, – спокойно ответил скальд.
– Но я хотел...
– Я знаю, – перебил Вемунд, – знаю, что ты хотел.
Он поднялся, оправив одежду.
– У тебя много вопросов, но у меня нет на них ответов. На прощание могу сказать только одно: ты привел своих друзей в этот мир.

– Я? Почему я?
– Да, ты.
– Но как?
– Я же сказал, что больше ответов у меня нет!

* * *

Как ни грустно было Сигурду, но пришлось свыкнуться с мыслью, что скальд, единственный человек, посвященный в его тайну, ушел. И никто не видел, как и куда подевался Вемунд Сказитель. Впрочем, никто из обитателей Альдегьюборга не придавал этому ни малейшего значения. Скальд – бродячая душа... И все же Сигурд сожалел, ведь теперь уже не с кем было поговорить о причудах мироздания и о сдвигении времен. Последние слова скальда крепко засели в мозгу нового дружинника. «Разве из-за меня мы переместились во времени? И почему именно я в этом виноват?» – вопросы путали мысли и переносили к общим тренировкам в дружине. Тут уж думать было некогда. Атака, защита, уклонение – это он знал не хуже других, и даже успел доказать свою состоятельность в недавнем поединке с Ториром. Но четко биться в строю – это другое дело! Не просто было держать строй, не вырываться вперед или не проваливаться назад, тем самым поставив под угрозу товарищей – именно этой науке Сигурд был рад. «Круто! Здорово!» – радостные признания самому себе горячили молодую кровь. В конце концов, разве это не дело настоящих мужчин, разве не об этом должен мечтать настоящий реконструктор? Хотя это все уже в прошлом. Теперь это не реконструкция, теперь это жизнь. Жизнь настоящего воина. Но умение воина заключается не только в умении обращаться с оружием и держать строй, а в умении исполнять приказы. И в этом Сигурду пришлось скоро убедиться.

После очередной тренировки Сигурд направился в дружинный дом, где он с недавнего времени проживал на правах полноправного дружинника. Почти у самого порога его нагнал один из воинов.

– Сигурд, надо найти нашего десятника...
– Ивара? – переспросил юноша, он еще не всех в своем десятке помнил по именам, но имя самого десятника, кажется, запомнил.
– Да, Ивара, – подтвердил воин, – пусть он идет к хевдингу Асбьерну.
– Хорошо, передам, – кивнул Сигурд.
Воин развернулся и хотел было отойти, но Сигурд остановил его.

– А ты не знаешь, в чем дело?

– Кажется, твоему десятку есть работа, – загадочно улыбнулся воин, – так что собирайся, я думаю, вас отправят в поход.

– Ага, спасибо.

Войдя в «казарму», как Сигурд про себя называл дружинный дом, он первым делом направился в центр, к очагу. Еще издали он заметил, что у огня грелись несколько дружинников, в том числе и десятник Ивар.

– Тебя хевдинг Асбьерн вызовет, – сказал ему юноша, положив руку на плечо десятника.

– Что-то стряслось? – спросил Ивар.

– Не знаю, – соврал Сигурд, – сходи, потом нам расскажешь.

– Думаю, ярл задаст Веслу направление и мы все погребем вперед, – ехидно заметил один из воинов.

Шутку тут же поддержали общим смехом. Не смеялся только десятник.

– Ждите, я скоро, – коротко распорядился он, вставая со своего места.

Ждать, и правда, пришлось недолго. Ивар вскоре вернулся и, подозревая всех своих воинов к очагу, объявил:

– Завтра выступаем.

– Куда? – спросил воин с седой бородой. Насколько помнил Сигурд, он был чуть ли не самым старым из всех.

– Ярл приказал объехать ближайшие поселения и объявить о сборе дани, – продолжил десятник.

– Ну, это дело! – вставил все тот же седобородый.

«Кажется, его зовут Кари или Кали...» – Сигурд пытался припомнить имя говорившего.

– Это дело, Кари, – обратился к седому Ивар, – скоро зима и нам быгодились дары местных.

– Да! – воскликнул еще один воин. – Пусть знают, что мы пришли навсегда!

– Тем более что собственный ярл бросил их и сбежал, как трусливая свинья, – заметил другой воин по имени Свен. Этого Сигурд почему-то запомнил по имени.

Викинги засмеялись.

– А ты чего такой хмурый? – обернувшись к Сигурду, неожиданно спросил десятник.

– Мне все равно, – равнодушно ответил юноша, – надо идти, так пойдем, в чем же дело...

– Ты смотри, – вновь вмешался Свен, – нам тут скоро жрать нечего будет, а ему все равно!

Сигурд проницательно посмотрел на говорившего, но промолчал.

– Ладно, – примирительно изрек Ивар, – хватит. Всем приготовиться, завтра с рассветом выступаем.

* * *

К ярлу Атли подошел его хевдинг Асбьерн Весло, прозванный так за свой высокий рост и необычайно длинные руки, с ладонями, напоминающими лопасть весла.

– Я отобрал три десятка, как ты и просил, – начал хевдинг, – они готовы.

Ярл пристально оглядел готовых к походу воинов.

– У нас нет на всех лошадей, – начал Атли, – посему придется немного размяться пешком. – Он улыбнулся, и его единственный глаз, излучавший железную уверенность, пробежал по рядам. Дружинники в ответ заулыбались в усы и бороды, – мол, понятно, шутка удалась.

– Я не уверен, что, узнав о взятии нами Альдегьюборга, местные вожди поспешат принести нам клятвы и дань. Особенно если учесть, что мы до сих пор не знаем, где их ярл

Гутрум. Мы не можем ослаблять оборону борга, посему отправляются только три десятка. Вы должны вернуться до первого снега.

– А как мы узнаем, где их искать? – подал голос десятник Ивар.

– Асбьерн, – скомандовал ярл.

Хевдинг повернул голову и, махнув рукой, крикнул кому-то:

– Давай!

Все три десятка воинов повернули головы вслед за Асбьерном. Из-за ближайшего дома двое дружинников вывели хрупкого человека в лохматой и местами драной шубе. Шуба из звериных шкур свисала до самой земли, полностью скрывая фигуру незнакомца. Его голову венчала поношенная лисья шапка с торчащими ушами зверька, практически полностью скрывающая лицо.

Когда человека подвели ближе, хевдинг подошел к нему и сорвал шапку – черные густые волосы рассыпались по плечам.

– Это бепская девчонка укажет вам путь, – во всеуслышание объявил ярл, – она доведет вас до ближайшей деревни, а там вы уже найдете новых проводников. – Ярл Атли скривил губы в ехидной улыбке. При его словах девушка едва заметно дернулась, и в ее глазах отразился страх, по всей видимости, для нее слова ярла прозвучали как приговор.

Сигурд при виде девчонки невольно покрутил головой и подметил в глазах двух молодых воинов плотоядные огоньки.

– Хороша, – тихо произнес один из них, толкая соседа локтем.

– Ну-у-у, – пренебрежительно протянул другой, – на безрыбье и рак...

– И не вздумайте шалить с местными бабами! – резко прервал их ярл. – Нам нужен мир! Во всяком случае, пока!

– Особенно это касается вас, Хаук и Гисли, – добавил хевдинг Асбьерн, обращаясь к двум молодым дружинникам, – смотрите у меня.

Сигурд вновь посмотрел на эту парочку, те в ответ широко улыбнулись и кивнули.

«Иш ты, поняли они, – подумал, глядя на них, Сигурд, – врут, собаки, такие проглотят девчонку вместе с ее шубой и не подавятся». Юноша четко решил про себя, что будет приглядывать за этими двоими во время похода, ох будет...

* * *

Три десятка воинов шагали за хевдингом Асбьерном по лесной тропе почти до полудня. Вскоре впереди показался просвет, и они вышли на удобную полянку.

– Стой! – скомандовал хевдинг. – Привал.

Дружинники моментально расположились в большом круге и принялись утолять голод. Десятник Ивар лично выставил несколько караулов. Сигурду достался северный сектор, как раз по пути следования.

– Мы тебя скоро сменим, и сможешь поесть, а пока смотри в оба, – напутствовал юношу десятник.

– Хорошо, – ответил Сигурд и, проводив начальника взглядом, изобразил бдительного караульного.

Безмятежное несение службы продолжалось совсем не долго. Неожиданно справа затрещали кусты. Сигурд перевел копьё в боевое положение, и в следующую секунду из кустов вылез медведь.

– О-па, – вырвалось из груди Сигурда.

Животное застыло, приняхиваясь и приглядываясь. Насколько мог судить юноша, мишка был в меру крупным и упитанным, однако это нисколько не умаляло достоинств его челюстей и когтей. Медведь изучающе смотрел на человека и, судя по всему, учуял, что человек тут не один. И все же Сигурда и зверя отделяли от остальных несколько десятков метров и плотнорастущие раскидистые елки. Молчаливое противостояние продолжалось недолго. Лесной хозяин поднялся на задние лапы и грозно зарычал – что-то ему явно не

понравилось в облике человека.

«Ну, этот рык навряд ли слышали все», – подумал Сигурд, готовясь отразить атаку. Насколько прыткими бывают медведи, он знал из «Мира животных», но чтобы настолько...

Зверь пролетел отделяющие его от человека десятки метров, как реактивная ракета. Сигурд инстинктивно присел, выставив далеко вперед свое копьё. Лесной обитатель обрушился на него всей своей массой. Из пасти медведя вырвался душераздирающий рык, и юношу обдало жаром его дыхания. В следующий миг он услышал треск ломающегося копья и лапа хищника мощно саданула его по шлему. Еще секунду он стоял, уперев копьё в землю, а затем стал приседать. Зверь давил все сильнее и сам насаживал себя на копьё. Наконец древко не выдержало и окончательно сломалось. Медведь всей массой обрушился на Сигурда, тот получил еще один удар по шлему и тут же почувствовал второй удар в бок. Когти вырвали клочок кожаного доспеха и достали плоть, но Сигурд в азарте боя не почувствовал боли. Юноша успел ухватить медведя левой рукой за глотку, тем самым не давая тому пустить в ход зубы. И все же противники упали. Хищник всем весом придавил человека, но Сигурд не имел намерения сдаваться. Свободной правой рукой он чудом извлек нож и нанес несколько коротких ударов в горло. Кровь заливала ему лицо, а он продолжал с остервенением наносить удар за ударом. Он почувствовал, что сопротивление лесного хозяина ослабевает и нанес решающий удар, пронзив снизу челюсти хищника.

Медведь глухо прорычал и резко отпрянул от потенциальной жертвы. Животное приподнялось на задних лапах, но лишь на секунду. Выпустив горячий пар из ноздрей, зверь рухнул всей своей массой вниз, намереваясь умереть, но раздавить человека.

Сигурд был не в силах увернуться от этой туши. Молниеносно нащупав под рукой обломок древка, он выставил его перед собой как последнюю преграду. Мохнатое тело рухнуло, полностью накрыв собой Сигурда.

Глава одиннадцатая Князь Вадим?

*Признаться честно – я во многих растворялся.
Но я и многих растворял!*

Над ухом зазвенел будильник. Пронзительно и настойчиво. Сейчас он слышал его так же отчетливо, как и раньше. Будильник звал на работу – вставай, вставай! Хотелось протянуть руку, достать его и вырубить. А он все звенел и звенел, пробуждая тревогу в душе – пора! Чертовски не вовремя, хотелось еще поспать. Ну почему именно сейчас?! Вадим открыл глаза, спросонья попытался нащупать дребезжащий раздражитель. Руки отчего-то слушались плохо, он едва смог пошевелить пальцами. Да нет, не может быть, он явно ощущал, что водит руками, пытаюсь нащупать этот треклятый будильник.

Кроме навязчивой мысли о будильнике, Вадима тревожило еще что-то... Ах да, сон. Он мог поклясться, что видел Андрея живым. Впервые за долгое время он смог разглядеть его так отчетливо. Видимо, Коди была права...

Он проморгался, попытался встать, но не смог. Острая боль пронзила все тело. Нервы предательски дрогнули, из груди вырвался стон. Было почти темно, лишь откуда-то справа лился неровный свет. Вадим едва заставил себя повернуть голову. На небольшом деревянном столе горела лучина. «Нет. Не может быть», – догадка взбудоражила усталый мозг. Он напряг зрение и, как мог, огляделся. Рубленые из бревен стены, низенькая крыша, в углу, кажется, бочка, у стола две короткие лавки, ага, вот и печурка. А у печурки то ли широкая лавка, то ли кровать и... Вадим не сумел разглядеть того, кто лежал на этом ложе, укутанный в звериную шкуру. «Андрей?» – эта мысль возбудила воспоминание о сне, где на Андрея напал медведь. Ему этот медведь еще тогда показался странным. Он вроде и не хотел нападать, но потом как будто получил от кого-то приказ.

Новгородский десятник поджал локти, чтобы приподняться.

– Ууууу, аах, – пересохшие губы едва разомкнулись со звуком боли.

Локти дрогнули, и его руки, как две беспомощные клешни, повисли вдоль туловища. Голова закружилась, в глазах потемнело от боли. Дыхание перехватило, и к горлу подступил тошнотворный комок. Некоторое время он лежал тихо и больше не делал попыток приподняться. Десятник прислушивался к своему телу. Карусельные кружения в голове затихли, успокоились. Дурнота отступила, дышать стало легче, что уже радовало. Он еще раз посмотрел на тело под медвежьей шкурой. «Нет, не может быть – бред. Это не Андрей, это было бы просто сказкой», – мысли об увиденном во сне на миг заставили забыть о физической боли. Он вспомнил самое начало своего сна. На невидимых крыльях он несея над лесом, потом резко снизился и увидел медведя и викинга. Лица человека он не запомнил. Его лицо заволокла легкая пелена. А затем... «Черт, это же я отдал приказ медведю, – Вадим тяжело выдохнул. – Уж слишком сильна во мне ненависть к викингам. М-да, но почему это Андрей?» Он втянул ноздрями побольше воздуха, задержал дыхание. Перед глазами вновь показалась звериная морда и лицо викинга. Да, сомнений не осталось, это был Андрей. Он вспомнил, что его сон прервался на том моменте, когда они оба упали, и медведь, и Андрей. «Что же за видения такие? – скорбно подумал Вадим. – Нельзя, что ли, было показать, чем все кончилось?» Юноша выдохнул и, вновь набрав воздуха, задержал дыхание. «Все, в следующий раз напрягусь и все точно узнаю про Андрея... и Павла».

Вадим пошевелился, и острая боль опять пронзила тело. Дождавшись, когда боль утихнет, он попытался понять, насколько он пострадал. С руками было все понятно – целы, а вот ноги? Ног он не чувствовал, а это было уже плохо. И все же Вадим попробовал пошевелить ногами, но конечности придавило, словно слитком чугуна. Чуть-чуть наклонив голову, он узрел, что «чугуном», мешавшим ему пошевелить ногами, была тяжелая медвежья шкура, закутавшая его по пояс. Он робко попробовал пошевелить пальцами ног. Пальцы не сразу, но отозвались. «Так, кажись, господин Хлопин, у вас все цело, полный комплект», – резюмировал про себя Вадим после этой осторожной гимнастики.

Десятник приподнял подбородок и уставился в потолок. Темные закопченные жерди были прилажены достаточно плотно друг к другу. «Да уж, я все еще здесь», – подумал Вадим, вспомнив про свой сон, где так сладко позванивал будильник, зовя его на работу, там, в привычном двадцать первом веке. Эх...

Чертовски хотелось пить. Он видел, что в углу стояла бочка и, вероятно, именно с водой. Но подняться он точно не мог, без вариантов. Оставалось позвать кого-то. Стоп. Но кого позвать? Нет, ну ведь кто-то уложил его и даже заботливо накрыл шкурой. Вадим погонял языком по нёбу, чтобы набрать во рту хоть каплю влаги. Получилось плохо. «Даже слюней и тех не осталось», – подумал новгородский десятник и прикрыл глаза.

И все же он решил кого-нибудь позвать. Может, то, лежащее у печки на лавке тело, и есть гостеприимный хозяин избушки? Он открыл глаза и посмотрел на тело у печки, затем еще раз сглотнул и издал вялый хрип. Ни вторая, ни третья попытка не принесли ожидаемого результата. Голос пропал и возвращаться не желал. Черт!

Смотреть на бочку с водой было невозможно, и он отвернул голову, вновь уставившись на потолок. Что же было до того... Ах да. Последний бой привиделся ему отчетливо. Он помнил все или почти все. Новгородцы и вепсы хорошо держались, да и он вроде не сплеховал – пару-тройку викингсов точно уложил, к бабке не ходи! И даже, кажется, ихнему ярлу хорошенько приложил. А вот кто приложил его, Вадим не помнил, равно как и не помнил, свалил ли кто Валуя. Вдруг ужасно заныл левый бок. Вадим осторожно ощупал больное место. Так и есть – плотная повязка вокруг живота, а слева немного взмокло. «Кровь сочится, что ли?» – догадался Вадим. Он поднес руку к лицу. «Ну так и есть – кровь, только с запахом трав. И кто же тут меня врачует?» – десятник мысленно поблагодарил незнакомца или незнакомку за заботу. «Лучше бы уж незнакомка. Это стало уже входить в привычку, вот так валяться раненым с повязками и мазями. Блин, если я протяну еще год-другой, то вообще изрубят в куски и живого места не останется, сплошные шрамы и рубцы. Ага, шрамы украшают мужчин», – за мысленным разговором самого с собой он забыл про левый бок,

который, впрочем, утихомирился и перестал болеть... ну почти перестал.

«Вот так и бывает... А к тридцати годам уже аллес, все, кранты – ходячий инвалид и хорошо если ходящий. И домов инвалидов тут не предусмотрено. И вообще, где мой доктор... Нет, докторша. Господи, пусть это будет докторша, красивая, с большой грудью, – мысли сменяли одна другую, но как ни странно успокаивали, расслабляли. – Да ну, бред какой-то! Щас бы соку персикового или виноградного. Пашка вот тоже любит виноградный. Пашка? Вот, черт, а где же Пашка? Нет-нет. Не погиб он. Точно. Не может того быть. Да и далеко его корабль был. Даже если викингосы нас одолели, то он мог и уйти».

Он в полубредовом состоянии убедил себя, что друг непременно должен был остаться в живых. Иного он не мог себе представить. Вернее, не хотел. Пашка, которого он знал с самого детства, просто не имел права умирать. Он же не умер, вот и Пашка не мог. Кто угодно, только не Паша.

Где-то в самом глубоком подсознании он понимал, что может быть как угодно. Все может быть – и смерть, и жизнь. И для тебя, и для твоего друга...

Тяжелое чувство сдавило сердце. Беспокойство нарастало, сердце отчаянно застучало, разгоняя кровь. Левый бок увлажнился еще больше, боль вернулась внезапно. Она пронзила все тело и мощно ударила в мозг. Вадим закрыл глаза, до скрежета сжал зубы. Хотелось завывать! Мыслей уже не было, лишь далекий женский голос нежно пропел:

– Не уходи... не уходи, побудь со мною...

А слабый мужской голос ответил:

Я без тебя уже не в силах...
Придешь, я буду снова на коне!
И небо в солнечных лучах
Замрет. И отразится на воде.

* * *

«Вот ведь, только подумать, – размышлял Вадим, – сколько я уже тут, в этом учебнике истории? Сколько? Два месяца? Или уже три! Чудовищное количество дней... Если задуматься, чудовищное количество...»

Он с трудом повернулся на правый здоровый бок. В избе все было по-прежнему – ничего не изменилось. Хотя нет. Повязка на его теле была заботливо поменена и, кажется, с какой-то мазью. И ведь так аккуратно, что он даже не проснулся. Сколько он проспал, Вадим не знал, да и не старался даже прикинуть. Его больше беспокоило то, что он не увидел своего спасителя, не поблагодарил. А ведь было за что! Раненый левый бок после перевязки перестал его беспокоить, ощущалось только легкое покалывание, но оно было скорее приятным, чем раздражающим. И это не могло не радовать.

Вадим повернул голову и через плечо глянул на печку. Так и есть – тело на лавке не исчезло, а по-прежнему лежало накрытое звериной шкурой. «Да кто же это там лежит?» – спросил себя новгородский десятник. Он почти вывернул себе глаза, стараясь разглядеть лежащее на скамье у печки тело, и тут он заметил кувшин. Вадим осторожно, чтобы не вспугнуть боль, повернулся на спину – уф. Из этого положения смотреть было все же удобнее. Так и есть. У его изголовья на полу стояла низенькая табуреточка, а на ней кувшин с узким горлышком. Он сделал неторопливое, почти балетное движение рукой и дотянулся до кувшина. Сосуд был невелик, а узкое горлышко безупречно для питья лежа. Новгородский десятник плотно прижал горлышко к губам и стал наслаждаться. Сначала он глотнул немного и прополоскал рот – до чего же хорошо. Мед с терпкими травами, разведенный в воде, был хорош. Затем он мелкими глотками осушил емкость до дна и с облегчением поставил сосуд на место. Вадим почмокал языком и попробовал позвать:

– Есть кто в доме?

К его удивлению, голос не подвел. Жидкость освежила горло и взбодрила связки.

– Эй, – позвал он, – хозяин! Есть кто дома?!

Ему показалось, что получилось довольно громко. Даже тело на скамье у печки едва заметно пошевелилось, а затем оттуда донесся сдавленный хрип.

– Есть кто?!

На его зов низенькая дверь избы отворилась, и яркий солнечный свет залил половину помещения. Вместе с солнцем в избу ворвалась морозная свежесть. Ослепленный, Вадим машинально прикрыл глаза рукой. Но вскоре в дверном проеме показалась чья-то фигура, частично перекрыв свет. Дверь, скрипнув, закрылась. Послышались шаркающие шаги. Вадим отвел руку, но продолжал шуриться.

– Я вижу, ты проснулся, – мужской голос был бодрым и уверенным.

Когда десятник проморгался и его глаза вновь могли полноценно видеть, он узрел стоящего перед собой старца. Длинные, бело-серые волосы незнакомца были аккуратно убраны сзади в пучок и на затылке перехвачены тесемкой. Незнакомец присел на край постели.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Спасибо, вроде бы хорошо, – ответил Вадим, продолжая разглядывать старика.

– Наверное, ты хочешь спросить, кто я? И как ты оказался у меня в гостях?

– Конечно.

– А тебе совсем не интересно, кто лежит на лавке возле печки?

– Да, и это тоже.

– Он назвал себя Валуем. Я нашел вас вместе на ладье, которую прибила к берегу река.

– Валу? – искренне удивился Вадим. – Так он жив.

– Еще несколько дней назад я думал, что его путь окончен, но он крепкий воин, он выкарабкался. Теперь, думаю, точно будет жить.

– Спасибо тебе за заботу, – поблагодарил юноша, – как тебя зовут?

– Вадим... можешь называть меня дед Вадим...

– Тезки, значит, – перебил его десятник.

– Что?

– Я говорю, меня тоже Вадимом зовут.

– Это приятно, хотя и странно, – коснувшись своих длинных усов, ответил старик.

– Чего же тут странного, Вадим – известное имя.

– Так, да не совсем так.

– Загадками говоришь.

– Ну, об этом после, а сейчас дай-ка я осматрю твои раны.

Старец откинул прикрывавшую десятника шкуру, осторожно осмотрел раны. Кроме продырявленного левого бока, на теле имелись многочисленные синяки и ссадины. Не обошлось и без царапин и порезов.

Дед Вадим принялся смазывать все эти издержки боя, как успел разглядеть десятник, серо-бурой мазью.

– Такие пустяки не должны беспокоить воина, – словно уговаривал его старик, продолжая наносить мазь.

– Хорошо пахнет, – как бы невзначай заметил десятник.

– Немного мяты и ольховой коры, – ответил старик, – а вот с твоим боком еще придется повозиться.

Он не спеша снял повязку.

– Зашил уж я как сумел, не сердчай, Вадим, получилось кривовато.

– Не в красоте дело...

– Это да, но тебе еще повезло, а вот твоего друга... он ведь твой друг?

– Валу? Конечно он мой друг, – уверенно изрек десятник, – он даже пару раз жизнь мне спас.

– Ну, раз так... изрубили его премного, но жить будет, и ты мне поможешь.

– Ты только скажи...

– Через три дня разрешу тебе вставать, вот тогда и поможешь своему другу.

Старик смазал шов мазью и наложил чистую повязку. Затем принес раненому напиток.

– Есть-то, поди, хочешь? – спросил дед Вадим.

– Ага.

Все то время, что старик ходил по избе – сначала Вадиму за водой, потом за миской с едой, – десятник наблюдал за ним. Дед ходил прямо, даже горделиво, так и не скажешь, что старец. Ногами не шаркал, ступал твердо...

– Нынче в силки перепела попались, вот я из них навар сделал, на-ка, попробуй, – предложил старик раненому, садясь с миской на край его постели.

– Перепела? Никогда не пробовал, – искренне удивился десятник.

Дед помог раненому приподняться и сесть поудобнее для приема пищи. Бульон показался Вадиму блаженством. Желудок от радости аж заурчал, а потом замурлыкал. Бульон был не особо горячим, и десятник почти разом осушил миску. На дне лежала целиком сваренная тушка птички. Вадим быстро управился с несколькими граммами мяса и от жадности даже перемолотил зубами мелкие косточки. Он вернул миску своему лекару.

– Спасибо тебе, дед Вадим.

– Вот и ладно, – ответил старик, – ты поспи покуда, а все разговоры после.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил десятник и сладко зевнул.

«Действительно, можно и вздремнуть», – подумал Вадим, закрывая глаза.

* * *

Дни и ночи тянулись бесконечно долго. Хотя Вадим не особенно мог отличить, день на дворе или уже ночь. Избушка их с Валуем спасителя не имела окон. Дневной свет попадал вовнутрь только тогда, когда дед заходил или выходил из избы. Но в своем состоянии он не успевал следить за передвижениями старца. Впрочем, тот часто пропадал где-то подолгу, а возвернувшись, менял раненым повязки и выносил эти... как их? «Утки, – вспомнил Вадим, – до чего же странное название». Ему было чертовски неудобно и стыдно, когда дед подкладывал под него деревянную посудину. Но старец не подавал ни малейшего знака отвращения, приносил и уносил посудину без слов, как будто для него это было не в тягость. Но Вадим все равно стеснялся делать это вот так... прилюдно. Он неоднократно порывался встать, с мыслью выйти на двор по нужде, но каждый раз, приподнявшись, устало падал на ложе. А после последней неудачной попытки, когда он упал на пол, старик и вовсе обматерил его малопонятными старославянскими речевыми оборотами, хотя общий смысл Вадим все же уловил.

– Не ерепенься, – строго изрек старик, с трудом поднимая с пола нехрупкое тело раненого.

– Взбередишь раны, кровью изойдешь, – он еще раз пригрозил десятнику, осматривая повязки.

Вадим волей-неволей смирился со своим беспомощным состоянием. Когда ему не спалось, он лежал и слушал тяжелое дыхание Валуя. «Вот кому досталось побольше моего», – думал он о боевом товарище. Валуи так и не приходил в сознание, хотя Вадим часто слышал, как тот что-то невнятно бормочет в горячечном бреду. Десятника успокаивала только одна мысль – старик обещал, что Валуи выживет.

Поговорить им пока так и не удавалось.

* * *

Через три дня старик разрешил Вадиму подняться и, поддерживая его под руку, помог выйти на двор. Было по-осеннему прохладно, но солнце ярко светило, одаривая землю последним теплом. Вадим прищурился, за долгие дни в полутьме избы он совсем отвык от

солнечного света. Дед усадил его на скамейку подле дома.

– К ночи будет мороз, – почти обыденно изрек он, усаживаясь рядом.

Вадим покосился на старца: «Ну, давай, дед, говори, не томи», – мысленно поторопил его юноша, и старик, словно прочитав его мысли, неожиданно спросил:

– Ты знаешь, кто ты?

«Опа, вот это поворот», – пронеслось в голове Вадима, а вслух он ответил:

– Конечно.

– Что-то робок твой ответ...

– Странные твои вопросы. И вообще, к чему все это?

– Странно то, Вадим, что ты – это я!

Новгородский десятник, в недавнем прошлом ролевик из Питера Вадим Хлопин, от удивления широко раскрыл рот:

– Да ну... не может быть?

– Не веришь? – испытующе спросил дед Вадим.

– Ты, верно, смеешься надо мной? Но позволь спросить, если я это ты, то кто же тогда ты?

Старик мягко улыбнулся:

– Я Вадим, князь Белозерский.

– Да ну... не может быть!

Вместо эпилога

Заплыв до спасительного берега оказался не прост. Тяжело дыша, Павел и Юски выбрались на пологий берег реки. Сильное течение Волхова снесло их на приличное расстояние от Альдегьюборга и от места речного сражения. Чтобы выгрести и не попасть в коварные омуты, им пришлось здорово поднапрячься, особенно трудно пришлось вепсу, который не был приучен к столь длительным водным процедурам. Павлу, имевшему определенную бассейнную подготовку, было куда легче, но и он ближе к берегу стал сдавать. На последних метрах до вожаемого берега вепс попытался было утонуть, и главе медвежьего рода пришлось спасать незадачливого пловца. Схватив Юски за волосы, как учили еще в школе на уроках ОБЖ, Павел вытянул вепса из цепких лап водяного. Теперь выгребать стало еще труднее, однако Павел старался спасти товарища, скрипел зубами, стонал, но держал... и плыл дальше со своей ношей. Казалось, еще несколько секунд – и силы оставят его, и тогда – прощай, жизнь, прощайте, мечты...

Но когда ноги уперлись в каменистое дно, мысли просветлились, чертовски захотелось продлить эту жизнь, пусть даже в этом нелепом, оголтелом прошлом, где все только и думают, как бы убить друг друга. Павел что было сил рванул тело вепса на себя, стараясь поставить его на ноги. Юски сопротивлялся, барахтался, как испуганная черепаха, но тут и он, нащупав под ногами твердь, изрыгая из уст своих речную воду, заработал ногами, помогая Павлу вытащить его.

Выбравшись на сушу, они упали лицом вниз, блаженно растянувшись на пожелтевшей траве.

– Спасибо, – устало выдавил из себя вепс, немного отдышавшись.

– Не за что, – ответил глава рода, разжимая кулак и снимая с ладони приличный клочок волос, выданный из головы Юски, – не за что...

Павел быстро восстановил дыхание, перевернулся, сел.

– Да уж, – пробурчал он себе под нос по-москальски, – весело погуляли.

– Что? – не понял вепс.

– Я говорю, погуляли хорошо, – он перешел на понятный для вепса язык.

Юски устало мотнул головой.

– Просрали мы битву, как есть просрали, – продолжил сокрушаться Павел, – однако где

Вадим?

Юноша поднялся и посмотрел на реку. От места боя в их сторону течение несло несколько пустых драккаров. Павел видел, что первым несет черный драккар, на котором сражался Вадим. Судно вертелось на волнах, медленно поворачиваясь поперек течения то одним, то другим бортом. Наконец река плотно сжала черный драккар, и он, встав носом по течению, ускорил свой бег.

Когда драккар проходил мимо, Павел что было сил крикнул:

– Вадим!!!

Тишина, на драккаре не было ни малейшего движения.

– Вадим!!!

Но ответа не последовало...